

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
Кафедра русского языка

**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

*Материалы
Международной научной конференции
(Бийск, 22 – 23 ноября 2012 г.)*

Бийск
АГАО им. В. М. Шукшина
2012

ББК 81+83

Р 88

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукина*

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук, доцент *Е.В. Белогородцева (г. Бийск)*

Рецензент:

кандидат филологических наук, доцент *Е.С. Замашанская (г. Бийск)*

Р 88 Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве [Текст]: Материалы Международной научной конференции (22 – 23 ноября 2012 г.) / отв. ред. Е.В.Белогородцева. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. – 160 с. – 100 экз. – ISBN 978-5-85127-712-2

Сборник научных статей содержит материалы по актуальным вопросам ряда активно развивающихся направлений современного языкознания, посвященных изучению языковой личности, формированию креативной языковой личности как фактора коммуникативного взаимодействия, функционированию современной языковой личности: аспекты ее проявления и факторы образования, а также эволюции языковой личности.

Для специалистов в области языкознания.

ISBN 978-5-85127-712-2

© ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Болдина О.П.</i> Внутренний лексикон как один из источников описания языковой личности.....	5
<i>Власов М.С.</i> Акцентологические варианты наречий в сознании носителей русского языка.....	10
<i>Зыбина Н. П.</i> Явление агнонии в лексиконе языковой личности.....	14
<i>Никитина Л.Б.</i> Языковой образ человека, языковая личность, речевой жанр: к вопросу о комплементаризме лингвистического описания.....	17
<i>Селянская Е. А.</i> Формирование языковой личности под воздействием средств массовой информации.....	21
<i>Трофимова Е.Б.</i> Языковая личность как объект лингвистического исследования.....	27
<i>Трофимова У.М.</i> Экспериментальное исследование акцентной вариативности в начальных формах глагола.....	31
<i>Шкуропацкая М.Г.</i> Ассоциативный взгляд на синонимические отношения слов в русском языке.....	36

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

<i>Алтантуяа Батаа</i> Влияние социальных факторов на дискурс пожелания в русском и монгольском языках.....	43
<i>Блазнова Н.А.</i> Оценочность в речи диалектной языковой личности.....	46
<i>Волкова Н.А., Новикова О.В., Орехова Т.И.</i> Воспитание языковой личности студентов в условиях полиэтнического пространства Республики Алтай.....	50
<i>Есенова Т.С.</i> Речевое общение представителей национальной политической элиты.....	55
<i>Кичикова Н.А.</i> Страна Бумба как прецедентное имя в языковой картине мира калмыков.....	62
<i>Одончимэг Тумээ</i> Типологическая характеристика фонетических систем в монгольском и русском языках.....	66
<i>Ягуфаров Р.А.</i> К вопросу об изменениях речеповеденческих стереотипов носителей русского языка: опыт экспериментальных исследований.....	71

РАЗДЕЛ III. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Агапова Е.А.</i> Речевые жанры «на стенах» социальной сети «ВКонтакте»	74
<i>Доронина Н.И.</i> Возможный мир личности в пространстве виртуальной коммуникации.....	76
<i>Сысоева Д. С.</i> Интернет-мем как вид прецедентного текста.....	83
<i>Шаяхметов Р.А.</i> Опыт анализа виртуальных личностей	86

РАЗДЕЛ IV. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ТЕКСТ

<i>Акимов В.А.</i> Использование диалогово-личностного принципа создания образа в творчестве Любомудров.....	89
<i>Артемова Т.В.</i> Риторическая стратегия как индивидуальное воплощение коммуникативной стратегии	93
<i>Арышева А.Ю., Катышев П.А.</i> Повторные местоименные номинации как предпосылки возникновения референциального конфликта в текстах судебных решений.....	98
<i>Бочкарева Т.А.</i> Жизненное и творческое кредо Ю. Нагибина: к проблеме реализации языковой личности в художественном тексте	102
<i>Грекова И.В.</i> Образ автора в древнерусском житии и современном жизнеописании святого	108
<i>Егорова Т.И., Илакова Е.В.</i> Языковые особенности брачного объявления как речевого жанра.....	114
<i>Жавхлант Ванчаа</i> Анализ языка и стиля стихотворения А.С. Пушкина «Анчар».....	120
<i>Жукова Т.В.</i> Особенности паузирования в естественной речи.....	122
<i>Корюкина Е. А.</i> Жанровое измерение языковой личности	125
<i>Майдаржав Алтансүвд</i> Типология порядка слов в русском и монгольском языках	129
<i>Махнёва А.И.</i> Лингвистический анализ языковой личности Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Архиепископа др. Роберта Поллича.....	131
<i>Мельник Н.В.</i> Текст как предмет лингвоперсонологии русского языка	136
<i>Шестакова О.В.</i> Языковые средства выражения ценностной категории «семья» в радиорекламе.....	142

РАЗДЕЛ V. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА В XXI ВЕКЕ

<i>Бушев А.Б.</i> Языковая личность политика: в чем ее специфика?.....	147
<i>Искандарова Г.Р.</i> Языковая личность российского юриста в XXI в..	152
<i>Солодянкина Н.В., Хвостова А.В.</i> Речевой портрет студента-филолога	155

**РАЗДЕЛ I. РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Болдина О.П.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукишина, г. Бийск, Россия*

**ВНУТРЕННИЙ ЛЕКСИКОН КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ
ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Современная лингвистическая наука все больше внимания уделяет изучению единиц комплексного характера, что позволяет делать выводы не только об отдельных сегментах языковой системы, но и о ее функционировании в целом. Понятие языковой личности, ставшее в последнее время объектом многих исследовательских работ, является примером такой комплексной единицы, позволяющей рассматривать язык не в качестве статической системы, а с точки зрения ее отражения в сознании носителей языка и в речевой деятельности.

Вслед за Ю.Н. Карауловым, под термином «языковая личность» в данной статье понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [1]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что создание речевых произведений – один из основных процессов речемыслительной деятельности носителя языка, позволяющий охарактеризовать его как языковую личность. При этом логичным можно считать утверждение о том, что созданные тексты являются отражением внутреннего лексикона, изучение которого, в свою очередь, также определяет некоторые дополнительные характеристики языковой личности. Главная особенность этого объекта – недоступность прямому наблюдению – выдвигает на первый план задачу его выявления в виде некоторой лексикографической модели, сохраняющей исследуемые свойства самого объекта (например, состав и структуру) и способной в свою очередь быть объектом дальнейшего исследования.

Принято выделять две основные формы существования языка, под первой понимается собственно язык, имеющий надиндивидуальную форму существования, вторая – это знание языка, которым располагает каждый индивид, поэтому применительно к данной форме существования языка можно говорить об ее индивидуальном характере. Относительно лексической составляющей языка в данной форме принято говорить о внутреннем лексиконе [2; 3]. Проведенные исследования показывают, что

внутренний лексикон не является статичным феноменом, а представляет собой функционирующий самоорганизующийся механизм, проходящий в своем развитии три этапа: коммуникация как вспомогательная формирующая языковая структура, получившаяся языковая структура как функционирующий механизм и коммуникация как следствие работы этого механизма.

Использование в исследовании структуры внутреннего лексикона только методов лингвистического описания в итоге приведет лишь к теоретическим объяснениям устройства механизма внутреннего лексикона, которые не смогут отразить его динамического характера. Однако современная лингвистика значительно расширила представления о предмете своего изучения – языке, заинтересовавшись ролью человеческого фактора в его функционировании. Поэтому актуальными вопросами функционирования языковой системы являются проблемы, связанные с понятием языковой личности [1; 4; 5; 6].

В психолингвистике не существует достаточно полного, всесторонне охватывающего определения внутреннего лексикона. Такое положение сложилось в результате неясного понимания того, что имеется в виду под понятием «внутренний лексикон». Некоторые лингвисты рассматривают внутренний лексикон как статичную систему, которая приравнивается ими к «известной индивиду части общенационального словарного запаса, хранящегося в памяти в том же виде, в каком слова описываются в печатных словарях и лексикологических исследованиях» [7]. Другие ученые (Ч.Осгуд, Дж. Диз и др.), напротив, понимают лексикон как один из механизмов когнитивной переработки информации, делая, таким образом, акцент на динамических характеристиках исследуемого объекта.

Концепция внутреннего лексикона А.А. Залевской носит также функциональный характер. Вслед за Ф д е Соссюром, А.А. Залевская также выделяет две формы существования языка, называя их ЯЗЫК1 и ЯЗЫК2, под первым из них она имеет в виду систему концептов и стратегию их употребления в процессах говорения и восприятия речи, а под вторым понимает систему созданных человеком конструкторов и правил комбинирования полученного языкового материала. В соответствии с данным пониманием языко-речевой системы А.А. Залевская определяет лексикон человека как «одну из сторон речевой организации и атрибут ЯЗЫКА1, имеющий свой коррелят в ЯЗЫКЕ2. Лексикон – лексический компонент речевой организации человека, обладающий её свойствами, то есть он понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая, функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [2, с. 154]. Основываясь на данном оп-

ределении, можно предположить, что языковые единицы, составляющие лексикон человека, связаны между собой не только по принципам, присущим ЯЗЫКУ1 и ЯЗЫКУ2 в отдельности, но и на основе межпарадигматических отношений.

Другим спорным вопросом является вопрос о том, что можно считать основной единицей лексикона: морфемы, с помощью которых носитель языка каждый раз строит нужное слово, или уже готовые слова, с присущими им наборами грамматических признаков. Согласно концепции внутреннего лексикона Е.С. Кубряковой, центральной единицей лексикона признается слово. При этом нужно отметить, что слово обладает способностью «репрезентировать и заменять в сознании человека определенный осмысленный им фрагмент действительности, указывать на него, отсылать к нему, возбуждать в мозгу все связанные с ним значения – как языковые, так и неязыковые, – и в конечном счете оперировать ими в процессах мыслительной и речемыслительной деятельности» [3, с. 51]. Нам представляется, что такое понимание основной единицы внутреннего лексикона обладает большой объяснительной способностью для постоянного обновления значения лексической единицы, которая, согласно данному пониманию вопроса, репрезентирует объекты реального мира. Говорящий ежедневно может вносить изменения в значения слов, поскольку его жизненный опыт постоянно испытывает некоторые преобразования.

Таким же неоднозначным по своему решению является вопрос о характере связей между единицами лексикона. Установить их наличие и определить основу, на которой они образуются, путем непосредственного наблюдения невозможно, поскольку они не представлены в реальном наблюдении. Поэтому необходимо обратиться к экспериментальным методам, позволяющим эксплицировать содержание, структуру ментального лексикона и определить характер взаимоотношений его состава. Одним из доступных и достаточно объективных методов является использование в данных целях свободного или направленного ассоциативных экспериментов.

Согласно экспериментальным данным [8], носители языка при обращении к поиску слов в памяти ориентируются не на один параметр, а на некоторую их совокупность, которая состоит из признаков принадлежности к какому-либо лексико-грамматическому классу, к какой-либо семантической области, объединяющей не только семантические признаки, но и фонологические. Кроме того, А.А. Залевская утверждает, что поиск слова осуществляется как по чисто формальным (звуковым, графическим), так и по грамматическим и семантическим признакам или их некоторой совокупности [2, с.159]. В состав семантических признаков, по которым группируются слова в лексиконе, входят признаки, на основе которых строятся

взаимоотношения между реальными объектами в наблюдаемом индивидуальном мире. В качестве тенденций автором называются «объединение и противопоставление, взаимодействующие на базе признаков разной степени обобщенности – от наиболее общих признаков принадлежности к какому-либо лексико-грамматическому классу до мельчайших дифференциальных семантических признаков вступающих в связь слов» [2, с.159].

Таким образом, каждое слово связано в сознании носителя с другими словами на основании не одного, а целого ряда признаков, и поиск необходимого для успешной коммуникации слова идет по нескольким направлениям. В результате разнообразных по характеру связей слово обрастает целой сетью ассоциатов, которые наглядно могут быть представлены в форме поля. Наиболее полную модель ассоциативного поля представили Ю.Н. Караулов [9, с.112] и А.А. Залевская [2, с.160-161], отобразив в ней все возможные связи, существующие между ассоциативно связанными словами.

Модель ассоциативного поля Ю.Н. Караулова предоставила лингвистам возможность для интерпретации полученных в ходе экспериментов данных о семантических связях между исходным словом и обширной сетью ассоциатов. Ассоциативный эксперимент отражает продукты не только прямых, но и многоступенчатых связей между единицами лексикона. Другими словами, ментальный лексикон индивида имеет многоярусную структуру. На поверхностном уровне оказываются начальные и конечные звенья ассоциативной цепи. Для определения промежуточных связей необходимо обращение к более глубоким уровням лексикона, который также может быть эксплицирован с помощью ассоциативных экспериментов. По мнению А.А.Залевской [2, с.161], многоярусная структура внутреннего лексикона неслучайна, поскольку таким образом упорядочиваются знания человека об окружающем мире: наиболее важные сведения об объекте хранятся в поверхностных уровнях, на глубинных уровнях находится менее востребованная информация. Основываясь на осведомленности о расположении тех или иных знаний на различных ярусах структуры лексикона, можно сделать вывод о значимости этих знаний в процессе коммуникации. Показательны в этом отношении эксперименты «Холодная вода», «Стул», проведенные Л.В.Сахарным, результатом которых стал вывод о разных уровнях залегания денотативных признаков лексических единиц в сознании носителей языка [6, с. 15-16, 18]. Разноуровневая организация лексикона отражает разнокодированность речемыслительных процессов: образы слов в глубинном ярусе лексикона составляют некоторые «чувственные группы», субъективно переживаемые как значения и смыслы этих слов. Вследствие этого для глубинного яруса лексикона нерелевантными оказываются формальные признаки слов, включая частеречные характери-

стики. На поверхностном ярусе лексикона исходный стимул в ассоциативном эксперименте идентифицируется как словоформа (возникают ассоциации рифмы и сходные по звуковому облику слова).

Другим, не менее важным вопросом, касающимся ментального лексикона, является вопрос о том, какие знания – объективного мира или языковые – составляют содержание языковых единиц в составе лексикона. Исходя из многообразия оснований для формирования связей между языковыми единицами, можно предположить, что за каждым словом, находящимся в структуре этого образования, лежит информация разного рода: лексическая, обычные контексты для сочетания и употребления, эмоциональная нагруженность и т.д. В данный перечень можно также включить и информацию грамматического характера. Поскольку слово, являясь основной единицей лексикона, обладает и грамматическим значением, то естественно, что и в структурах внутреннего лексикона оно хранится с присущими ему грамматическими значениями. Только всей совокупностью информации и обеспечивается в условиях коммуникативного акта адекватность выбранного слова замыслу всего высказывания. Поэтому вопрос о соотношении в значении слова, входящего в состав внутреннего лексикона, языковых знаний и знаний о мире, о первостепенной или второстепенной важности одного из названных компонентов в составе значения является неоправданным. Более правильно было бы говорить о том, что эти компоненты существуют в системе организации единиц лексикона по принципу взаимодополнительности [2, с. 167].

Таким образом, изучение внутреннего лексикона вносит дополнительные данные в исследования, связанные с характеристикой и описанием языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
4. Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., Наука, 1991.
5. Шахнарович А.М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., Наука, 1991.
6. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., Наука, 1991.
7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996.
8. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
9. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., Наука, 1976.

Власов М.С.

*Алтайская государственная академия образования
имени В.М. Шукишина, г. Бийск, Россия*

**АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ НАРЕЧИЙ
В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
(первые итоги экспериментального исследования)¹**

Русское словесное ударение – один из сложных элементов устной речи, прежде всего, для самого носителя языка. В обществе принято, что неверно поставленное ударение часто отличает носителя литературного русского языка от человека, «впитавшего в себя русскую речь с молоком матери» [5]; или отличает того, кто вышел из семьи, где за этим следили, поправляли, от того, чьё ближайшее окружение в детстве не уделяло этому должного внимания, и в особенности если в их речи содержались слова с ошибочными ударениями.

Источники языковой нормы (учебные заведения, СМИ, Рунет) вносят «свои» поправки в акцентологический запас носителя языка, нередко порождают стереотипы, формируют людей с определённым запасом неверно произносимых слов. Причем, вопрос «*Как правильно говорить?*» чаще всего возникает в связи с конкретным словоупотреблением. Естественно, возникают споры, и исчерпывающее решение, как правило, ищут в словарях и энциклопедиях, среди которых самым авторитетным считается орфоэпический словарь русского языка под редакцией Р.И. Аванесова [1].

Тем не менее, известно, что скорость изменения норм ударения в узусе выше скорости их кодификации. Проявляется это, прежде всего, в наличии вариантов. Только в орфоэпическом словаре их насчитывается более 5000.

Причины возникновения вариантов ударения различны. Известно, что существует несколько основных причин их появления: закон аналогии и закон ложной аналогии, тенденция грамматикализации ударения, смешение моделей ударения в заимствованных словах, стремление к ритмическому равновесию потока речи, воздействие профессиональных вариантов, тенденции в развитии ударения, связанные со слоговой структурой слова, характером конечной огласовки [4] и др. Например, нередко неправильно произносят слова *газопрОвод*, *мусоропрОвод* по ложной аналогии со словом *прОвод* с ударением на предпоследнем слоге. У двухсложных и трёхсложных имён существительных мужского рода наблюдается тен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №12-04-00231 «Эволюция русского словесного акцента (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

денция к переносу ударения с последнего слога на предшествующий – так называемое регрессивное ударение. У одних существительных этот процесс закончился: ср. устаревшие варианты: *музЫка*, *конкУрс*, *насмОрк*, *призрАк*, *деспОт*, *симвОл*, *воздУх*, *жемчУг*, *эпигрАф* с ударением на последнем слоге. В других случаях процесс перехода ударения продолжается до сих пор и проявляется в наличии вариантов.

С точки зрения системного подхода, именно при вариативности, «расшатывании» структуры происходят эволюционные изменения в языке [3]. Определяющую роль в этом процессе играет, несомненно, сам носитель языка.

В рамках нашего общего проекта по изучению эволюции русского ударения конца XX – начала XXI веков проводится исследование вариативности акцентологической нормы, зафиксированной в словаре Р.И. Аванесова [1], а также осознаваемой носителями языка, проживающими в разных регионах России.

На первом этапе из указанного словаря были выделены акцентологические варианты начальных форм имен существительных, прилагательных, глаголов, причастий, деепричастий, наречий. Кроме этого, были выделены слова, вариативность ударения которых в узусе не вызывала сомнений, то есть предполагался дополнительный к кодифицированному узуальный вариант (например: *метонИмия* - *метонимИя*, *засахарИться* - *засахарИтьсЯ*, *кровоточИть* - *кровотОчить*), а также морфологические варианты имен существительных с окончаниями *ы* - *а* (*инспЕкторы* – *инспекторА*), имен прилагательных с окончаниями *ой* – *ый* (*языковОй* – *языкОвый*) и варианты с ударным *ё* – безударным *е* (*разрЯженный* - *разряжЕнный*).

Рассмотрим категорию наречий с точки зрения их вариативности в орфоэпическом словаре и в процессе восприятия носителей языка.

Известно, что значительная часть наречий имеет разговорную и выраженную экспрессивную окраску, поэтому их сфера употребления, в основном – разговорная речь. Н.С. Рыжков отмечает: «Исключительная простота семантики и морфологического строения, зыбкость и текучесть границ (постоянная адвербиализация изменяемых частей речи и переход наречий в служебные слова) характеризуют наречия как наиболее сложную и трудную часть речи, которая все ещё находится в стадии развития, не являет собой законченного процесса и вследствие этого не порождает возможности окончательного вывода о ней» [2; С. 149].

Части речи, от которых образуются наречия, накладывают свой отпечаток и на акцентировку последних. Так, многие лексические единицы, образованные от кратких прилагательных среднего рода на *-о*, сохраняют ударение производящих слов (*хорошО*, *вЕсело*, *вАжно*, *хОлодно*, *чАсто* и

т.п.). Наречия, образованные от основ полных прилагательных, существительных в косвенных падежах, местоимений, обычно также сохраняют ударение производящих слов (*по-нОвому, по-хорОшему, по-рУсски, по-мужскИИ, по-нАшему, по-вАшему, вручнУю, вдалИ, навЕк, наоборОт* и др.). Осознание значения и этимологии таких слов помогает усвоить и их ритмическую структуру. Ряд приставок, часто образованных от предлогов, перетягивают на себя ударение (*Издавна, зАпросто, зАтемно, дОсуха* и т. п.), а ударение в непроизводных словоформах (*вчЕрА, зАвтра, всегдА, иногдА* и т. п.) следует просто запоминать.

Итак, список слов для анализа формировался с учетом наиболее «проблемных» вариантов для носителя языка. В него вошли следующие наречия: *втридорога, издревле, высоко, издавна, мастерски, далеко, задешево, дотьяна, наискось, дотемна, исподнизу, дочерна, навек, жестоко, издали, назло, задорого, подчас, счастливо, валом, набело, докрасна, наотмашь, равно, спяна, наперегонки, издалека, стоймя, изредка, широко, искони, донельзя, темно, навех, сызмальства, надолго, умно, полгода, на сносях, тотчас, холодно, сторицей, тепло, щекотно*.

Анализ материала орфоэпического словаря показал, что акцентологические варианты наречий сопровождаются в основном пометами *неправильно* (*издалИ, Издревле* и др.), *допустимо* (*далЁко, задОрого* и др.), *не рекомендуется* (*дОчерна, мАстерски* и др.). Словарные единицы с одним вариантом ударения, но предполагающие другой, узуальный вариант, представлены единичными случаями: *донЕльзя* - *дОнельзя* или *донельЗЯ, дотемнА* - *дОтемна* или *дотЁмна*.

Следует сказать, что рассматриваемая выборка не отмечена стилистическими вариантами. Соотношение радикальных вариантов (правильных – неправильных: *исконИ-* *Искони* и т.п.) и нерадикальных (правильных – допустимых: *далекО* – *далЁко*; рекомендуемых – не рекомендуемых: *не-умнО-неУмно* и т.п.) приблизительно одинаково. В отдельных случаях встречаются малоупотребительные с точки зрения современного узуса варианты (*неперегОнки, нАзло*).

В целом предварительные наблюдения позволяют говорить, что акцентологические варианты наречий в словаре существуют, причем часто являются не востребуемыми современными носителями языка (одни варианты могут не употребляться в узусе (*неперегОнки, жестокО, втридорогА*), в других случаях можно допустить появление новых вариантов (*неВЫсоко, шИроко*), не отмеченных в словаре.

С целью проверки указанных предположений был проведен эксперимент с носителями русского языка – студентами филологов Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина. В эксперименте приняли участие 100 человек. Испытуемым был предложен список

наречий и следующая инструкция: «В предложенных наречиях расставьте ударения (знаком '). Если, по Вашему мнению, в каком-либо слове возможен еще иной вариант ударения, подчеркните его. Укажите свои пол, возраст, место рождения, сколько лет живете в Бийске».

Результаты эксперимента показали, что наибольшая вариативность ударения приходится на малоупотребительные в современной разговорной речи лексемы: *втрИдорога* - 24%, *втрИдорога* - 52%, *втридОрога* - 21%; *дОпьянА* - 10%, *допьяНя* - 3%, *допьянА* - 10%, *дОпьянА* - 32%, *допьянА* - 42%, *допьяНА* - 3%; *наискОсь* - 6%, *наискось* - 3%, *наискось* - 3%, *наискось* - 49%, *наИскось* - 25%, *наискОсь* 14%; *дочернА* - 10%, *дочернА* - 52%, *дОчернА* - 17%, *дочЕрна* - 21%; *счАстливо* - 36%, *счАстливо* - 1%, *счаСтлИво* - 3%, *счАстливо* - 45%, *счастлИво* 15%; *спьяНя* - 10%, *спьяНА* - 48%, *спьянА* - 42%; *стоймЯ* - 62%, *стОймЯ* - 31%, *стоймЯ* - 7%; *искОни* - 35%, *Искони* - 45%, *исконИ* - 14%, *исконИ* 6%; *донЕльзЯ* - 52%, *дОнельзЯ* - 31%, *донЕльзЯ* - 7%, *донЕльзЯ* - 2%, *дОнельзЯ* - 1%; *умнО* - 62%, *УмнО* - 21%, *умнО* - 10%, *Умно* - 7%; *мОтчас* - 55%, *тотчАс* - 24%, *тОтчас* - 14%, *тотчАс* - 7%; *сторИцей* - 41%, *стОрицей* - 42%, *стОрицей* - 14%, *сторицЕй* - 3%.

Следует сказать, что всего несколько слов четко осознавались носителями с двумя вариантами ударения (например, *втрИдорога*, *счАстливо*, *Умно*). В основном испытуемые указывали единственно верный с их точки зрения вариант. В единичных случаях встречались элементы языковой игры (*исподниЗУ*, *надолгО*, *неперегОнки*, *наЗло*, *жестокО*), видимо, выражающей отношение испытуемого к самому эксперименту. На выбор места ударения, предположительно, оказывала влияние и омография форм (*счаСтлИво* (междометие), *издАли* (форма глагола)).

Среди слов с одним поставленным ударением встречаются в основном литературные варианты (*высокО* - 83%, *Издавна* - 87%, *далекО* - 90%, *исподнИзу* - 86%, *навЕк* - 97%, *жестОко* - 97%, *Издали* - 87%, *назлО* - 90%, *подчАс* - 79%, *наБело* - 76%, *докраснА* - 69%, *наОтмашь* - 80%, *равнО* - 83%, *наперегонкИ* - 93%, *издалекА* - 79%, *Изредка* - 87%, *широкО* - 80%, *темнО* - 90%, *навЕрх* - 97%, *сЫзмальства* - 83%, *надОлго* - 94%, *полгОда* - 100%, *на сносЯх* - 100%, *хОлодно* - 98%, *теплО* - 97%, *шекОтно* - 83%).

Неправильный с точки зрения словаря вариант *ИздРЕвле* выделен как единственно правильный в 73% случаев, не рекомендуемые формы *мАстерски* - 69%, *вАлом* - 79% также отражены в анкетах испытуемых.

Востребованными оказались и допустимые кодифицированные варианты *задЕшево* - 95% и *задОрого* - 76%. В последнем случае очевидно влияние ударения производящих основ.

Основные стратегии акцентировки рассмотренных наречий носителями языка требуют дальнейшего более глубокого анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы: ок. 65 000 слов / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; Под ред. Р.И. Аванесова; АН СССР. Ин-т рус. яз. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 688 с.
2. Рыжков Н.С. К вопросу о наречии как части речи // Труды Самаркандского университета им. А. Навои, 1973. – Новая серия. – Вып. 248: Исследования по русскому и славянскому языкознанию, IV. – С. 149.
3. Трофимова Е.Б. К проблеме эволюционных преобразований // Актуальные проблемы современного словообразования. – Кемерово, 2009. – С. 35-39.
4. Трофимова Е.Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование: дисс... д-ра филол. наук. – Специальность 10.02.19. – Москва, 1997.
5. Чумаков В.Т. Вопросы и курьёзы русского ударения: Размышления пользователя о словарях русского языка. – Режим доступа: <http://www.yomaker.ru/udarenie.html>

Зыбина Н. П.

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

**ЯВЛЕНИЕ АГНОНИМИИ В ЛЕКСИКОНЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(на материале фразеологизмов-агномимов)**

В настоящее время современный человек окружен большим количеством информации, но вместе с тем из памяти уходят лексические единицы, составлявшие прежде основу знаний и представлений о мире. Изучением данного феномена занимаются лингвисты с помощью статистического метода, который показывает частоту проявления той или иной реалии, в частности, в его задачи входит описание ядра и периферии словарного запаса личности. Лексикон рядового носителя языка характеризуется качественными и количественными изменениями: в лексикон языковой личности проникают лексические единицы иноязычного происхождения; происходят процессы перемещения лексических единиц из периферии в центр и наоборот (ядерная часть – оперативная память, активный запас, периферийная – долговременная память, пассивный запас, зона агнонимии).

Термин «агномим» очень удачно передает и выявляет, как отмечает В.А. Козырев, типичные для современной личности зоны агнонимической активности [1, с. 89]. Под агнонимией мы понимаем, вслед за учеными В.В. Морковкиным и А.В. Морковкиной, наличие/отсутствие в сознании носителей языка каких-либо представлений о содержании определенных единиц; характер таких представлений, их зависимость от объема знаний

о мире, языковой и культурологической компетенции, как отдельной языковой личности, так и больших, и малых групп. Таким образом, агнонимы – определенные единицы языка, знание о содержании которых отсутствует в сознании рядового носителя языка. В.В. Морковкин и А.В. Морковкина предлагают считать агнонимом лексическую единицу, относительно которой рядовой носитель языка может дать следующую реакцию: «1. Совершенно не знаю, что значит слово; 2. Имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определенной весьма широкой сфере; 3. Знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса; 4. Знаю, что слово обозначает определенный предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или функционирования; знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет; 6. Знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта и своей специальности, но предполагаю, что многие другие люди его не знают или знают недостаточно [2, с. 106].

Наше исследование проводилось на материале вторичных текстов (под которыми мы понимаем тексты, созданные на базе других текстов). В ходе работы в качестве первичных единиц были выбраны фразеологизмы-агнонимы, относящиеся к трем семантическим группам [3]: фразеологические сращения (буриданов осел, тихой сапой, сума переметная); фразеологические единства (ветрами подшит, гог и магог, улыбка авгура); фразеологические сочетания (не обсевов в поле, синь порох в глазу, гайка слаба) [4], входящие в тематическую группу «качества человека». Выбор фразеологизмов-агнонимов в качестве первичных единиц обусловлен тем, что для выявления индивидуальных характеристик языковой личности, стратегий семантизации фразеологизмы-агнонимы, по-нашему мнению, являются наиболее показательными единицами, поскольку обладают высоким потенциалом вариационного функционирования. При этом мы выходим в область наивной семасиологии, обыденной металингвистики, нас интересует функционирование фразеологизмов в языковом сознании носителей языка, таким образом, нормативный аспект сменяется описательным: мы обращаемся не к словарным дефинициям, а к «реальным» значениям фразеологических единиц, опредмеченных в метатекстовых рефлексивах. В качестве респондентов привлекались студенты КузГТУ, КемГУ.

На основе схемы, представленной в книге В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной, мы выделили положения для проверки агнонимичности фразеологизмов: 1. Совершенно не знаю, что значит выражение; 2. Имею представление о том, что может обозначать выражение; 3. Знаю, что обозначает выражение. Нами было проанализировано 178 реакций респон-

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

дентов с точки зрения знания/незнания словарного значения фразеологического выражения.

Результаты эксперимента были отражены нами с помощью схемы:

Пункты оценки агности- мичности	Сращения			Единства			Сочетания		
	Буриданов осел	Тихой сапой	Сума переметная	Ветрами подшит	Гог и магог	Улыбка авгура	Не обсевок в поле	Синь порох в глазу	Гайка слаба
1	4 ед.	6ед.	7ед.	6 ед.	8 ед.	7 ед.	4 ед.	4 ед.	9 ед.
	17 ед.			21ед.			17ед.		
2	14 ед.	12ед.	11 ед.	11 ед.	12 ед.	13 ед.	12 ед.	16 ед.	10 ед.
	37 ед.			36ед.			38ед.		
3	1 ед.	2 ед.	2 ед.	3 ед.	0	0	3 ед.	0	1 ед.
	5ед.			3ед.			4ед.		

Результаты эксперимента показали:

– 30,9% реакций респондентов были отрицательными (совершенно не знаю, что значит выражение): сума переметная – *не знаю, смайл, выражающий недоумение*;

– 62,4% реакций, выражавших предположения о значении выражения (имею представление о том, что может обозначать выражение), являлись совершенно неверными:

сума переметная (употребляется в значении: человек непостоянный (ненадежный товарищ) – *ненадежная, случайное богатство, нестабильность, непостоянство, расстройство сознания и т.п.*;

тихой сапой (употребляется в значении: скрытный, тихий, незаметный человек) – *тихий храп, размеренно, спокойно, медленно*;

улыбка авгура (употребляется в значении: скрытный, хитрый человек) – *удача, божественная улыбка, довольная, что-то из Древней Греции, лживая улыбка, улыбка палача, злоеший смех.*

По приведенным примерам видим, что респонденты имели поверхностные представления о том, что может означать выражение, совпадений реакций респондентов и словарных дефиниций выражения не было.

Итак, 93,3% реакций респондентов были отличными от словарных дефиниций значений выражений, что свидетельствует о зоне агнонимической активности в области фразеологии, то есть выбранные нами фразеологизмы не входят в активный лексический запас языковой личности.

Таким образом, в рамках статьи мы сделали попытку доказать, что выбранные нами фразеологизмы-агнонимы входят в периферию словарного запаса рядового носителя языка. В перспективе полученные данные помогут нам в решении основной задачи: показать корреляцию типов персонотекстов и стратегий семантизации с типами фразеологизмов-агнонимов, то есть мы попытаемся раскрыть и обосновать зависимость типа персонотекста-толкования от структуры фразеологизма

ЛИТЕРАТУРА

1. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура: Монография [Текст] / В.А. Козырев, В.Д. Черняк – СПб. : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. –171с.

2. Морковкин, В.В., Морковкина, А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) [Текст]/ В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. М., 1997.

Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст]/ Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

3. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 тыс. словарных статей / Составители Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. Под редакцией А.И. Молоткова. 3-е изд-е стереотипное. – М. Русский язык, 1978.- 543 с.

Никитина Л.Б.

*Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия*

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, РЕЧЕВОЙ ЖАНР: К ВОПРОСУ О КОМПЛЕМЕНТАРИЗМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В современном отечественном языкознании сформировалось и активно развивается гипернаправление, получившее название лингвоантропология, объектом научных поисков которого стал образ человека как создателя языка, отображающего в языке и посредством языка свое сознание, свое видение мира и самого себя в этом мире.

Одно из плодотворно развивающихся течений современной отечественной лингвоантропологии представлено исследованиями образа человека в русской языковой картине мира (далее – ЯКМ), опирающимися на

следующее определение данного образа, предложенное М.П. Одинцовой: «Образ человека в ЯКМ – это концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [1, с. 8]. В данном определении подчеркивается объектная природа языкового образа человека. В то же время языковой образ человека имеет и свою субъектную обусловленность: «Языковой образ-концепт «человек» – это продукт творческой языковой/речевой деятельности, языкового/речевого самовыражения человека (говорящего) как субъекта мыслящего, чувствующего, оценивающего других или самого себя в рамках традиций, стереотипов и правил, действующих в национально-культурном сообществе, которому он принадлежит как субъект речи/мысли, как творец этого образа-концепта человека-объекта» [2, с. 70]. Иными словами, человек может выступать одновременно и субъектом, и объектом языковой концептуализации.

Субъектно-объектная природа языкового образа человека, корреляция смыслов «человек в языке» и «язык в человеке» обусловила широкий взгляд на проблему семантической реконструкции образа-концепта «человек» как основного фрагмента ЯКМ: ученые обращаются к содержательно ориентированным единицам языка разных уровней, а также к речевым жанрам (см.: [3]), поскольку они «составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт» [4, с. 9].

Исследование образа-концепта «человек» в речевом аспекте – это и есть та «точка», в которой пересекаются названные смыслы: описать языковой образ человека через призму речевого жанра – значит соотнести речетворческую (субъектную) языковую ипостась человека с результатом его речетворческой активности (с объективно существующим языковым образованием – языковым образом человека-объекта).

В качестве иллюстрации к выдвинутому положению о том, что для семантической реконструкции языкового образа человека важен комплексный подход, включающий комплементарные наблюдения и выводы об исследуемом феномене, предлагаем фрагменты исследования языкового образа человека в речевом жанре «Объявление в маршрутном такси» (исследование выполнено на региональном материале: анализировались объявления, в разное время «замеченные» в омских маршрутках).

Учитывая то, что большая часть объявлений в маршрутных такси носит шуточный характер, претендуя на оригинальность выражения адресованных пассажирам предписаний, кроме основной цели объявлений передать адресату необходимую в данных коммуникативных условиях информацию, можно отметить и такую цель данных речевых произведений, как демонстрация водителем своего пристрастия к речетворчеству.

В рассматриваемых объявлениях человек предстает в двух ипостасях, соответствующих двум асимметричным коммуникативным ролям: водителя (адресанта, отправителя информации, условно ее автора) и пассажира (адресата, получателя информации). Соответственно можно говорить о реконструируемых по данным этих объявлений языковых образах водителя и пассажира.

Так, в речевом жанре «Объявление в маршрутном такси» сформировался образ пассажира, который может быть представлен следующим перечнем характеристик:

1. Пассажир – интерпретатор косвенности и ценитель оригинальных речевых «ходов» (объявления-шутки отличаются разнообразием косвенных способов передачи информации, что требует от адресата интерпретативных усилий и рассчитано на его способность адекватно понять и оценить шутку).

2. Пассажир – достойный уважения законопослушный гражданин, которому достаточно вежливо напомнить о его обязанностях (например: *Уважаемые пассажиры! Не забудьте оплатить проезд; Уважаемые пассажиры, в просьбе об остановке вам может быть отказано, если это противоречит правилам и безопасности дорожного движения*).

3. Пассажир – нарушитель правил поведения в общественных местах (например: *Просьба семечки, орешки и бананы есть с кожурой; Семочки не щелкать, бутылки не бросать – уносите все с собой!; Матом не ругаться, не драцца!*).

4. Пассажир демонстрирует отсутствие сноровки при осуществлении физических действий, что обусловлено отсутствием необходимых умственных усилий (например: *Не хлопайте сильно дверь, она может отвалиться и упасть вам на ноги; Дверью не хлопать, а то выпадет стекло и будет холодно; Дверью не хлопать – у водителя болит голова!*).

5. Пассажир – потенциальная жертва вынужденного насилия со стороны водителя (например: *Хлопнешь дверь – умрешь от монтировки!; Кто хлопнет дверь, тот станет льготником; Хлопнешь дверь – получишь монтажкой*).

6. Речевое поведение пассажира далеко от совершенства. Пассажир косноязычен, употребляет в речи нелитературные слова, не может точно и доступно выразить свою мысль (например: *На просьбы «здесь», «туда», «сейчас» водитель не реагирует; Водитель «где-то там» и «где-то здесь» не останавливается; Чем тише скажете, тем дальше выйдете*).

7. Пассажир – экстремал, любитель острых ощущений (например: *Пристегнись и молись!; Десять минут страха – и вы дома; Стоимость аттракциона – 12 рублей*).

Объявление в маршрутке – продукт речетворчества его автора, сочинителя. Им может быть как сам водитель, так и третье лицо. Важно, что объявление выбрано и оценено водителем как необходимое в данных условиях общения средство информирования, воздействия, привлечения внимания и адресовано пассажиру, от которого ожидается адекватная реакция в виде понимания им своих обязанностей и оценки избранной водителем формы общения и его конкретного содержания.

По данным объявлений в маршрутках можно говорить о собирательной языковой личности его автора (условно водителя).

Так, регулирование поведения пассажира сопровождается назидательностью, морализаторством, своеобразным дидактизмом со стороны водителя: объявления по преимуществу подчеркивают подчиненную роль пассажира, его зависимую позицию по отношению к водителю. Зачастую пассажиру навязывается информация, создающая дискомфорт (например, объявления-запугивания или объявления, содержащие негативную оценку потенциальных способностей пассажира мыслить и действовать). Неудачная шутка, неграмотное написание, приказной тон объявлений не остаются незамеченными и часто воспринимаются пассажирами как ущемление их права на вежливое, культурное обращение.

В связи с вышеизложенным можно говорить о том, что водитель, с одной стороны, соблюдает общепринятые правила речевого поведения, демонстрирует уважение к пассажиру и желание сделать общение комфортным и максимально эффективным (например, немногочисленные вежливые объявления-напоминания или объявления-благодарности за правильное поведение); с другой – в погоне за оригинальностью подчеркивает свое превосходство в общении с пассажиром.

В образе водителя (как объективном образовании, являющемся продуктом речетворческой активности языковой личности) по данным объявлений актуализируются следующие смыслы: 1) водитель маршрутного такси – «хозяин положения», что дает ему право на косвенные негативные оценки речемыслительных способностей пассажира и невысокие оценки его общей культуры; 2) водитель как автор (или транслятор) оригинальных шуточных объявлений – человек, стремящийся к речевому самовыражению, речетворец, ценитель и знаток языковой игры; 3) по отношению к пассажиру водитель демонстрирует свое физическое и интеллектуальное превосходство, что выражается в шуточных (граничащих с откровенной грубой прямолинейностью) запугиваниях адресата, негативных оценках его проявлений, скабрезных намеках; 4) водитель уверен в эффективности своих речевых произведений и практически не сомневается в их качестве, предполагая, что адресат их высоко оценит; водитель навязывает пасса-

жиру языковую игру, любясь своей оригинальностью; он как бы говорит пассажиру: «Посмотри, что я придумал. Оцени мою находку».

В заключение еще раз подчеркнем перспективность комплексного подхода к исследованию языкового образа человека, который предусматривает комплементаризм практических изысканий и выводов. Через призму речевого жанра как универсальной категории, успешно реализующей свой инструментально-методологический потенциал в современной лингвоантропологии, возможно изучение как «самопрезентации и самораскрытия индивидуальных особенностей идиостиля (речевого портрета) личности, ее коммуникативной компетенции, составляющей которой выступает жанровая компетенция» [5, с. 7-8], так и отображенных в языке концептуальных сущностей как результатов речетворческой активности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Одинцова М.П. Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Часть 1 / Под ред. М.П. Одинцовой. Омск, 2000.
2. Никитина Л.Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка: Учебное пособие. Омск, 2007.
3. Лингвистика человека: антология / под ред. Л.Б. Никитиной, Н.Д. Федяевой. Омск, 2012.
4. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
5. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 7-38.

Селянская Е. А.

*Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия*

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Не мы говорим языком, а он говорит нами.
М. Хайдеггер*

На рубеже первого и второго десятилетия XXI века положение русского языка в России продолжает вызывать серьёзную тревогу. Это также касается уровня культуры речи носителей русского языка и соблюдения ими норм литературного словоупотребления в современной повседневности.

Известно, что проблема нормативного литературного словоупотребления на сегодняшний день развития национального русского языка относится к числу наиболее актуальных. В век глобализации, научного и технического прогресса к современной личности в качестве обязательных предъявляются, в первую очередь, такие требования, как профессионализм и высокий уровень речевой культуры. Нарушение говорящими норм русского литературного языка, в частности, норм собственно произносительных и акцентологических, затрудняет коммуникацию, мешает во всей полноте воспринимать содержание речи.

Человек выражает свое отношение к миру через язык, заявляет о своей уникальности и неповторимости, а также признает себя частью единого социума.

Язык стал мощным фактором социализации личности. Он объединяет людей. Язык – это средство солидарности и сопричастности, хотя его нельзя представить без социального и культурного контекста. Он является хранителем культурного своеобразия этноса и этносов, говорящих на одном языке, выступает связующим звеном между различными историческими эпохами и поколениями людей.

По словам И.Г. Гердера, «только через язык стала возможна история человечества», то есть у языка существует функция хранения культуры народа. Он также препятствует обнищанию духа народа. Сегодня нельзя не признать агрессивный, деструктивный характер воздействия среды на языковую личность. На индивида обрушивается большой поток информации, который не подвергается цензуре и какому-либо контролю, поэтому языковой личности необходимо самостоятельно устанавливать речевые фильтры, чтобы справиться с «прессом спроектированных информационных сообщений».

Сегодня, вслед за Х. Ортега и Гассет, следует обратить внимание на проблему дегуманизации культуры. Коверкание и обнищание русского языка, использование ненормативной лексики и сленга лишают молодое поколение возможности самореализации, индивидуальности и творческого мышления. Мышление и речь взаимосвязаны. Не зря доказано специалистами, что дети, говорящие на русском языке, обладают сильно развитым мышлением и логикой. Слово служит для единства общения, коммуникации и мышления, поэтому чем выше литературный язык личности, тем компетентнее, совершеннее она.

Остановить процесс вторжения в язык сленга и сниженной лексики невозможно, так как язык подвергается изменениям, и СМИ играют не последнюю роль в нем.

Новый век, глобализация, социальные феномены XX века, возросшая роль новых средств коммуникации вызывают изменения как языка, так и

языкового сознания говорящих на языке. Меняется сам русский язык, и происходит «деградация русской языковой способности». В начале двадцать первого века русский язык оказывается в англоязычном окружении, и в социуме, и в индивидуальном языковом сознании языковой личности [1].

Быстрое развитие бизнеса СМИ стало одним из наиболее ярких явлений социокультурной действительности последнего десятилетия. Следствием возрастающего воздействия языка рекламы на общество явилось внимание исследователей к коммуникативным, лингвистическим, стилистическим и другим особенностям рекламных текстов, а также интерес к специфике восприятия рекламы представителями различных социальных, возрастных и гендерных групп, отразившийся в ряде публикаций научных и популярных изданий.

Реклама как неличная форма коммуникации «в упрощенном виде воспроизводит картину мира, стереотипные представления, шкалу ценностей народа» [2, 4].

Языковая личность моделируется по тому, каким искусствам речи и с какой полнотой она обучена и каким опытом и навыками она владеет в разных родах, видах и формах словесности.

Дегуманизация литературного языка в современном мире поставила перед исследователями задачу раскрытия природы и роли человеческого фактора в языковой коммуникации. Ныне «язык рассматривается в своей погруженности в жизнь, в отображении действительности. Можно утверждать то, что понять природу языка можно лишь исходя из человека и его мира в целом.

Идеальной моделью для российских СМИ XXI века становится необразованная, слабая языковая личность, которая подвержена аристократическому и олигархическому типам воздействия, с низкой специальной и общекультурной подготовкой и без ответственности за произнесенное слово. И поэтому то, что озвучивается и показывается с экранов, не требует ответственности и уважения к своим культурным истокам, прежде всего к языку. И это так же связано с формированием национального духа [3, 7].

В свете современного изменения русского языка, христианские традиции утратились и не соблюдаются, по этому языковая личность деградирует. СМИ формируют слабую, культурно-незначимую, лингвистически некомпетентную и этически не ответственную языковую личность.

В сфере СМИ язык выступает средством для передачи и восприятия экстралингвистического содержания. Массовость телевизионной аудитории, масштаб публичности выступления по телевидению не выдвигают особые требования к языковой личности выступающего, который несет

ответственность за коммуникативные события. Прежде всего это должен быть человек, представляющий безусловный интерес для многих либо в силу своего общественного положения, рода деятельности, либо обладающий ценной, эксклюзивной информацией. Поводом для появления на экранах телевизоров людей нередко служит их умение ярко и оригинально представить себя и привлечь большое количество телезрителей. В этом смысле оправданным и ценностно-прогрессивным фактом считается появление на телеэкранах людей, на первый взгляд замечательных, но культурно-аморальных.

Таким образом, можно подвести итог, что главное место в успешной организации телевизионного и всякого другого рода общения должна занимать яркая, выдающаяся языковая личность, привлекающая массовость своим безрассудством. Таким примером могут послужить излюбленные молодежью сериалы «Универ», «Реальные пацаны», а так же реалити-шоу «Дом-2», которые не только вносят в их лексикон зрителей сниженную ненормативную лексику, но и отупляют их. По этой причине нередко слышишь излюбленные выражения героев молодежи, такие как «пипец», «едрид Мадрид» и так далее. А если рассмотреть речь языковой личности, которая подвержена влиянию героев сериала «Реальные пацаны», то она наполнена одними междометиями, например: «А чё», «чё это?».

Лингвистическая компетенция языковой личности выступает качественной характеристикой ее деятельностно-коммуникативных потребностей и выражает степень адекватности и полноты индивидуальной картины мира, определяет уровень владения средствами родного и иностранного языков. Но, к сожалению, этого не происходит благодаря влиянию СМИ, которые заинтересованы в податливой и необразованной языковой личности [4].

Известнейший ученый в области русской лингвистической науки Г.И. Богин предложил свою модель языковой личности, в которой он выделил пять уровней владения языком:

1. Уровень правильности, предполагающий наличие достаточно большого лексического запаса, знание основных строевых закономерностей языка и позволяющий строить высказывание и продуцировать тексты в соответствии с правилами данного языка.
2. Уровень интериоризации, включающий умения реализовать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка.
3. Уровень насыщенности, выделяемый с точки зрения отраженности в речи всего разнообразия, всего богатства выразительных средств языка в области фонетики, грамматики и лексики.

4. Уровень адекватного выбора, оцениваемый с точки зрения соответствия используемых в высказывании языковых средств в сфере общения, коммуникативной ситуации и ролям коммуникантов.

5. Уровень адекватного синтеза, учитывающий соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу.

Данную модель Г.И. Богин называет лингводидактической. Это трехмерное образование на пересечении трех осей – уровней языковой культуры (фонетики, грамматики, лексики), четырех видов речевой деятельности и вышеперечисленных уровней владения языком.

И.Я. Чернухина предложила свою концепцию языковой личности, на основании которой в структуру языковой личности входят большая и малая многомерности. Параметрами большой многомерности являются:

- интеллект (типы речевого мышления, менталитет);
- интуиция;
- пресуппозиция (знания о мире и человеке, которыми располагает данная личность, ее жизненный опыт);
- бытие в ауре добра; открытость природе, космосу; открытость ноосфере, культурной среде и другие параметры.

Итак, подводя итог, культура коммуникативной деятельности выступает результатом высокой коммуникативной субкомпетенции языковой личности, которую должны предлагать СМИ. Но, к сожалению, картина складывается иная: современная деградированная языковая личность не обладает элементарными знаниями о мире, ее жизненный опыт можно сравнить с нулем, так как вся жизнь у молодежи протекает перед телевизором, который показывает не высоко интеллектуальные увеселительные ток-шоу. Язык помогает познавать действительность, а познание действительности современной языковой личности окрашено лишь броскими вульгарными событиями из жизни скандальных звезд, избалованных чрезмерным вниманием СМИ к их особам.

СМИ являются посредником между миром и обществом. Претворение такого рода посредничества в реальность предполагает наличие творческих способностей, таланта, в связи с тем, что мир подвергается изменениям каждое мгновение, особенно в эпоху современных информационных технологий. Творчество для людей, работающих в сфере СМИ, остается высочайшей целью, а творческий труд – основополагающим и ответственным. Творчество необходимо начинать с языкового оформления намерения и необходимо рассчитать его на эффективную коммуникацию с собеседником или с целевой аудиторией. Неадекватное понимание устного или письменного сообщения может привести к серьезным ошибкам, стать причиной нежелательных конфликтов.

Язык служит для развития духовных и мировоззренческих способностей для языковой личности. Язык с каждым днем все больше и больше проникает во внутреннюю жизнь личности, но все же он имеет «независимое внешнее бытие, оказывающее свое давление на самого человека» [4].

Главной фигурой в организации языкового общения в СМИ являются модераторы. Личность модератора, его профессиональная компетентность, общая и языковая культура, речевой этикет, умение организовать необходимую обстановку, в которой происходит речевое действие, определяют ее успех у целевой аудитории. Отношение к ним как к публичным личностям в обществе неоднозначно. Все зависит от того, как умело они достигают соответствия формы и содержания в своих передачах и, конечно же, от индивидуальных качеств каждого из них.

Ви-джей любой передачи как языковая личность является представителем тех, кто присутствует по ту сторону телеэкрана, от их имени озвучивает информацию, интересующую целевую аудиторию. Чтобы заинтересовать телезрителя, ему необходимо очень хорошо знать реальную действительность, предпочтения и проблемы, которые являются актуальными для зрителей. Но это легко предугадать, так как целевую аудиторию в основном привлекает то, что остается под запретом, а именно, сниженная литературная лексика, односложные слова и простые предложения, чтобы современная языковая личность могла понять о чем идет речь.

В современном мире сложилась уникальная ситуация в обществе: молодежь предпочитает героев по ТВ, нежели из романов русских классиков. СМИ создают героев внутри языковой личности, штампуя и тиражируя их и тем самым бесконечно прославляя, безграмотных аморальных языковых личностей.

Из сказанного следует вывод о том, что в современном мире главным фактором успешного усвоения информации является необразованная, аристократически или олигархически ориентированную языковую личность. Но для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию необходимо развивать самосознание, то есть осознание и оценка человеком своих действий и их результатов, мыслей, чувств, морального облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя и своего места в жизни. Такая самооценка становится, в свою очередь, гранью мировоззрения и важной составляющей жизненной позиции личности. Самосознание представляет собой конституирующий признак личности, формирующийся вместе с ее становлением.

Отмеченный факт может объясняться недостаточно высоким уровнем культуры речи современной молодежи и некоторыми недостатками в их языковом образовании.

Очевидно, что основную роль в повышении языковой культуры человека, в том числе культуры орфоэпической, должна играть его личная ответственность за сохранение норм современного русского литературного языка, а также ответственность за соблюдение названных норм во всех ситуациях и сферах общения, в том числе в сфере современной повседневности.

Разрыв между культурами, их конфликт возможен не только в виде столкновений родной и чужой культур, но и внутри своей, родной культуры, когда изменения в жизни общества достигают такого уровня, что следующие поколения уже не помнят, не понимают культуры и мироощущения своих предков.

Остановить процесс вторжения в язык сленга и сниженной лексики невозможно, поскольку язык подвержен изменениям и отражает все процессы, характерные для определенной исторической эпохи. Однако сегодня задача философии, педагогики и системы образования в целом – изменить отношение людей к языку и научить их задумываться о собственном «речевом поведении». Необходимо, чтобы каждый человек совершил свой «путь к языку» (М. Хайдеггер) и начал осознавать язык как элемент культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк, 1998.
2. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. – М., 2001.
3. Загоровская О.В. Положение русского языка в России начала XXI века и актуальные проблемы языкового образования/ О.В.Загоровская// Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы VIII Международной научно-методической конференции /Под ред. проф. О.В.Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2010.
4. Исламишин Р.Ф. Языковая личность 21 века. – М., 2005.

Трофимова Е.Б.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Интерес к данной проблематике со стороны философов, психологов, лингвистов не случаен. Он обусловлен изменением представлений об онтологических свойствах языка. Если в первой половине двадцатого столетия усилия исследователей были направлены на изучение системно-структурных отношений в языке, то, начиная с 60-х годов и по сей день,

насушной задачей в области исследования языкового феномена становится выявление взаимосвязи внутри триады «мир – человек – язык». Пристальное внимание со стороны сообщества гуманитариев к этой триаде закономерно привело к появлению термина «языковая личность», введенного в лингвистический и психолингвистический обиход Ю.Н. Карауловым [7]. В словосочетании «языковая личность» может акцентироваться как первая часть, так и вторая. В результате данный термин может трактоваться либо как «человек, рассматриваемый с точки зрения порождения и восприятия речи» [2, с. 11], либо как «конкретное лицо, оцениваемое в качестве типичного, образцового, самобытного носителя данного языка и представляемое в совокупности его речевых характеристик» [8, с. 148].

Поскольку, согласно указанной теме, речь пойдет о языковой личности как объекте лингвистических исследований, то само понятие «языковая личность» будет рассматриваться в качестве усредненного явления в некоем смысле совершенного в своей типичности. Ю.Н. Караулов, анализируя структуру языковой личности, выделяет в ней три части: лексикон, включающий также грамматический фон, когнитивную составляющую (систему знаний о мире, запечатленную в языке), и прагматическую составляющую, представленную системой целей, мотивов, установок [7]. Для языковедов, естественно, интерес представляют первые две составляющие, третья же должна исследоваться психологами и физиологами. Попытаюсь дать описание этих составляющих, тем более, что здесь много всякого рода неясностей.

1. Лексикон. Сам этот термин неоднозначен. В «Кратком словаре лингвистических терминов» даются три значения указанного термина: 1. Словарный состав языка; 2. Один из базисных компонентов порождающей грамматики, вводимый в нее в виде упорядоченного списка слов; 3. Словарь. Правда отмечается, что последнее значение явно устарело [8, с. 55]. При этом во всех перечисленных значениях отражается чисто системно-центрический, оторванный от человека подход к понятию лексикон. Правда, следует учитывать, что позиция Хомского, отраженная во втором определении, в течение второй половины 20 века претерпела изменения. Если первоначально, будучи сторонником структурального подхода к описанию языка, он вычленяет лексикон из синтаксической цепочки, ссылаясь на то, что общее устройство фразы важнее ее словесной представленности [9], то позднее он уходит от внешнего, «текстового» рассмотрения языковых единиц, и лексикон становится частью ментального синтаксиса. Приблизительно в это же время в лингвистике наблюдается изменение самого отношения синтаксическое/лексическое: выдвигается предположение, что «многие синтаксические генерализации проистекают из значения слов, то есть синтаксис проецируется из лексикона» [5, с. 139]. В

связи с переосмыслением понятия «лексикон» возникает вопрос о способе хранения лексического фонда в ментальной сфере языка. Можно обозначить несколько точек зрения в отношении данной проблемы. 1. Слова не хранятся в их полной форме, они формируются из «решеток-фонем» и «решеток-морфем» по определенным правилам в момент реализации сообщения [4, с. 40]. 2. «В лексиконе хранятся как значения слов, так и их формы, причем имеются правила их соединения», – полагает М. Гарман (цит. по [5, с. 143]). Таким образом, по мнению данного автора, в ментальной сфере присутствуют как одноплановые единицы, так и двуплановые (в определенной степени такой подход напоминает позицию Ф. де Соссюра о локализации языка). 3. Лексические единицы внутреннего (ментального) лексикона включают синтаксическую, морфологическую и фонологическую информацию [7, с. 13]. При таком понимании лексикона он приравнивается к ментальной грамматике. 4. Некоторые исследователи, как отмечает А.А. Залевская, полагают, что при описании лексикона необходимо учитывать экстралингвистические моменты, например, характер структурирования фонового знания. 5. Под лексиконом понимается индивидуальный запас репрезентации слов в долговременной памяти человека [1, с. 343]. 6. Согласно концепции А.Залевской, лексикон – это динамическая функциональная система «лексикон понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и ее продуктами, поскольку новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке» [там же, с. 154]. В связи с таким подходом делается весьма важный вывод о том, что исследование лексикона должно осуществляться на материале разных языков, поскольку только при сопоставлении разноязычных данных возможно установить, что является универсальным, а что – внутриязыковым или даже индивидуальным в лексиконе человека. Заслуживает внимания и полученный экспериментальным путем вывод, согласно которому, далеко не всегда при переработке информации требуется обращаться к глубинному уровню знаний: «Совместное хранение результатов упорядочивания знаний об окружающем мире, первоначально оформляющееся через цепочки логических рассуждений или полное высказывание, затем разворачивается до автоматизации связей между словоформами [там же, с. 158]. Таким образом, экспериментально подтверждается положение о том, что язык напрямую не связан с мышлением и что далеко не все в нем когнитивно значимо.

Итак, если внимательно приглядеться к обозначенным точкам зрения, отражающим понимание представленности лексикона в сознании, то можно увидеть, как при продвижении от первого пункта к шестому рас-

ширятся пространство единиц внутреннего лексикона. Вполне согласна с позицией А.А. Залевской относительно того, что в слове закрепляются не только лексические, но и грамматические признаки, а поэтому логично в качестве одной из составляющих языковой личности выделять не лексикон как таковой, а ментальную грамматику – языковую составляющую личности. Та дискретность, разложенность «по полочкам» языковых единиц, которая характеризует системоцентризм, скорее всего, отсутствует в языке личности. Возможности памяти человека не беспредельны, поэтому языковые единицы, отраженные в ментальной сфере, должны быть рационально упакованы. «Мы не знаем, в каком виде существуют категории языка в сознании носителя, но этот вопрос не может быть безразличным для лингвистики. Нет никаких оснований думать, что способ их существования совпадает со способом их представления в традиционных описательных грамматиках [3, с. 9].

II. Вторая составляющая языковой личности – когнитивная. С одной стороны, когнитивность, безусловно, проявляется в языке, но, с другой – она выходит за его пределы, поскольку гораздо в большей степени связана с мышлением. Язык обеспечивает функционирование коммуникативного пространства, мышление – информативного. Конечно, не следует забывать, что эти «пространства» тесно связаны. Тем не менее, если сравнивать две фразы: «Дайте мне займы пять рублей» и «Дважды два – четыре», то именно первая – яркое проявление языкового функционирования, ибо требует ответного действия, в отличие от второй. Конечно, когнитивная составляющая входит в языковую личность, но все же с ударением на втором слове.

Ю.Н. Караулов, исследуя структуру языковой личности, приходит к выводу о существовании между языком и мышлением некой ничейной зоны, которую однозначно нельзя отнести ни к языку, ни к интеллекту. Эту зону он называет «языком мысли» и даже пытается установить состав ее элементов. К единицам указанной сферы он относит образы восприятия, фреймы, гештальты, пропозиции, картины, символы, формулы, слова [7, с. 15]. Полагаю, что эта «ничейная зона» в работе Ю.Н. Караулова получила явно большие полномочия, чем она заслуживает. С моей точки зрения, язык мысли – это генетический стык между языком и интеллектом, содержащий гораздо более простые единицы, чем указывает автор. Центральной единицы языка мысли, по-видимому, является образ. Возможно, здесь же присутствуют и картины, под которыми Юрий Николаевич понимает совокупность отдельных образов восприятия, простейшие фреймы, может быть, пропозиции, если под последними иметь в виду нечетливый образ линейной последовательности единиц, находящихся в пространстве формирования. Очень сомнительно, что символы, формулы,

гештальты, слова находятся в этом же пространстве, поскольку они – результат обработки и усложнения образов восприятия, фреймов и картин сознанием человека, поэтому, скорее всего, они функционируют не в языке мысли, который в процессе развития человечества усложнился, но в то же время сохранил за собой некую зону универсального кода, способную осуществлять перекодировку как в зону языка, так и в зону мышления, а следовательно, должен быть проще и того, и другого. Естественно, что при исследовании сферы ментальных единиц должны использоваться иные методы, чем при изучении системно-структурных элементов языка. Из традиционных методов для данной цели подходит лишь наблюдение. Основным же источником информации о ментальных единицах пока еще являются методики психолингвистического эксперимента, хотя они и не гарантируют абсолютную точность результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
3. Живов В.И., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом // Вопросы языкознания. – 1997. – № 34. С. 3-14.
4. Жинкин Н.И. Сенсорная абстракция // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., – 1979. С. 38-59.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
6. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин – 1997.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
8. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
9. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

Трофимова У.М.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АКЦЕНТНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В НАЧАЛЬНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА¹

В настоящей статье описываются результаты экспериментального исследования акцентной вариативности в начальных формах глагола русского языка. Акцентная вариативность рассматривается как фактор эволюции словесного акцента.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-00231 «Эволюция русского словесного акцента (последняя треть XX - начало XXI вв.)».

Вариативность ударения заложена природой русского акцента: его разноместностью и подвижностью, обеспечивающих смыслоразличительный и форморазличительный потенциал. Причем если как смыслоразличительное средство в русском языке ударение используется относительно редко (хрестоматийные примеры: *Атлас* и *атлас*, *мУка* и *мука*, *Угольный* и *угОльный*, *пАрить* и *парИть* и немногие др.), то как форморазличительное – вполне регулярно (*рУки* – *рукИ*, *вОды* – *водИ*, *гОрода* – *городА*, *засЫпать* – *засыпАть* и т.д.). С другой стороны, факт акцентной вариативности в языке «ведет к утрате ударением своей различительной, дистинктивной функции, т.е. к нейтрализации ударения как суперсегментного фонологического средства» [1, с. 5]. Таким образом, свойства русского ударения на содержательном уровне обеспечивают смысло- и форморазличение единиц, а на структурном – возможности акцентной перестройки. Функции контрастируют: вариативность ведет к утрате смыслоразличения и наоборот.

Можно предполагать, что акцентная вариативность в системе языка (так или иначе находящая отражение в словаре) и в сознании носителей языка могут различаться: в первом случае маркировка и устойчивость акцента обусловлена структурными закономерностями языка, во втором – спецификой языкового сознания носителя.

В ходе данного исследования ставилась задача установления вариативных зон и характера вариативности в сознании носителей языка (на материале начальных форма глаголов). В качестве исходного источника для сплошной выборки акцентных вариантов использовался Орфоэпический словарь под ред. Р.И. Аванесова. Отбирались все единицы, имеющие кодифицированные варианты, как с нормативной пометой (*и, доп.*), так и с пометой, указывающей на ненормативность варианта (*не рек., неправ., грубо неправ.*). Учитывались и дополнительные пометы: *устар., проф., поэт.* На данном этапе исследования были рассмотрены только начальные формы глагола. Заметим, что обычно особого внимания удостоиваются глагольные формы, где действительно наблюдается высокая вариативность в узусе [2], инфинитивы в данном аспекте описаны хуже.

Таким образом, было отобрано около 300 пар акцентных вариантов, представляющих ряды однокоренных глаголов. Во всех случаях однокоренные глаголы, отличающиеся приставкой, согласно словарю, демонстрируют идентичные тенденции в характере вариативности: *баловАть* – *бАловать* (*не рек.*), *избаловАть* – *избАловать* (*не рек.*), *разбаловАть* – *разбАловать* (*не рек.*). Мы сочли целесообразным сузить для эксперимента список стимулов за счет малочастотных глаголов, дублирующих тенденции более частотных «родственников». Количественный анализ осуществлялся по Национальному корпусу русского языка (основной подкорпус).

Как правило, наиболее частотным оказывается бесприставочный глагол (например, *баловать* 1544, *баловаться* 822, *избаловать* 1248, *избаловаться* 157, *набаловать* 44, *набаловаться* 23, *побаловать* 203, *побаловаться* 219, *разбаловать* 58, *разбаловаться* 38; *черкать* 82, *исчеркать* 74, *начеркать*, *почеркать* 8, *перечеркать* 7; *планировать* 4109, *распланировать* 105, *перепланировать* 29; *щелкать* 2085, *отщелкать* 39, *расщелкать*, *перещелкать* 11). Однако, во-первых, далеко не всегда бесприставочный глагол более частотен (*индеветь* 17, *заиндеветь* 259; *черпать* 1505, *исчерпать* 1926; *перчить* 21, *поперчить* 111; *индеветь* 17, *заиндеветь* 259; *ржаветь* 295, *заржаветь* 320 и т.д.), во-вторых, в некоторых случаях бесприставочные глаголы вообще отсутствуют в ряду акцентных вариантов (*взбодрить*, *взбодриться*, *прибодрить*, *прибодриться*). Кроме того, мы предполагали возможность разнообразия акцентной маркировки одно-коренных слов носителем языка.

На основе проведенного анализа был сформирован экспериментальный список, включающий бесприставочные глаголы и их достаточно частотных «родственников» (всего 90 лексем). Эти единицы могут быть распределены на 5 групп, в зависимости от оценки варианта: а) равноправные варианты - *взвихрить*, *вклиниться*, *заклинить*, *газировать*, *искриться*, *заржаветь*, *ржаветь*, *исчеркать*, *парусить*, *распланировать*, *планировать* и др. - всего 23 слова; б) второй допустимый - *бултыхнуться*, *саднить*, *заиндеветь*, *перчить*, *нормировать*, *опорожнить*, *первенствовать* и др. - 12 единиц; в) второй не рекомендуется - *баловать*, *баловаться*, *избаловать*, *взрыхлить*, *заплесневеть*, *исчерпать*, *черпать*, *гофрировать*, *осведомиться*, *уведомить*, *кашлянуть*, *щелкать* и др. - 28 слов; г) второй неправильный (грубо неправильный) - *ободрить*, *вперить*, *закрепиться*, *закупоривать*, *откупоривать*, *заострить*, *преминуть*, *облегчить*, *облегчиться*, *одолжиться*, *лиловеть* и др. - 23; д) мы сочли необходимым добавить в выборку варианты узуальные, но не кодифицированные орфоэпическим словарем - *кровоточИть* - **кровотОчить*, *занЯть* - **зАнять*, *сАхарить* - **сахарИть*, *засАхариться* - **засахарИться* - 4 слова.

В качестве информантов выступили студенты высших учебных заведений, носители средне-литературной речи, по О.Б. Сиротининой (среда, в которой отражается эволюция русского акцента). Инструкция звучала следующим образом: «В предложенных глаголах расставьте ударения. Если, по Вашему мнению, в каком-либо слове возможен еще иной вариант ударения, укажите его. Укажите свои: пол, возраст, место рождения, сколько лет проживаете в Москве».

Результаты эксперимента рассматривались с нескольких позиций: 1) степень акцентной вариативности - информант допускает наличие вариантов; 2) соотносённость ответов информантов со словарными данными; 3)

антропоцентрическая вариативность однокоренных глаголов, 4) региональная специфика акцентной вариативности.

В настоящей статье описываются результаты эксперимента, проведенного на 120 носителях русского языка - студентах факультета начальных классов МГПУ (родившихся в Москве или проживающих в Москве достаточно долгий период), т.е. в поле зрения оказываются первые три аспекта.

Итак, на 90 глагольных стимулов было получено 10800 реакций, из них отказов 139, что составляет 1,3 % от общего количества реакций (отказы были получены на 65 стимулов, в частности, затруднения вызвали глаголы *сборить* 9, *саднить* 8, *оторочить* 6, *заиндеветь* 6 и др.).

Как отрицательный результат также можно рассматривать различного рода зачеркивания, исправления акцентной маркировки - 77 случаев (0,7 %). Проблемы социофонетики детально описаны в [3, с. 208], где отмечаются как возможности, так и недостатки так называемой «бумажной фонетики». В качестве основной проблемы называется неспособность рядовых носителей языка адекватно оценивать собственное произношение. Однако в проведенном эксперименте количество исправленных реакций, за редким исключением, не превышало 2 случаев на один стимул.

Реакции, в которых носителем языка фиксировалась вариативность (информант признает два варианта, из которых второй оценивается как равноправный, редко - допустимый), составляют 2,6 % от общего количества (всего 278 реакций, полученных на 66 стимулов, в среднем около 3 реакций, максимальное количество - 13). Наибольшая вариативность обнаруживается у стимулов *облегчить* 13, *черпать* 12, *пломбировать* 12, *баловать* 11, *баловаться* 10, *запломбировать* 9, *татуировать* 9, *ополить* 8, *кровоточить* 8, *щелкать* 8, *облегчиться* 7, *ржаветь* 7, *осведомиться* 7, *откупорить* 6, *избаловать* 6, *закупоривать* 6 и т.д.. Можно отметить, что в целом вариативность слабо проявилась в ответах информантов, вероятно, словесный акцент играет большую роль для носителя русского языка в процессе опознания слов. В сознании носителя языка хранится единственный вариант, при столкновении с другим информант пытается дифференцировать варианты по значению (например, *чЕрпать* знания, *шмЫгнуть* носом), т.е. вернуть ударению его смысловоразличительный статус.

В экспериментальном материале градация с точки зрения узуальной нормативности отражается статистически: от равноправия вариантов - их выбор приблизительно равным количеством информантов, до грубо неправильного варианта, который не выбирается носителями языка. Сравнивая результаты эксперимента и данные словаря, необходимо отметить следующее: из 23 равноправных варианта словаря только два оцениваются подобным образом в эксперименте: это слова *газИровать* 64 и *газирОВАть*

49, *пузырИть* 64 и *пузыРить* 52, еще три случая могут быть оценены как допустимые: *окИслить* 81 - *окислИть* 35, *сбОрить* 78 - *сборИть* 31, *сгру-дИться* 79 - *сгруДиться* 37; однако в большинстве случаев один вариант оказывается доминирующим: *рыкАть* 117 и *рыкАть* 2, *искрИться* 115 и *Искриться* 2, *заклИнить* 105 и *заклинИть* 12 и т.д.

В свою очередь, антропоцентрическое равноправие обнаруживают некоторые варианты глаголов, маркированные в словаре как *доп.*, *не рек.*, *неправ.*, *грубо неправ.*: *шмыгнУть* 58 - *шмыгнУть* (не рек.) 57, *убыст-рИть* 61 - *убЫстрить* (неправ.) 55, *ходАтайствовать* 57 - *ходатАйство-вать* (грубо неправ.) 54, *пломбИровать* (неправ.) 57 - *пломбировАть* 47, *раздвоИть* 59 - *раздвоИть* (не рек.) 52 и др.. Такого рода «коллективная вариативность» - явление гораздо более редкое (16 единиц), чем выбор одного доминирующего варианта - высокий коэффициент однообразия обнаруживают 35 глаголов, причем в целом ряде случаев доминируют ненормативные варианты: *домОвничать* (не рек.) 115, *гофрИровать* (не рек.) 112, *пристрУнить* (не рек.) 108, *предвосхИть* (неправ.) 104.

Всего же почти у трети слов экспериментального списка более частотным оказывается допустимый, ненормативный или даже отсутствующий в словаре вариант: *нормИровать* (доп.), *бултыхнУться* (доп.) *пригубИть* (не рек.), *осведомИться* (не рек.), *исчерпАть* (не рек.), **кровотОчить* и т.д.

Наконец, сравнивая тенденции акцентной маркировки в однокоренных глаголах, можно отметить, что в большинстве случаев тенденции выбора акцентного варианта совпадают, правда, в одном из случаев они могут быть выражены более контрастно: *перчИть* 17 - *перчИть* 99, *попЕрчить* 6 - *поперчИть* 111 (в обоих случаях в качестве основного выбран кодифицированный допустимый вариант), *закУпоривать* 43 - *закупОривать* (неправ.) 67, *откУпоривать* 55 - *откупОривать* 55. Противоположные тенденции проявляются у пар *облегчИть* 36 - *облЕгчить* (неправ.) 69, *облег-чИться* 69 - *облЕгчиться* 39 и *увЕдомить* 70 - *уведомИть* (не рек.) 44, *освЕдомиться* 24 - *осведомИться* (не рек.) 88.

Итак, подведем некоторые итоги проведенного пилотажного исследования: экспериментальный материал обнаруживает систему, отличную от кодифицированной, причем различия заключаются не только в оценке отдельных единиц, но и в зонах и характере вариативности, маркировке однокоренных слов, наличии вариантов, отсутствующих в словарях, статусе равноправных и ненормативных вариантов, статусе смысловозначительной функции и т.д.. Эта система может быть определена как область антропоцентрической орфоэпии, требующая создания собственного мета-языка и статистически достоверного коэффициента вариативности. К аспектам исследования антропоцентрической орфоэпии можно отнести ус-

тановление ее региональной специфики и сравнение с акцентными закономерностями разговорного дискурса.

Интерпретация ненормативной вариативности не может ограничиваться подвижностью акцента в формах глагола (как раз наоборот, глаголы *начАть*, *принЯть* были оценены информантами однозначно, видимо, для средне-литературной нормы такого рода вариативность не является проблемной зоной) и должна опираться на законы антропоцентрической орфоэпии.

Роль антропоцентрической орфоэпии для теории языка заключается в установлении подвижных и устойчивых зон в системе словесного акцента русского языка, что позволяет предопределять пути акцентной эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Акцентная вариантность и вокализм слова // Теория языка. Ангlistика. Кельтология. - М., 1976. - С. 5-10.
2. Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М., 2000. – 480 с.
3. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. – 256с.

Шкуропацкая М.Г.

*Алтайская государственная академия образования
имени В.М. Шукишина, г. Бийск, Россия*

АССОЦИАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Наше исследование посвящено рассмотрению системных синонимических отношений между словами в ассоциативном аспекте. Основное внимание в данной статье уделяется следующим вопросам: чем вызвана необходимость поиска новых путей решения вопроса об отношениях между словами-синонимами в системе языка и какие возможности в решении проблемы близости и тождественности слов содержит в себе применение ассоциативных методик?

Прежде чем перейти к предмету нашего исследования, рассмотрим некоторые уже сложившиеся подходы к изучению системных синонимических отношений, важные в плане рассмотрения проблемы в ассоциативном аспекте.

Некоторой точкой отсчета при описании системных синонимических отношений является классическая системоцентристская лингвистика, которая предопределила многие подходы, сложившиеся в современной научной парадигме.

Традиционная семасиология при описании системных отношений слов исходила главным образом из представлений о понятийной природе лексического значения и дефиниционного способа его описания. Если придерживаться классификации, соответствующей четырем аспектам значения слова, предлагаемой, например, Л.А. Новиковым [1], то можно выделить следующие подходы к определению синонимов, сложившиеся в старой парадигме: сигнификативный, структурный, прагматический и денотативный (сигматический).

В сигнификативном аспекте синонимы определяются как слова с полностью или частично совпадающим значением (например, [2] и др.).

В структурном (синтагматическом) аспекте синонимы рассматриваются как слова, которые могут взаимно замещать друг друга, не меняя смысла предложения.

В прагматическом аспекте синонимы выступают как семантически тождественные (подобные) слова, имеющие различную стилистическую характеристику (например, [3, 4] и др.).

Наконец, четвертый подход отражает денотативный (сигматический) аспект, который заключается в изучении контекстуальных дескрипций (обозначений), соотносимых с одним и тем же денотатом (например, [5] и др.).

Каждый из этих подходов, раскрывая ту или иную сторону системных синонимических отношений, внес свою лепту в общее представление о данной разновидности парадигматических отношений. Однако присутствующая при таком подходе абсолютизация одного из аспектов семантики слова в целом ограничивала возможности его объяснительного потенциала.

Изменение научной парадигмы со структурализма на функционализм в современной семасиологии было связано с актуализацией интегрального подхода к семантике, предполагающего максимальное раздвижение ее функциональных границ. В связи с этим развитие семасиологии пошло по пути исследования все более глубинных слоев семантики, что, в свою очередь, меняло представление о самой структуре лексического значения.

В теоретической синонимологии в связи с этим также произошли существенные сдвиги, что получило отражение в лексикографической практике при создании словарей синонимов принципиально нового типа. Речь идет о Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (под общ. ред. проф. Ю.Д. Апресяна) и Словаре-тезаурусе синонимов русского языка (под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко). В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, как известно, реализуется «установка на детальное лингвистическое портретирование», «стремление возможно

более полно согласовать словарную статью с грамматическими и иными правилами русского языка» [6, с. V].

Особенность идеографического словаря синонимов «заключается в том, что его структурной основой служит иерархическая система понятий, которая и формирует соответственно идеографические группы разного ранга» [7, с.18].

Если исследовательские методики Московской семантической школы направлены на скрупулезный анализ мельчайших элементов структуры значения слова, то создатели идеографического словаря синонимов в большей степени нацелены на полноту охвата лексического состава языка. В количественном расширении синонимических рядов словаря нашло отражения активное использование в современной русской устной и письменной речи разнотилевой лексики; процессы, связанные с возрождением старых, забытых реалий и их номинаций, а также появление новых слов, связанных с отражением новых реалий, с потоком лексических заимствований, прежде всего англицизмов. Кроме того, в словарную зону синонимического ряда в данном словаре вошли также фонетические и словообразовательные варианты, однокоренные синонимы, относящиеся к разным частям речи. Таким образом, современные словари синонимов стремятся показать «все богатство и особенности синонимической системы русского языка» [7, с. 14].

Однако даже при этом условии вряд ли вызовет возражение мнение о том, что место синонимии в языке и соответствующая терминологическая фиксация не являются четко установленными и подлежат переосмыслению ввиду неполной ясности и определенности» [8, с. 52]. На наш взгляд, это связано как с онтологической сложностью самого объекта, так и с трудностями гносеологического порядка.

Например, трудности, с которыми столкнулись составители словаря-тезауруса синонимов, были обусловлены семантической сложностью некоторых синонимических рядов, пересекаемостью идеографических классов слов, имеющей разные причины. Во-первых, это связано с многозначностью слова; во-вторых, пересекаемость групп обусловлена сложностью отдельных лексических значений, допускающих их включение в различные семантические группы. «Слова, отличающиеся подобной семантикой, отображают взаимодействие, совмещение, склеивание ментальных пространств, что может быть обусловлено разными причинами» [7]. Например, реальной взаимосвязью, соотносительностью фактов и явлений действительности. В подобных случаях синонимические ряды, состоящие из слов со сложной композиционной семантикой, передают в совмещенном виде семантические идеи разных лексико-семантических множеств. Кроме того, часть русских синонимов наряду с основной функцией номинации

объектов реального мира выполняют оценочную, интерпретационную функцию, вследствие этого обнаруживается совмещение естественной категоризации мира с оценочной категоризацией, что также создает трудности семантического описания синонимов. В естественной категоризации первичны сами объекты мира действительности, среди которых выделяются типичные образцы; в оценочной категоризации основную роль играет человеческий фактор в языке. Значимость интерпретационной, в том числе оценочной, функции синонимов антропологически обусловлена, что также приводит к трудностям однозначной классификации подобных слов.

Сказанное свидетельствует о том, что различие значений членов многих синонимических рядов проявляется не на уровне понятийного слоя семантики, а на более глубинном уровне, образуемом сочетанием коммуникативно-речевых, синтагматических, лингвокультурных признаков, с большой долей субъективных, интерпретационных смыслов. Этот уровень значения близок к концептному, но полностью им не исчерпывается. Ближе всего его описывает понятие коммуникативного фрагмента, или «монады языкового опыта», введенное Б.М. Гаспаровом. По мнению исследователя, высказывание субъекта включает то, что говорящий намеревался сказать и то, что получилось в результате использования языкового материала, потому что «каждая поступающая к нему извне частица языкового материала облекается целым полем ассоциаций, реминисценций, отсылок, которые эта частица индуцирует в его языковой памяти» [9, с. 107]. Языковая память человека содержит готовые к употреблению отрезки речи различной длины, которые формируются под воздействием языкового опыта.

Как уже отмечалось, методики компонентно-дефиниционного моделирования значения в любом их варианте не способны выявить эти тонкие семантические отличия. В лексикографической практике это приводит к тому, что одно слово синоним толкуется через другое. Например, слово *откровенный* в Толковом словаре русского языка толкуется как «искренний, чистосердечный».

Выход на новый срез семантики предполагает, таким образом, поиск адекватных языковому материалу описаний. Думается, что коммуникативный фрагмент наиболее близок тому содержанию, которое репрезентируют ассоциативные поля, с помощью которых могут быть описаны значения слов-синонимов. В основании исследования синонимов на этом уровне лежит гипотеза о том, что показания языкового сознания, представленные, в частности, в виде ассоциативного поля, и собственно языковой структуры, изоморфны.

Как известно, ассоциативное поле строится по результатам ассоциативного эксперимента и представляет собой упорядоченный по частотности набор реакций на стимул [10]. Построенное по такому принципу поле дает возможность выявить некоторые ассоциативные нормы, которые в свою очередь могут оказаться существенными в изучении семантики каждого отдельного слова.

Покажем фрагмент анализа семантических отношений между словами-синонимами *откровенность*, *чистосердечность*, *искренность* с использованием методики сопоставительного анализа ассоциативных полей. Ассоциативный эксперимент был проведен среди студентов старших курсов Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина в 2009 году.

Гипотеза состоит в том, что слова с неопределенной семантикой, образующие синонимические ряды, по существу отражающие такое свойство языкового знака, как его бесконечная семантическая валентность, нелимитируемость семантики, отражающие известную неопределенность, континуальность мира, все же могут быть вычленены из дисперсного пространства семантического поля, так как на оси ассоциативного измерения обнаруживается не только семантическая непрерывность, но дискретность, не только тождество, но и различия.

С учетом анализа количественных данных АП лексем нами были выделены зоны ядерной, ближней и дальней (крайней) периферий внутри каждого АП. Ориентиром для отнесения ассоциатов в ядерную зону стал самый высокий в АП количественный показатель. В зону ближней периферии вошли ассоциаты с количественным индексом от 10 до 100. Дальнюю зону составили единичные реакции с количественным индексом от 2 до 9. В зону крайней периферии вошли единичные реакции на словостимул.

Проанализируем качественный и количественный состав ассоциаций, входящих в зону ядра и ближней периферии единого ассоциативного поля, образуемого путем наложения АП слов-синонимов.

Зона тождества имеет достаточно большую плотность и образуется на данном участке единого ассоциативного поля (*откровенность* – *чистосердечность* – *искренность*) следующими реакциями: «открытость» (47, 24, 28), «честность» (39, 19, 76), «правда» (21, 23, 53), «искренность» (30, 39, -), «доверие» (17, -, 19), «признание (11, 118, -), «откровенность» (-, 12, 17).

Зона различия образуются следующими ассоциатами: *доброта* 24, *добрый* 13, *правдивость* 12 в АП в ассоциативном поле слова *чистосердечность* и ассоциатом *разговор* 32 в АП слова *откровенность*.

Дополнительные дифференциальные признаки были обнаружены при анализе зоны дальней периферии единого ассоциативного поля.

В зоне дальней периферии АП слова *откровенность* это такие реакции, как: душа 4; секрет 5; тайна 2; болтливость, разговорчивость, раскрепощенность 2; открытый 6; интим 5; беседа 3; в разговоре 2; мемуары 2, рассказ 2, доверчивость 4; глупость 2.

Зону различия в АП слова *чистосердечность* составляют реакции: суд 5, милиция 3; качество 6; характер 2; раскаяние 4, откровение 3, хороший 2.

И наконец, различительные признаки в зоне дальней периферии в АП слова *искренность*: душа 8, души, сердечность, сердце 3, добродушие 2, радушие 2 характер 3, улыбка, верность 4, вранье 2, лживость 2, в деле 2, в отношениях 2, наивность 2, скромность 2.

Суммируя сказанное о зонах тождества и различия в ядерных и периферийных областях единого ассоциативного поля слов-синонимов, можно отметить, что все слова обозначают свойства «открытости, честности, правдивости, доверия, признания, откровенности». При этом слово *искренность* вычленяется благодаря таким признакам, как «задушевность, проникновенность, сердечность, добродушие, радушие» (в отношениях);

у слова *откровенность* отличительными признака являются свойства «прямодушия, прямолинейности, прямоты, которая обычно проявляется в разговоре; говорить откровенно – это впрямую, прямо, начистоту»;

дифференциальная зона слова *чистосердечность* связана с семантикой слов *суд, милиция, раскаяние* и т.п. Чистосердечным является признание человека, совершившего какое-либо правонарушение.

В зоне крайней периферии ассоциативного поля слова *откровенность* содержатся ассоциаты (такие, как *белье, нагота, открыт, раскрытость, секс, сексуальный, чувственность, страсть, юбка*), которые связаны с другим значением данного слова: «слишком обнаженный, открывающий тело». Данные реакции образуют зону контраста единого ассоциативного поля, где синонимические отношения между рассматриваемыми лексическими единицами нарушаются.

Подводя итог всему сказанному, отметим следующее:

1) рассмотрение синонимов как компонентов семантического поля позволяет представить указанную часть лексических единиц как открытую динамическую систему, способную к постоянному развитию, что позволяет уточнить ряд положений теории языкового знака и его значения;

2) методика ассоциативного исследования значения слов-синонимов способствует наиболее полной реконструкции семантики языкового знака как системного явления;

3) применение данной методики дает возможность выявить повторяющиеся частотные компоненты в семантике слов-синонимов (зона тождества полей) и многочисленные дифференциальные признаки (зона различия), расширяющие представления о системных отношениях, динамике значения слова-синонима как лексикографического объекта и как достояния индивида;

4) выбор в качестве объекта слов-синонимов с неопределенной диффузной семантикой и возможность реконструкции их значения экспериментальными методами свидетельствует о том, что данные методики могут быть успешно применены при описании системных отношений слов с различным типом семантики, и в особенности при описании лексико-derivационных отношений слов.

5) все сказанное является, на наш взгляд, весомым аргументом в пользу обоснования единства семантического поля как фрагмента онтологической системности языка и ассоциативного поля как продукта языкового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков Л.А Семантика русского языка. М., 1982.
2. Галкина-Федорук Е. М. Синонимы в русском языке // Русский язык в школе. – 1959. №3.
3. Евгеньева А.П. Проект словаря синонимов. М., 1964.
4. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
5. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М.: Просвещение, 1965. – 492 с.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. 2-е изд., испр. Авторы: ЮД Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Под общим рук. Акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
7. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред проф. Л.Г. Бабаенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
8. Лебедева С.В. Содержание термина «синонимия» в контексте современных исследований // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 51-62.
9. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.
10. Береснева Н.И. Модель внутреннего лексикона в позднем онтогенезе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Пермь, 1997.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Алтантуяа Батаа

Ховдский государственный университет,

г. Ховд, Монголия

Влияние социальных факторов на дискурс пожелания в русском и монгольском языках

Известно, что этикет представляет собой установленную систему правил поведения и является основной частью общей культуры человека. Он включает в себя прежде всего правила поведения и формы общения в общественных местах. То есть этикет – это «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)» [4, с. 377].

Пожелание как один из видов речевого акта довольно мало изучено в сопоставительном плане. Речевой акт пожелания сравнительно хорошо изучен в русском языке в разных аспектах лингвистики. Речевой акт Пожелания с точки зрения коммуникативной направленности, с прагмалингвистики, контрастивной прагматики, как функционально-семантические универсалии изучен такими учёными, как Формановской, Акишиной, Ранних, Тупиковой, Коморовой, Цховребовой и др. Изучение речевого этикета монгольского языка началось лишь с конца 20 века, основоположником этого учения, несомненно, считается одна из крупнейших лингвистов Монголии Зэгиймаа Ч. Ныне такие учёные, как Ширнэн, Нармандах, Уртнасан в более широком аспекте ведут сопоставительные исследования в области речевого этикета.

Единица речевого этикета тематической группы «Пожелание» частично рассматривались в русском языке. Однако еще не осуществлялся сопоставительный анализ тематической группы «Пожелание» в русском и монгольском языках.

«Пожелание» как вид речевого акта затронуто в работе «Сопоставительный анализ речевого этикета в русском и монгольском языках» Зэгиймаа Ч. В отличие от русского языка, в настоящее время нет специальных работ по рассмотрению ЕРЭ тематической группы «Пожелание» в русском и монгольском языках с точки прагмалингвистики.

Существует целый ряд экстралингвистических факторов, которые определяют выбор стратегии говорящим для реализации речевого акта пожелания. При этом большую роль играют социальные и ситуативные

факторы. Как определяют учёные, к основным социальным факторам относятся следующие:

- 1) социальная дистанция между интерактантами;
- 2) социальный статус или место интерактантов в социальной иерархии;
- 3) возраст говорящего и адресата;
- 4) пол говорящего и адресата;
- 5) образование каждого из интерактантов.

Каждый из этих факторов определенным образом влияет на выражение пожелания. Комбинация этих факторов предлагает интерактантам множество различных ситуаций, в которых реализуется данный речевой акт. Насколько весомы отдельные факторы для выражения пожеланий, можно установить только с помощью анализа, который позволяет исследовать и сравнить формы пожеланий в ряде идентичных ситуаций, отличающихся друг от друга лишь по одному из факторов.

Мы постарались рассмотреть социальную дистанцию между интерактантами при выражении пожелания в русском и монгольском языках.

Социальная дистанция. Под дистанцией понимается степень знакомства между говорящим и адресатом (знакомые, незнакомые) и тип отношений (родственники, друзья, коллеги, знакомые). Социальную дистанцию можно охарактеризовать как степень близости отношений между интерактантами, которая охватывает три ступени отношений.

Нулевые отношения: говорящий и адресат никогда не встречались друг с другом, т.е. видят друг друга в первый раз.

Нейтральные отношения: говорящий и адресат знакомы, их связывают официальные отношения. Они не состоят в родственных отношениях, никогда не общались между собой близко и доверительно.

Бликие отношения: говорящий и адресат состоят в дружеских или родственных отношениях и регулярно общаются.

Бликие отношения – говорящий и адресат друзья $G=A$ – позиции говорящего и адресата равнозначны.

Нейтральные отношения- говорящий и адресат коллеги (равнозначны)

В статусе пожелание-поздравление:

В русском и монгольском языках различий между ступенями (пожелание-поздравление, тост, пожелание-предписание) практически не отмечается. И при близких, и при нейтральных отношениях используются в основном эмплицитно-перформативные высказывания тостов и пожеланий. Частотным является использование вокативов.

Тосты: прежде всего нужно отметить, что особенностью тостов в обоих языках является распространенное использование пожеланий с экплицитным или имплицитным иллокутивным глаголом (желать / хүсэн

ерөөх, ерөөх) в функции тостов (Я желаю счастливого брака! Таньдаа аз жаргал, эрүүл энхийг хүсэн ерөөе!/хүсье!) В русском языке тосты характеризуется большей торжественностью, в отличие от монгольского, используются конструкции с частицей *пусть* (Пусть судьба будет благо-склонна к вам и будет вашей дорогой спутницей, вплетая в вашу жизненную нить только одни розы), модифицированные варианты высказывания с модальным глаголом *хотеть* (Я хочу поднять этот бокал за вашу будущую совместную жизнь и за то, чтобы нам собраться через 50 лет на вашей золотой свадьбе!), а также возвышенных метафор: (Я хочу поднять этот бокал за два любящих сердца!).

В монгольском языке в «современных» тостах наблюдается больше торжественности:

Хорвоо дэлхийн уудамд хос хун шиг амьдрах гэж

Хоёр аав ээжээ хамгаас илүү халамжлах гэж

Хонгор үрийнхээ зулайг хоёул зэрэгцэн үнэрлэх гэж

Хослон туулах амьдралынхаа гал голомтыг бадрааж буй

Хайртай хоёр найздаа

Амьдрал чинь аз жаргалаар бялхаж

Алаг үрс чинь инээд хөөрөөр цалгиж байхыг ангийн анд, хайртай найз нарынхаа өмнөөс чин сэтгэлээсээ хүсэн ерөөж байна!.

Монголы в ответ любой ступени пожеланий говорят: *Ерөөл бат оршиг!*, чем вызывают исполнение пожеланий. Торжественность тостов можно объяснить наличием слушающих, в культуре двух народов в такой ситуации важна демонстрация чувств, важно дать слушающим о добром отношении говорящего к адресату.

Пожелания-предписания

Пожелания в частотных ситуациях каждодневного общения сильно клишированы, почти не отличаются структурно, но существуют определенные пожелания, маркирующие ту или иную дистанцию между интерактантами. В отношении пожелания по поводу чьей-либо болезни в обоих языках не наблюдается специализированное клише, отсутствует специальная формула, в основном используются пожелания в форме повелительного наклонения (*Ну, ты выздоравливай! Не болей! Поправляйся скорее! Хурдан эдгээрэй!*) Выражения надежды в качестве пожелания (*Надеюсь, ты скоро поправишься. Надеюсь, все будет в порядке*) и использование фамильярного стиля маркирует близкие отношения (*Выздоровливай давай!*), а эксплицитные формы выражения отражают дистантность (*Желаю скорейшего выздоровления! Желаю Вам скорее поправиться*). В монгольском языке употребление подобных форм пожелания отражают большую дистантность (*Таньд хурдан эдгэрэхийг хүсье! Таныг хурдан эдгэрнэ гэдэгт итгэж байна*).

Использование фамильярного стиля маркирует более близкие отношения (*За, Даш минь, хурдан илааришиж үр хүүхэддээ хэдэн жил бараа болохыг бодоорой!*).

Пожелания кому-либо после того, как он чихнул, отличаются в монгольском и русском языках только наличием / отсутствием пожелания при определенной дистанции. В монгольском почти стопроцентно используется формула *Бурхан өршөөг! (Бог сбережет!)*, редко *Богд өршөөг! (Богд сбережет!)*. Русскими пожеланиями в этом случае являются формулы *Будь/те здоров (ы/а!)*.

В пожеланиях-поздравлениях, тостах, пожеланиях- предписаниях в обоих языках дистанция интерактантов не оказывает особых отличительных влияний на дискурс пожелания. Монголы в ответ любой степени пожеланий говорят: *Ерөөл бат оршиг!*, чем вызывают исполнение пожеланий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вдовина. Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ // Автореферат на соискании кандидата филологических наук. М., 2007.
2. Зэгиймаа Ч. Категория вежливости и ее выражение в русском и монгольском языках // диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. Москва, 1998.
3. Ранних Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке // автореферат на соискании кандидата филологических наук/ Москва, 2007.
4. Словарь по этике / под ред. И.С.Кона. – 3-е изд., 1975.
5. Формановская Н.И. Русский речевой этикет.М., 1985.

Блазнова Н.А.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

ОЦЕНОЧНОСТЬ В РЕЧИ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена описанию лексических факторов, которые выявляют личностное и коллективное начала в речи носителей диалекта. В дискурсе говорящего отражаются события, которые были связаны с глубокими личностными переживаниями, а также отражается система взглядов на взаимоотношения в обществе и коллективе. Оценка событий прошлого зависит от индивидуальной ситуации, в которой находился человек. Исследование, которое лежит в основе статьи, проведено в рамках диалектологической практики студентами второго курса филологического факультета АГАО имени В.М. Шукшина (январь – июнь 2012 года). Были проин-

тервьюированы представители старшего поколения (21 человек, жители г. Бийска и сел Бийского района, 1920-1940-х годов рождения).

В речи опрошенных ярко выражены я-центричные повествования, часты оценочные характеристики поведения людей в коллективе или в том населенном пункте, где проживает или проживал наш собеседник. Как отмечает Е.В. Иванцова, тексты диалектоносителей «сосредоточены преимущественно на теме «человек», а воплощается она чаще всего как «я и событие», «событие в моей жизни», «событие моими глазами» [2, с. 192]. Частотным является местоимение я и в рассказах собеседников. Приведем несколько примеров **я-центричных** повествований из рассказов наших собеседников. **Токмакова Ланда Ивановна (1937 г.р.):**

«– А потом я пошла дояркой. Сколь мне было, четырнадцать лет, я пошла дояркой. Набрала группу: двенадцать голов молодых тёлочек. Пер- вотелочек. Вот раздаивали. Она, бедна корова телится..., а я стою, плачу. (смеётся) Мне её жалко. Каково, вот така была (показывает примерный рост маленького ребенка). Ну а в самом детстве, там, я водилась – нянькой была, мне девять лет было. А этому... водилась... там, в том краю жили (показывает рукой). Мальчишка был. И я водилась с ним. Ему девять месяцев было, а мне девять лет».

Карнаухова Таисия Михайловна (1931 г.р.): *«Пошла учиться в 9 лет в первый класс, пока тепло было с осени, походила месяц – полтора, холода наступили, не в чем – ни обувь, ни одеть, и всё, села дома. Вот так три осени я: начну осенью, хожу, и потом мне не в чем, всё. У нас одни кирзовые сапоги были на всех, кому срочно надо, только тот обулся. Потом по-настоящему стала учиться с 1943 года, тогда многие учились переростки, трудная обстановка была, не в чем ходить, голод, холод. Училась я хорошо, особенно мне математика очень отлично шла, меня даже в пример ставили по классу и по всей школе, я любую задачу прям быстро, ментом решала».*

Не менее актуальным является в мировоззрении старшего поколения важность общечеловеческих ценностей: «я и общество», «мы как коллектив». Во время беседы наши реципиенты затрагивали такие темы, как поведение со старшими, отношения в рабочем коллективе, отношения с одноклассниками. Здесь в качестве важных выступают такие параметры, как «дисциплина», «честность», «добродетельность», «доверие», «помогали», «жили дружно, весело». При этом не обходится без сравнения с нынешним поколением молодежи, с современными людьми в целом. Вот что отвечает Л.И. Токмакова на вопрос о том, что, на ее взгляд, было самым важным для людей в прошлом:

«Самое главное, это вот, доверие друг к другу, вера какая-то. Как-то мы были... вот сюда приехали молодые, и все как-то друг другу доверяли,

и все друг другу помогали. Зарплата была очень маленькая, но мы никогда никого не оставляли в беде. Все как-то сбрасывались и помогали. Зарплата маленькая, сбросимся, одному купим, там, пальто, сбросимся, другому – штаны, там, купим.

Сейчас молодежь, может, они и богаче живут, но они не дружные. Раньше были дружнее и веселей, и относились друг к другу как-то с доверием. Друг другу помогали все».

Подобную оценку повседневной жизни людей в современном обществе и в прошлом дает **Клавдия Георгиевна Змазнева (1924 г.р.)**:

«Тогда народ как-то был более дисциплинирован. Дисциплина была, понимаете, дисциплина, мы все время были подконтрольные, мы все время с кем-то занимались: октябрята – с вожатой, пионеры – с вожатой, комсомольцы – с секретарем. Попробуй-ка, что-то сделай не так, комсомольцы, знаете, как за это давали?! А сейчас? В помине ничего нет, поэтому каждый предоставлен сам себе».

А вот мнение **Эльвиры Рейнгардовны Дейс (1948 г.р.)**:

«– А какие ценности были важными для людей в то время?»

– Ну, вот это, честность, доброжелательность, и не проходить мимо... ну как, беды какой-то, всегда помочь друг другу. И очень люди были дружными в то время: на работу если едут, то с песнями, с работы – с песнями, хоть и устали. Жилось как-то веселее».

Во время войны и в послевоенное время жителям Алтайского края приходилось делить свой кров с переселенцами из Поволжья и из Молдавии, с калмыками и поляками. Отношения между людьми оцениваются по-разному, в зависимости от личной ситуации. **Журавлева Юлия Николаевна (1937 г.р.)** рассказывает, как дружно жили местные и приезжие люди:

«Я помню, привозили с Польши людей. У нас-то подселили семью, у них были дети, девочка была моего возраста.

– И как проходило ваше совместное проживание?»

– Очень дружно. Я запомнила, что у них была большая ступка, и когда они на картошку что-то обменивают, то картошку сварят, а очистки толкли они в ступке и делали прямо на воде, как-то вот такой лепешечкой котлеты, как это, как пирожки. И меня угощали, и я ела эти очистки. Они ели. Жили дружно, никто не скандалил, что они у нас живут, да заняли, в тесноте были потому что. Нас было много, бабушка тут была, и у них семья такая. Очень дружно жили».

Однако несколько иначе воспринимает ситуацию совместного проживания приезжих и местных Л.И. Токмакова, семья которой в 1941 году была переселена на Алтай из города Боаро (ныне Саратовская область), который находился в автономной области немцев Поволжья:

«– А на работе, какие были отношения между людьми? Не отражалось на отношении к вам то, что вы немцы из Поволжья?»

– Бывало. **Всякие люди** там бывали... И **обзывали**... Мы када суда приехали, выходили даже все смотреть, что немцы. **«Немцы едут с рогами!»** – говорили. А когда вышли – нет, **такие же люди**, как и мы. Думали, что с рогами немцы, не видели еслиф. Не кино, ничего же не было в то время. Вот я дояркой работала, что-нибудь **поругаешься**: **«Фашистка!»** **Люди не понимали** в то время еще».

Мы видим, что оценка ситуации совместного ведения хозяйства, совместной трудовой деятельности жителей Алтайского края и людей, приехавших из других мест, не образует единой картины в восприятии наших собеседников.

Замечено, что «отношения в пределах малого, замкнутого социума, каким является сельское общество, иные, чем внутри сложного, развитого и, по существу, открытого социума современного города, что, естественно, накладывает определенный отпечаток на индивида. <...> Это постоянное осознание своей тесной связи с социумом до сих пор... пронизывает бытовое и речевое поведение сельского жителя» [1, с. 41]. Наше исследование также показывает, что для сельского жителя важно отношение к нему среди односельчан. Приведем отрывок из рассказа **Зои Егоровны Усовой (1939 г.р.)**:

*«Вот я иду по поселку, со мной вот, ну, и щасаиня молодежь как-то относюца с **пониманием** что ли..., ли как выразиться..., и **поздороваются**, и всё на съвете. Не знаю..., я как-то..., ко мне всю жись относятся... или я, или, нистой, меня... не знаю (пытается сформулировать мысль), или я отношусь так, **понимают меня**, ко мне как-то с **пониманием относюца все**.*

– Уважают!

*– Ну не знаю, **уважают, ни уважают, но как-то с пониманием!** Ни этоваются, я вот ни от кого, шобы я **грубо слышала...**, **ни от мальчишек, ни от девчонок, и повзрослее, и поменьше.... как-то грубых-то рычей не слышу...**».*

Отметим также, что, как ценное для взаимоотношений между людьми, нашими информантами отмечалось уважение к старшим:

«Мы все друг друга знали, и попробуй, пройди и не поздоровайся. Не поздоровался с кем-то, кто старше тебя, он тебя остановит и скажет: «И что это такое?» или расскажет родителям. И дома взбучку тебе устроят».

Важной для сельских жителей выступает и такая черта, как трудолюбие: *«Ну, народ, вот механизаторы, очень добросовестные были, работающие все».* Однако помимо качеств, необходимых в работе, ценились и

музыкальные, певческие таланты: *«Все были веселые, талантливые. Как какой-то праздник, слушаешь, все какие-то голосистые, пели хорошо, мне нравились все жители, отзывчивые, дружные».*

Таким образом, в речи диалектной языковой личности присутствуют оценочные элементы, входящие в ее картину мира: это общечеловеческие ценности доброты, уважения, взаимопомощи. При этом многое в оценках зависит от личного опыта человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности [Текст] / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
2. Пауфوشيца, Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность [Текст] / Р.Ф. Пауфوشيца // Язык и личность. – М., 1989. – С. 41-48.

Волкова Н.А., Новикова О.В., Орехова Т.И.
*Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск, Россия*

ВОСПИТАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

В современном поликультурном пространстве бесспорен тот факт, что человеческий интеллект в целом немыслим вне языковой способности порождать и воспринимать речь. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка. Г.И. Богин дает следующее толкование понятия языковой личности: языковая личность – это человек как носитель языка, рассматриваемый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. к комплексу психофизических свойств индивида, позволяющих ему производить и воспринимать речевые произведения [1, с. 1].

В качестве критерия развитости языковой личности ученый выделяет степень формирования у личности дискурсивного мышления (уровень правильности, уровень интериоризации, уровень насыщенности, уровень адекватного выбора, уровень адекватного синтеза). Первые три уровня человек достигает в процессе своего развития, а четвертый и пятый уровни во многом связаны с формированием культуры общения. Поднявшись на высший уровень, личность получает возможность добиваться речевых эффектов, сходных с эффектами художественной словесности. Языковая личность обитает в мире текстов, её развитие происходит в активной дискурсивной деятельности, а текст в широком значении этого понятия является основой социально-культурной коммуникации. Теоретически, разви-

вая языковую личность студентов (достижения ими четвёртого и пятого уровней), мы сможем способствовать расширению круга их познавательных интересов, эрудированности, обогащению словарного запаса, развитию абстрактного мышления.

Система высшего образования сегодня рассматривается как важнейший институт социализации личности, где обучение и воспитание представляют собой единый процесс, направленный на подготовку высокообразованных, широко эрудированных, культурных, творчески мыслящих специалистов. В студенческие годы молодые люди наиболее активно приобщаются к ценностям культуры, приобретают навыки общественно-политической деятельности, интенсивно расширяют круг общения. Этому способствует особый уклад жизни высшей школы, где существенной чертой является поощрение творчества, инициативы и самостоятельности в поиске оптимальных форм и методов самостоятельного добывания знаний. Однако следует отметить, что говорить о высоких результатах в области формирования языковой личности пока преждевременно. В этой сфере имеется ряд проблем: часть студентов не проявляет должного интереса к освоению избранной профессии, отличается низкой внутренней культурой, политически и граждански индифферентно и инфантильно.

В связи со сказанным полагаем, что формирование культуры языковой личности является неотъемлемой частью общей системы подготовки специалистов.

Демократизация общества дала возможность значительно повысить интерес к традиционной культуре и языку всех народов, проживающих на территории РФ, т.к. именно язык и культура занимают важное место в историческом развитии каждого этноса и в формировании национального сознания. Языковая политика в государстве с разнородным этническим составом сталкивается с определенными проблемами, от правильного решения которых зависит сохранность языка, а также социальная стабильность общества. В соответствии с Законом Республики Алтай «О языках», государственными языками в республике являются русский и алтайский. Русский язык используется также как средство межнационального общения. В условиях многонационального государства особенно актуальной стала в последние несколько лет проблема воспитания толерантности, которая коснулась не только отдельных регионов России, но и мирового сообщества в целом. За это время наблюдается увеличение агрессивности в межличностном общении, все более категорично принятие другой индивидуальности. Одним из действенных средств предупреждения нетерпимости является воспитание в духе толерантности. Прежде всего, на это должна обратить внимание высшая школа, так как она имеет непосредственное отношение к формированию мировоззренческих установок лично-

сти, системы ценностных приоритетов. В 2001 году была утверждена федеральная программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)». Она предусматривает разработку и внедрение в систему образования учебных материалов, воспитывающих подрастающее поколение в духе миролюбия, веротерпимости и толерантности, реализацию комплекса мероприятий по повышению роли семьи в воспитании молодежи с опорой на средства массовой информации, общественные объединения и т.д. Уважительное отношение к другому языку и культуре, формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия – неотъемлемая часть этой программы, основная роль в реализации которой возлагается на педагога. Таким образом, крайне важным в современном обществе представляется повышение уровня общенациональной культуры, а также культуры межнационального взаимодействия. Здесь важно привить понимание того, что нет никаких высоких и примитивных культур, не может быть больше или меньше культуры, одна культура не есть ступенька по отношению к другой. Культура – это сложный и противоречивый процесс, но *имеющий быть реально* в определенном историческом времени и пространстве. Это выражение целостности жизненных проявлений того или иного народа. Нужно отметить, что в образовательных учреждениях обучаются учащиеся и студенты различных национальностей, которые несут в себе духовность разных народов и своеобразную этническую культуру, систему духовно-нравственных ценностей.

Общеизвестно, что проблемы национально-культурного характера политическим путем (без учета целого комплекса сопутствующих этому вопросов) не могут быть решены. Залогом их разрешения может быть только продуманная и четко обоснованная научно-культурная политика. Именно поэтому важнейшим звеном в воспитании молодого поколения становится культуроведческий компонент, который предполагает осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, а также соблюдение культуры межнационального общения.

В связи со сказанным, немаловажным является то, что в процессе изучения языка и литературы необходимо одновременно приобщать обучающихся к национальной культуре своего народа, формировать культуроведческую компетенцию, включающую в себя сведения о языке как о национально-культурном феномене, отражающем духовно-нравственный опыт народа и закрепляющем основные нравственные ценности. Культуроведческая направляющая воспитания включает формирование представлений о связях языка с национальными культурными традициями народа.

В рамках представленной статьи хотелось бы поделиться многолетним опытом проведения работы по формированию поликультурной языковой личности студентов и школьников города Горно-Алтайска. На филологическом факультете Горно-Алтайского государственного университета проводится серьезная работа по формированию у студентов и школьников активной гражданской позиции, воспитанию любви к родным языкам, литературам, культурам. На это направлен целый комплекс мероприятий, охватывающих большой контингент студентов. Частью решения обозначенных проблем является проведение Кирилло-Мефодиевских чтений и Славянского базара в рамках празднования Дня славянской культуры и письменности на университетском и городском уровнях. Эти мероприятия способствуют установлению гармонии интересов проживающих в нашем регионе наций и народностей, утверждению подлинного братства, взаимопомощи и культурного взаимообогащения. Последовательное претворение такой политики в жизнь – это единственно реальный путь стабилизации политических и социальных процессов в каждом многонациональном регионе. Традиционное проведение указанных мероприятий стало необходимым звеном в структуре новой культурной парадигмы, выполняющим организационную и другие функции через реализацию следующих направлений:

- придание исследованиям в области русского языка и культуры комплексного и целенаправленного характера на уровне нашего региона;
- включение авторских разработок в единые исследовательские программы;
- регулярную подготовку к изданию научных статей по заявленной проблематике;
- осуществление широкой информационно-аналитической деятельности;
- внесение вклада в научную разработку методологии изучения языка и культуры в рамках школьного и вузовского образования;
- обращение к исследованиям, выходящим за рамки одного языка и одной культуры.

Последнее из указанных направлений является немаловажным, так как именно сопоставление языков даёт возможность выявления всеобщего и национально-специфического в языковой репрезентации мира. Сопоставительное исследование разных языковых и речевых единиц непременно касается проблемы соотношения всеобщего и национально-специфического в языковой репрезентации мира. Универсальность концептуального моделирования обусловлена тем, что любой язык отображает в структуре и семантике основные параметры мира, восприятие человеком действительности, положение человека в жизненном пространстве,

духовное содержание личности и др. Национальная же специфика проявляется в том, как представлены в языках фундаментальные понятийные категории (время, пространство, количество, качество и др.). Поэтому одной из задач сопоставительных исследований является выделение основных направлений, в которых ярче всего выявляется национальная специфика тех или иных категорий в русском языке и в других языках (славянских и неславянских). Так, в нашем регионе актуальными являются сопоставительные исследования русского и алтайского языков. Важно, чтобы результаты этих исследований в доступной форме доходили до широкой аудитории, и один из путей решения этой задачи – проведение Кирилло-Мефодиевских чтений и привлечение к участию в этом мероприятии не только студентов и преподавателей Горно-Алтайского университета, но и школьников, работников библиотек, представителей СМИ.

Перспективы модернизации образования последних лет выдвигают на передний план воспитание целостной личности. Особую значимость в связи с этим приобретает внеаудиторная деятельность студентов, смысл которой заключается в трактовке её как расширяющегося жизненного пространства, в рамках которого студент получает возможность приобретения социально и личностно значимого опыта, перехода от социальной роли обучающегося к роли субъекта. Как справедливо отмечает И.М. Ильинский, «Воспитание – это питание. Один человек так или иначе питает другого. Этим, если угодно, и обеспечивается преемственность поколений» [2, с. 3].

Мы наметили лишь некоторые пути реализации перспективных идей, связанных с пропагандированием духовно-нравственного аспекта среди учащейся молодежи, формированием неподдельного интереса и высокой мотивации к изучению языков, стран и культур в целом и становлением поликультурной языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: АКД, 1984.
2. Ильинский, И.М. ВосПИТАТЬ – значит питать / И.М. Ильинский // Студенчество. Диалоги о воспитании. – №4 (58). – 2011.

Есенова Т.С.

*Калмыцкий государственный университет,
г. Элиста, Россия*

**РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ**

Большой интерес вызывает личность политика такого высокого ранга, каким является президент страны и президент национальной республики.

Как известно, текст содержит большой объем информации об авторе: сведения о поле, возрасте, национальности, уровне образования, мировоззрении, менталитете, психологическом типе, языковых и ораторских способностях, характере и т.д. Нами предпринята попытка определения основных характеристик текстов, автором которых является К.Н. Илюмжинов. В основу анализа положены публичные выступления политика, записанные в прямом теле- и радиоэфире в 2003-2004 гг. в г. Элисте, общий объем – около 2000 словоупотреблений (выступления относятся к 2003-2004 гг., когда К.Н. Илюмжинов занимал пост президента Республики Калмыкия).

Кирсан Николаевич Илюмжинов – публичный политик, данные о нем широко известны общественности. Самый молодой президент в истории нашего государства (избирается на самый высокий пост республики в 32 года), выпускник самого престижного в России вуза (Московского государственного института международных отношений), специалист по международным отношениям, знающий иностранные языки (английский, японский), дипломат, президент ФИДЕ, он продолжает удивлять общественность своей неординарностью. Коммунист, предприниматель, состоятельный человек, меценат, верующий, его поступки не всегда понятны массовому сознанию. Он часто выступает перед аудиторией, не слушать его речь невозможно.

В данных устных публичных выступлениях присутствуют основные особенности, свойственные массово адресованным сообщениям: публичная направленность, официальный характер, спонтанность. О культуре устной речи можно судить, прежде всего, по фонетическим характеристикам, таким как реализация фонем в соответствии с орфоэпическими нормами, правильное акцентное и интонационное оформление речи. В этом отношении в анализируемых текстах нами не отмечены отступления от фонетических норм. Характерны свойственные современному русскому литературному языку орфоэпические особенности: произнесение буквенного *чт* как [sht], *чн* как [shn], редукция гласных в безударных позициях и т.п. Единственной фонетической чертой, маркирующей речь данного политика и выдающей его этническую принадлежность, на наш взгляд, явля-

ется произнесение полумягкого согласного [r] на месте мягкого русского согласного [r']: [pre]дприятия, [re]спубликанский, [pre]зидент, [pre]дупредить, от[re]монтировали (обратим внимание на произнесение последующего гласного как [e] вместо орфоэпического [i]). Следует отметить, что такое произнесение не является регулярным, в отдельных случаях отмечается и нормативное произнесение данного согласного: п[r'i]длагали, п[r'i]дставители и т.п. На свойственное представителям калмыцкой интеллигенции произнесение полумягких на месте русских мягких согласных фонетисты обратили внимание давно. Данная особенность объясняется влиянием фонологической системы родного языка, для которого не характерны мягкие согласные фонемы [1, с.131].

Что касается просодических особенностей, то ярких индивидуальных черт, выделяющих данного говорящего, не отмечено. Индивидуальные голосовые характеристики не обнаруживают запоминающихся признаков, голос несколько тускл. В момент речи ни темп, ни динамика, ни мелодика речи не выдает нервного напряжения, не отмечены резкие колебания просодических характеристик. Все свидетельствует о свойственной данной личности выдержке, внутренней силе. Просодические характеристики коррелируют с паралингвистическими: минимальны жесты, не характерны резкие, порывистые телодвижения. В момент речи возможна улыбка, чаще она «вежливая», не передает реального состояния и настроения.

Устная речь всегда прерывается паузами, без них немыслима естественная живая речь, поскольку в ней процесс говорения и мышления носит одновременный характер, требуется время для подбора соответствующей для данного контекста речевой единицы. Установлено, что паузация зависит также от критерия родной/неродной язык. Думается, взаимодействием всех факторов вызвано своеобразие оформления речи данного политика, одной из черт которой является использование разнообразных пауз. В качестве заполнителей чаще всего используются частицы, местоимения, звуковые протяжки: *ну, вот, так, э-э, м-мм, и-ии*, а также модное в настоящее время «*как бы*». Отметим то, что для него не характерно использование заполнителей из калмыцкого языка, употребляются средства только русского языка, при этом арсенал лексических средств довольно разнообразен. Это снимает напряжение, возможное при восприятии негладкой речи, разорванной паузами.

Все тексты, положенные в основу данного исследования, являются публичными политическими текстами. Политический дискурс отличается как от дипломатического с его тщательным отбором и планированием, опорой на письменный текст, научного с его насыщенностью узкоспециальной терминологией, абстрактной лексикой, сложным синтаксисом, так и публицистического, содержащего большое количество стилистически

окрашенной, оценочной лексики. Политическую направленность анализируемых текстов определяет прежде всего лексико-фразеологический состав.

Изучение с этой точки зрения данных текстов позволяет заключить, что основу составляет официально-деловая, общественно-политическая лексика и фразеология: *парламент, президент страны, органы исполнительной власти, оппозиция, федеративные отношения, авторитет России на международной арене, свобода вероисповедания, права и свобода, законодательный орган, аграрный сектор, федеральные структуры, плюрализм, конституция РФ* и т.п. Безусловно, тематическая направленность каждого из текстов определяет набор лексических средств в нем. Так, в текстах, посвященных выборам, доминирует «выборная фразеология»: *голосование, партия «Единая Россия», выборы в Народный хурал, избирать достойных представителей, законы, республика, сделать выбор, предвыборная агитация, предвыборная кампания, Государственная дума, законодательный орган, избиратели, депутат, итоги голосования, гражданская ответственность, отдали голоса, республиканская избирательная комиссия, органы исполнительной власти на местах* и т.п. В речи, записанной во время встречи в районах республики, ключевыми словами являются следующие: *социально-экономическое положение района, руководство района, социальные обязательства, задолженность по детским пособиям, указ и программа, заработная плата*. Так как республика является аграрной, то многие тексты имеют сельскохозяйственную направленность. Она обуславливает присутствие слов и словосочетаний типа: *скот, численность поголовья, овцы, сельхозпроизводители, государственная закупочная компания, закупка и реализация сельхозпродукции, аграрии, единый республиканский заказ на закупку мяса и другой сельскохозяйственной продукции* и т.п.

Такая социально важная область, как жилищно-коммунальная сфера часто служит темой выступлений политика, что определяет присутствие соответствующей лексики: *программа «Жилье», жилищно-коммунальное хозяйство, строительство объектов, строительный жилищно-коммунальный комплекс, капиталовложения, домостроительный комбинат, инвестиции* и т.п. Экономическая, финансовая терминология (*инвестиции, валюта, бюджет, капиталовложения, денежные средства, налоги*) – неотъемлемая часть лексики выступлений, посвященных анализу финансово-экономического положения республики.

Политик большое внимание уделяет духовной сфере. К.Н. Илюмжинов известен как приверженец буддизма, однако в своих выступлениях подчеркивает мысль о том, что в Калмыкии сосуществуют все традиционные мировые религии. Политик известен мировой общественности своей

принципиальной позицией относительно визита духовного лидера буддистов Его святейшества Далай Ламы-XIV в Россию. Он часто посещает резиденцию Его Святейшества Далай Ламы-XIV, Калмыкию регулярно посещают ламы из Тибета, Монголии. В текстах, в которых освещается данная тематика, присутствует соответствующая лексика, например: *Тело Тулку Ринпоче* (глава буддистов Калмыкии), *заказывать молитвы, буддисты*. Тематика текстов обуславливает и определенную сдержанность, безэмоциональность изложения, для подобных текстов не характерна экспрессивно окрашенная, оценочная лексика. Напротив, в текстах, посвященных особым памятным событиям, широко представлена «высокая» книжная лексика: *достояние истории, воля и решимость, сплотиться, процветающая республика, во имя прогресса и процветания, ибо, великая и сильная Россия, творить добро, наша общая судьба, на благо родного Отечества* и т.п. Для речи этого общественного деятеля характерна разнообразная терминологическая лексика иноязычного происхождения (*санкции, популизм, плюрализм, псевдопопулизм, демагогия*). Таким образом, лексический состав речи данного политика разнообразен, можно констатировать, что он обладает богатым вокабуляром.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в речи присутствуют штампы, придающие казенный оттенок некоторым текстам: *предстоит в полной мере осмыслить, дать должную оценку, говорить с полной уверенностью, проявив высокую гражданскую ответственность, отдали подавляющее большинство голосов, поступательное движение вперед, по поводу общей стратегической линии развития, соответствующими основополагающим нормам истинной демократии*. Эти выражения соседствуют с просторечными и разговорными средствами: *уймитесь, из администрации позвонили и долго ругались, очередные...э-э шуточки там в Калмыкии устроили; сами народы России никому не позволят размахивать после драки кулаками, голословно бросать тень на работу республиканской избирательной комиссии, мнение горстки заблуждающихся и сбившихся с дороги выдать за мнение всего народа республики, оппозиционная трескотня*.

В целом отметим, что просторечные вкрапления – редкость в текстах данного политика. Экспрессивность текстов создается не столько сочетанием иностилевых средств, сколько сочетанием однородных членов. При этом последующий элемент, как правило, используется для усиления значения предыдущего: *жить в мире и согласии во имя прогресса и процветания, раскачать общую лодку, дестабилизировать обстановку, внести раскол и разлад в нашу жизнь, бездоказательно и голословно бросать тень на работу республиканской избирательной комиссии, решительно и безоговорочно пресекать любые несанкционированные мероприятия и*

антиобщественные действия, народы Калмыкии вместе с президентом страны, вместе с другими народами нашей Родины намерены строить великую и сильную Россию, лишь карта в политической игре, средство достижения корыстной цели, сохранять выдержку и спокойствие, свидетельством сплоченности нашего общества, это радует, вдохновляет и обнадеживает, за активность, мудрость и ответственность, двигаться вперед, строить новую жизнь и творить добро, это наш общий путь, наша общая судьба.

Эмоциональность создается и вопросно-ответными конструкциями: *Кто может этому помешать? Кто может поставить под сомнение правильность этого выбора? – Только лишь самые безответственные люди, для кого нет ничего святого...*

В речи политика часто используется лексика с одобрительной оценкой: *ассортимент очень широкий, более пяти тысяч наименований, все украшают и более того выполняют, не просто э-э увеличивается производство продукции...но и большое внимание уделяется, один из самых лучших, красивая мебель, программа выполняется, заново отстраиваются, тоже отремонтирован, хороший пример, значительный шаг, подлинное процветание, большой организаторский опыт, самое современное японское оборудование, затратили около миллиона американских долларов, всю власть республики, большая трагедия, было очень много кандидатов, многие партии соревновались, среди многих пожеланий, самые-самые такие животрепещущие вопросы, высокую гражданскую ответственность, самый правильный выбор, подавляющее большинство голосов, главные итоги, на грани политической гибели, истинной демократии, должный порядок, вам никто не позволит, окончательно утратили, самые безответственные, безнравственные люди, радует, все готово, в таком прекрасно отремонтированном здании. Нельзя не упомянуть также и о том, что автор активизирует в сознании слушателей фоновые знания, используя языковые средства передачи тех стандартов, на которые ориентировано обыденное сознание россиян (современное японское, миллион американских долларов).*

В проанализированных текстах использовано несколько эмоционально окрашенных фразеологических оборотов, при этом они были модифицированы: *размахивать после драки кулаками, бросать тень на (работу республиканской избирательной компании).* Конечно, использование фразеологизмов оживляет речь, придает ей образность, выразительность, на которую рассчитывает автор, включая их в свою речь. Этим же продиктовано употребление в речи метафор (*карта в политической игре, раскаты общую лодку, на грани политической гибели*). Отметим, что все указанные выше выразительные средства присутствуют в текстах, посвященных выборам. Это позволяет заключить, что в повышенной экспрессивно-

сти данных текстов отражается эмоциональное состояние автора: данная ситуация вызвала высокую степень нервного напряжения.

Безусловно, для восприятия текста немаловажное значение имеет то, что автор апеллирует к аудитории (*уважаемые сограждане, земляки, уважаемые земляки, дорогие соотечественники*). Местоимения первого лица, глаголы в личной форме, персонифицируя текст, также передают эмоции автора: *я прошу, я призываю, я хочу еще раз поблагодарить, я как гражданин России поддерживаю нашего президента и прошу жителей, я буду голосовать за партию "Единая Россия", я надеюсь, что наш народ изберет достойных, сердечно поздравляю вас с праздником, желаю всем жителям*. Отметим, что автор обнаруживает свое присутствие, эмоции не всегда. Как правило, открытая авторская оценка и персонифицированность характерны для отдельных речевых ситуаций (поздравление, агитация). Чаще всего данный политик использует в речи коллективное «мы» (*сегодня мы посмотрели, мы сегодня убедились, мы надеемся, нам всем еще предстоит, мы знаем, мы тут / это/ эксперимент проводим, мы приедем на открытие, мы были в Юстинском районе*).

В речи политика отмечаются неточности и неправильности в словопотреблении: *Геннадий Васильевич Кулик э-э передавал (вместо поднимал) вопросы...; встала (вместо возникла) проблема, куда девать наше мясо; инвестиции...продолжают идти (вместо поступать) в нашу республику, дают (вместо предлагают) низкие цены за мясо; отдавали (вместо передавали) власть*. Отмечены негладкие конструкции (*сейчас по нашим степям ходит полтора миллиона овец; ...по нашим степям проезжают многие перекупики; когда численность нашего поголовья оставалась только пятьсот тысяч*). Встречаются самоперебивы (*она будет рассчитана; создают доп-дополнительные рабочие места; уже могут планировать э-э себе э-э...как они...какое количество нужно*), неверные начала (*наши аграрники...аграрии; э-э мы сейчас будем единый республиканский заказ / то есть будет э-э существовать республиканский заказ; что инвестиции продолжаются... продолжают идти в нашу республику*).

Разговорных вкраплений в текстах данного деятеля немного. Влиянием разговорной речи объясняется дублирование темы высказывания (*швейная фабрика / она будет рассчитана; строительство промышленных объектов / оно осуществляется; строительный жилищно-коммунальный комплекс также / он не потеряет темпа; строительный комплекс / он как был авангардом...*). Не удастся избежать автору и неоправданных повторов: *большая трагедия у наших соседей / и мы выражаем... соболезнование нашим соседям; сейчас по нашим степям ходит...// обидно, что по нашим степям проезжают*.

Изучение морфологических особенностей текстов указывает на их именной характер: более половины всех использованных слов – именные части речи (32,4 % – существительные, 11,5 % – местоимения, 11,29 % – прилагательные). В текстах представлены разные группы существительных, среди которых доминируют существительные с абстрактным значением (*достояние, сомнение, ответственность, убежденность* и т.п.). В классе глаголов, составляющих треть всех слов, преобладают глаголы речи, движения (*ходит, высказывали, говорили*). В основном представлены глаголы в форме настоящего (*интересует, осуществляют, продолжается* и т.п.) и прошедшего (*погасили, сделали, утратили* и т.п.) времени. Глаголы будущего времени используются редко.

Синтаксическая структура текстов представлена сочетанием разных типов предложений при доминировании простых двусоставных конструкций. Практически не отмечены безличные и неопределенно-личные предложения, что подтверждает персональный характер текстов данного автора. Обращает на себя внимание тот факт, что бессоюзносложные предложения используются автором редко, тогда как сложносочиненные и сложноподчиненные предложения употребляются примерно с равной частотой.

Все устные выступления данного политика имеют ярко выраженное текстовое построение. Они трехчастны, при этом начало и конец, будучи связанными по смыслу, образуют рамочную структуру.

Таким образом, устная публичная речь национального политика на русском языке строится с соблюдением всех требований политического текста, что способствует тому, что те коммуникативные цели, которые ставит перед собой политик, достигаются. Она трехчастна, эмоциональна, выразительна, логична, последовательна, синтаксически и лексически разнообразна. Лексическую основу составляет общеупотребительная межстилевая лексика, которая сочетается с общественно-политической, экономической, сельскохозяйственной терминологией. Эмоциональную окраску текстам придают разные средства лексики: книжные, иностранные, разговорные слова и выражения, фразеологизмы, а также вопросно-ответные конструкции. Хотя в целом речь строится с соблюдением норм кодифицированного литературного языка, имеются отдельные негладкие конструкции, нерегулярное произношение полумягкого согласного [r] на месте мягкого русского согласного [r'] можно рассматривать как результат фонетической интерференции калмыцкого языка. Невербальные средства, использующиеся нечасто, уместны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенова Т.С. Русский язык в Калмыкии. Элиста, 2003.

Кичикова Н.А.

Калмыцкий государственный университет

г. Элиста, Россия

**СТРАНА БУМБА КАК ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
КАЛМЫКОВ**

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб; это важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанная с национальными ценностями и традициями [5, с.2]. Прецедентные феномены часто выступают как нравственные эталоны нации, фиксирующие ее оценку реальности.

Одним из прецедентных феноменов калмыцкой ментальности является страна Бумба в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Представления об этой эпической стране, составляющей важнейший, центральный локус «Джангара» исследователи эпоса (Кичиков А.Ш., Монраев М.У., Очир-Горяев В.Э., Бурыкин А.А. и др.) рассматривали как минимум в двух аспектах. Во-первых, страна Бумба – это особое художественное пространство эпоса, представляющее собой «страну величественных гор, огромных водных пространств – морей, океанов, многоводных рек и озер, густых лесов и широких равнин» [6, с.104]. Во-вторых, страна Бумба – это некий идеальный мир и идеальное государство, где живут и действуют герои эпоса, где буквально все является совершенным – природа и климат, люди и животные, правитель и те, кто ему служит – богатыри-сподвижники Джангара, правителя страны Бумбы:

Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда весна,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все.

Песни «Джангара» являются самыми любимыми и самыми распространенными в устном народном творчестве калмыков. «Они воплотили в себе прогрессивные устремления народного сознания, общечеловеческие и национальные ценности и высокие идеалы, в них выразилась мечта об идеальной стране, правителе, человеке и идеальных отношениях в обществе, существовавшая в идеологии и сознании калмыцкого народа» [2, с.49].

Известно, что «арсенал прецедентных феноменов – это наиболее значительное проявление национального своеобразия языка и наиболее полное проявление взаимосвязи условий существования народа, его культу-

ры, его языка и его ментальности» [5, с. 6]. Это справедливо и по отношению к миру фольклора, по-своему отражающего и в своеобразной форме манифестирующего традиционную культуру.

Основная цель нашего исследования – рассмотрение феномена прецедентности имени собственного «страна Бумба» в языковом сознании калмыков на материале массовой коммуникации (пресса, Интернет). Предполагается, что в основе названия Бумба лежит название мифического моря или океана Бум-дала. Само слово бумба является названием сосуда для священного нектара-аршана в виде изящного кувшина. Басангов Б.Б. в словаре к эпосу «Джангар» приводит такое определение: «Бумба – наименование страны, океана и горы. Бумбой называется также вершина купола. Очевидно, и страна называется Бумбой, так как она является вершиной человеческих желаний» [3, с. 381]. В словаре под редакцией Муниева Б.Д. представлена следующая словарная статья на указанное существительное [4, с. 120]:

Бумб II фольк. Бумба – название легендарной страны и океана в героическом эпосе «Джангар». *Бумб дала гидг далан ковяд / на берегу так называемого океана Бумбы.*

Страна Бумба во всем величии предстает в поэме-прологе как страна счастья, изобилия, согласия. На идеальность и легендарность Бумбы в тексте поэмы указывают определения, такие как великая, вековечная, милая, благословенная, благоуханная, обетованная, святая; милая Бумба, людского счастья предел.

О прецедентности страны Бумбы свидетельствуют художественные тексты, посвященные Калмыкии – попробуем перечислить их: это «Страна Бумба» Б.Б. Басангова, «Страна Бумба: Книга о Калмыкии» А.Б. Бадмаева, «Путешествие в страну Бумбу» Б.О. Джимбинова, «Золотая Бумба» А.А. Балакаева. Авторы данных произведений отождествляли современную действительность с эпической мечтой калмыцкого народа об идеальном государстве. «Политическая конъюнктура того времени связывала образ идеального правителя с современной действительностью, и соответственно имелось стремление увязать представления об эпической идеальной стране Бумбе с реалиями тогдашней современности» [1, с. 199].

Следует отметить, что прецедентное имя «страна Бумба» сейчас воспринимается совершенно не так, как это было в середине прошлого столетия. С одной стороны, страна Бумба – это мечта-утопия, которой никогда не суждено сбыться, например: *Восьмое чудо света... Страна Бумба... Мечта президента, обреченная на несбыточность* (Когда мечты сбываются // Известия Калмыкии, 11. 04. 2002. №74). В средствах массовой информации данное прецедентное имя, как и любое другое индивидуальное имя, обозначает соответствующий предмет, то есть функционирует как

обычное имя собственное и в традиционном значении обозначает страну-утопию, как «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы и «Утопия» Томаса Мора. Ср.:

Вот позору-то будет: Герой Калмыкии нарушал закон в сговоре с главным антикоррупционером Калмыкии! Ну а «Известия Калмыкии» со своей олимпийской передовицей все-таки ввергли в легкое замешательство. Одним словом «Страна Бумба» и «Город Солнца» (Л. Никитинский. Диктатура мента // Советская Калмыкия, 9 июля 2009 №6, стр 4.).

*Странность усиливается культом Джангара. Возможно, власти просто хотят создать в республике культ Джангара и построить ему специальный храм, а вслед за этим указом объявить о постройке в Калмыкии сказочной **страны Бумбы** в полном комплекте, т.е. с ханом-потомком Джангара (А. Леджинов. Калмыкия: Наша дхарма. 08.07. 2010. источник: [http:// evgazia.org](http://evgazia.org)).*

Акцентирование прецедентного имени может дополняться такими образными средствами, как метафора и сравнение. Ср.: постройка сказочной **страны Бумбы** в полном комплекте; Страна Бумба – Калмыкия, правитель Джангар – Кирсан Илюмжинов.

Итак, в данном тексте прецедентное имя выступает в качестве средств выразительности, которые призваны дискредитировать образ бывшего главы Калмыкии.

И с другой, страна Бумба в народном сознании осмысливается как и раньше – «благословенный край», где живут богатыри. *Он (М. Семенов) словно спустился из страны Бумба на нашу калмыцкую степь в такой нужный для нашего народа момент, чтобы пробудить нас, напомнить о наших предках, вселить веру, что, если мы захотим, мы сможем все – возродить родной язык, спорт, культуру, экономику.* (Виталий Боков. В контакте). Образ фантастически сказочной Бумбы сохранился в сознании современных калмыков еще с глубокой старины, когда народ был кочевником и создал легенду об идеальном царстве, какого в действительности не было, но какое они хотели бы иметь. Б. К. Пашков отмечал: «...Ещё более важно то, что благословенная страна Бумба в народном сознании живет не только как страна прошлого, как «золотой век» в истории ойратского народа, но и как страна народных чаяний и ожиданий, страна Будущего!» [7, с.3].

В средствах массовой информации мы находим примеры отождествления с современной Калмыкией: *Все это мне очень напоминало описание страны Бумбы в эпосе «Джангар». Люди здесь очень доброжелательные.* (Чужие среди своих. А. Безнощенко. 10.09.2011. «Известия Калмыкии»).

Также на прецедентность страны Бумбы указывает частое использование имени в наиболее сильных позициях текста – заголовках: Друг степей из страны Бумбы (И.Дьякова // Труд, 2002. №206), Путешествие в страну Бумбу (lib.rin.ru), Всадник из страны Бумба (Н.И. Родичев // Известия Калмыкии, 2006. № 159)

На территории Калмыкии зафиксированы названия организаций, объединений, СМИ, например: Общественное объединение калмыков Казахстана «Бумба», газета «Страна Бумба», банк «Бумба», Калмыцкий народный танцевальный ансамбль «Бумбин орн», Мобильный планетарий «Планета Бумба», Информационное агентство «Бумбин орн» и др., что, несомненно, указывает на прецедентность данного феномена для калмыцкого языкового сознания.

Таким образом, страна Бумба в картине мира калмыков может быть представлена как в основном, так и в метафорическом значении. В одном случае, прецедентное имя выступает в качестве выражения мечты калмыцкого народа о счастливой стране, и в другом – страна Бумба представляет собой эпическую утопию.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Бурыкин, А.А. Страна Бумба в калмыцком эпосе «Джангар»: художественное пространство героического эпоса, идеальное государство и концепт культуры // Образ рая: от мифа к утопии. СПб., 2003. С. 198-204.
2. Даваев С.А. Идеал совершенного человека в системе ценностных ориентаций эпоса «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве. Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Элиста: КалмГУ, 2004, С. 49-53.
3. Джангар. Калмыцкий народный эпос. Словарь. (Б. Басангов) – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977.
4. Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
5. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.
6. Очир-Гаряев В.Э. Физико-географические реалии эпической страны «Бумбин орн» // «Джангар» в евразийском пространстве. Матер. Междунар. науч.-практ. Конф. – Элиста: КалмГУ, 2004. С. 104-105.
7. Пашков, Б.К. Джангариада – величественный калмыцкий эпос. Предисловие к изданию «Джангариады» <http://djangar.bumbinorn.ru>

Одончимэг Тумээ
Ховдский государственный университет,
г. Ховд, Монголия

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В МОНГОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Прежде чем приступить к изучению фонетической системы данных языков, скажем несколько слов о монгольском языке.

Монгольский язык – язык монголов, населения Монголии. Распространен также во Внутренней Монголии и отдельных группах монгол, живущих в разных провинциях Китая. Число говорящих на монгольском языке – около 5,7 млн. чел. Относится к монгольской группе языков. Сложился около 14-16 вв. Монгольский язык имеет следующие диалекты: халхаский (свистяще-шипящий, т. е. имеющий свистящие и шипящие согласные) и шипящие (без фонем «дз» и «ц») – чахарский, харачинский, туметский, ордосский и другие. Для монгольского языка характерны: агглютинация; место подлежащего и определения перед сказуемым и определяемым; отсутствие грамматического рода и согласования определения с определяемым, а сказуемого с подлежащим в числе и падеже; отсутствие лично-предикативных частиц, в отличие от тюркских и других монгольских языков; наличие 7 падежей, личного и безличного притяжения, частицы которых ставятся после падежных окончаний; наличие в глаголе 5 залогов, 21 спрягаемой формы; причастные и деепричастные обороты вместо придаточных предложений; употребление винительного падежа для оформления подлежащего этих оборотов. Особенности фонетической системы перевода монгольского языка: фонемы «к», «п», «ф» встречаются лишь в новых заимствованиях, а «б» и «в» являются вариантами одной фонемы в монгольских коренных словах. Звонкие согласные в конце слога оглушаются. «Л» и «Р» в начале слова почти не встречаются. Многие согласные имеют палатализованные варианты (халуун – «выдра», но халуун – «горячий»). Гласные подчиняются законам сингармонизма и фонематически бывают долгими и краткими (харах – «смотреть» и хаарах – «закрывать», дэр – «изголовье» и дээр – «наверху»). Как национальный язык монгольский сложился после Монгольской народной революции в 1921 г. на основе халхаского диалекта.

Перейдем к исследованию типологических особенностей фонетической системы монгольского и русского языков. Отличия между фонологическими системами русского и монгольского языков находят свое отражение как в количественных, так и в качественных характеристиках. Что касается количественного аспекта, то он выражается в разном соотношении числа фонем. Затрагивая количественный аспект, необходимо пом-

нить, что число фонем в каждом из языков по данным разных исследователей может колебаться, что вызвано различной точкой зрения на статус фонемы. Качественный аспект заключается в уникальности тех или иных фонем для определенного языка.

Преставим анализ гласных монгольского и русского языков в таблице.

Таблица 1.

Особенности гласных в монгольском и русском языках

Признаки	монгольский	русский
Монофтонги	14	5
Дифтонги	6	нет
Число рядов	3	3
Число подъёмов	3	3
Оппозиции по ряду	2	4
Оппозиции в пределах одного подъема	нет	нет
Оппозиции в пределах разных подъёмов	2	5
Длительность гласных	различаются	не различаются
Дистрибуция	зависит от законов гармонии	не зависит от структуры слога

Таблица 2.

Классификация гласных в системе монгольского и русского языков (фонемы русского языка – в круглых скобках, монгольского языка – в квадратных)

Подъем	Ряд					
	Передний		Средний		Задний	
	Лабиал	Нелабиал.	Лабиал.	Нелабиал.	Лабиал	Нелабиал.
Верхн.		(и); [и]	[ý], [ýý]	(ы); [ы]	(у); [у], [уу]	
Средн.		(э); [э], [ээ]	[õ], [õõ]		(о); [о], [оо]	
Нижн.				(а)		[а], [аа]
Дифтонг			[ой], [ýй]	[ай], [эй]	[уй], [уа]	

Из таблицы мы видим, что гласные звуки в двух языках различаются по ряду, подъему, лабиализации и долготе. В отличие от монгольского языка в русском языке дифтонги отсутствуют. В монгольском языке существуют краткие и долгие гласные, общее количество которых составляет 14. Долгие гласные представляют собой «более протяженные» аналоги некоторых кратких гласных (у – уу, а – аа, э – ээ и т.д.). Краткие гласные и и ы не имеют долгих аналогов. Долгота гласного в монгольском языке несет смысловоразличительную функцию: ул – подошва, уул – гора. В монгольском языке существуют дифтонги: ой, ай, уй, ýй эй. Перечисленные дифтонги обладают нисходящим тоном, то есть основу слога в них образует первый гласный. Существуют также дифтонги уа, уай, но они не яв-

ляются исконными для монгольского языка и носители языка иногда уподобляют их привычным для себя звукам. Например, *гуанз* (столовая).

Дистрибуция гласных фонем в двух языках отличается друг от друга. Если в русском языке не наблюдаются ограничения на использование гласных (за исключением фонемы *|ы|*, которая может использоваться только после твердых согласных), то в монгольском языке дистрибуция гласных фонем подчиняется законам гармонии (сингармонизма), которые выражаются в четких правилах. Закон гармонии в общем виде заключается во влиянии предыдущего гласного на последующий. В монгольском языке проявление закона гармонии обладает некоторыми особенностями.

Сущность его можно охарактеризовать как влияние предыдущего гласного на последующий. Согласно закону сингармонизма, гласные современного монгольского языка делятся на следующие три фонологических ряда: мужские (а, о, у, ы, я, ё, уй, юу, ой, ай); женские (э, ё, ү, е, юү, эй, үй); нейтральные (и, ий). Мужские и женские гласные не смешиваются в одном слове, если слово несложное. Кроме того, даже некоторые мужские гласные не могут встречаться в одном и том же слове. Например: А, О не могут встречаться в одном слове; после мужского гласного У не может быть О; после Э, Ё не может встречаться Ё; после А, У не может встречаться О. Нейтральные гласные могут употребляться как в мужских, так и в женских словах. Принципиальное значение имеет долгота и удвоение гласного, так как от этих параметров зависит семантика слова (*хол* – далеко, но *хоол* – блюдо) [3].

Сопоставим типологические особенности согласных двух языков.

Таблица 3.

Особенности согласных в монгольском и русском языках

Признаки	Монгольский	Русский
Взрывные	11	12
Щелевые	14	19
Аффрикаты	2	2
Сонорные	9	9
Корреляция по глухости – звонкости	есть	есть
Корреляция по палатальности – непалатальности	есть	есть
Нейтрализация оппозиции звонкость – незвонкость	есть	есть
Дистрибуция	<i> р </i> не встречается в начале слова, заднеязычный сонорный <i> н </i> только в середине или конце слова	звонкие не употр. в конечной позиции мягкие не употр. перед <i> ы </i>

Состав фонем дается с позиции Ленинградской фонологической школы.

Таблица 4.
Классификация согласных в системе монгольского и русского языков
(фонемы русского языка – в круглых скобках, монгольского языка – в квадратных скобках)

Способ образования шума		Место образования шума										Задне-язычн. веллярные
		губные			Язычные							
		Губно-губные		Губно-зубные	переднеязычные		средне-язычные		задне-язычные	звонкие		
Смычные	взрывные	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие
		(б), (б') [б], [б']	(п), (п') [п]	(д), (д') [д], [д']	(т), (т') [т], [т']				(г), (г') [г], [г']	(к), (к') [к]		
	аффрикаты						(ц) (ч') [ц], [ч']					
		носовые	(м), (м') [м], [м']			(н), (н') [н], [н']					[н]	
Щелевые	дрожащие					(р), (р')						
		фрикативные		[в]	[ф]	[з], [ж']	[с], [ш']		[х']		[х]	
	срединные			(в), (в')	(ф), (ф')	(з), (з') (ж), (ж')	(с), (с') (ш), (ш')	(й) [й]		(х), (х')		
		боковые				(л), (л') [л], [л']	[лх]					
сопирн	дрожащие					[р], [р']						

В двух языках способы артикуляции согласных похожи, что выражается в наличии смычных шумных, фрикативных, аффрикат, сонорных. В русском языке апикально-альвеолярным фонемам соответствуют переднеязычные.

Что касается места артикуляции, то здесь существуют некоторые различия. В отличие от русского языка, в монгольском языке существуют заднеязычные велярные. В двух языках присутствует оппозиция по глухости – звонкости. В составе согласных монгольского языка изначально не было фонем *в, ф, к, ц, п*, однако они все включены в монгольский алфавит и используются при записи заимствований из других языков, в частности из русского. В обоих языках с точки зрения способа и места артикуляции полное соответствие находят следующие согласные звуки: [п – б], [м], [л], [т – д]. Частичными соответствиями можно назвать звуки, совпадающие по способу образования преграды и участию голоса в артикуляции, но различные по месту образования.

Таким образом, система согласных монгольского языка обладает достаточным сходством с системой русского языка.

Дистрибуция согласных в русском языке характеризуется невозможностью появления звонкой в конечной позиции, где она нейтрализуется, а также мягких фонем перед гласным [ы]. Для монгольского языка нехарактерно появление согласных [л] [р] в начале слова, однако в словах, заимствованных из русского, тибетского или персидского [р], может занимать начальную позицию. Монгольский заднеязычный сонорный [н] может располагаться в середине или конце слова, но не в начале.

В число основных принципов типологической характеристики фонем входит явление нейтрализации. Для русского языка нейтрализация характерна в финальной позиции слова звонкие согласные имеют тенденцию к оглушению, глухие согласные озвончаются за счет последующего звонкого и звонкие оглушаются также в связи с регрессивной ассимиляцией.

При сопоставительном анализе проявляются, наряду с уникальными признаками, универсальные, особенно в системе согласных двух языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В.Д. Аракин. – М., 2000. – 255 с.
2. Базаррагчаа М. Корреляция и чередование звуков монгольского языка. Уланбатор, 1987, 265 с.
3. Галсан.С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков (Фонетика и морфология). – Уланбатор, 1974 – 319 с.
4. Кузьменков Е.А. Фонологическая система современного монгольского языка. С-Петербург., 2004, 212 с.

5. Тодаева, Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология [Текст] / Б.Х. Тодаева. – Академия Наук СССР; Институт востоковедения. – М., 1951.

6. Цолоо Ж. Современный монгольский язык. Фонетика. Уланбатор, 2008.

Язуфаров Р.А.

*Дальневосточный государственный гуманитарный университет,
г. Хабаровск, Россия*

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(на материале этикетно-речевой ситуации «Ответ на комплимент»)**

Реформы, проводимые в последние десятилетия в нашей стране, привели к существенным изменениям не только в социально-экономической и политической сфере, но и в системе норм речевого поведения носителей русского языка. Как отмечает М.А. Кронгауз, 1985 год стал «не только социально-политической, но и лингвистической вехой, после которой в русском языке и русском дискурсе возникли и до сих пор продолжают совершено новые процессы» [3, с. 163]. Результаты экспериментальных исследований весьма отчетливо показывают, что указанные трансформации проявляются, в том числе, и в системе норм русского речевого этикета. В качестве примера представим результаты проведенного нами эксперимента среди носителей русского языка двух возрастных групп: родившихся до начала проведения социально-экономических и политических реформ в нашей стране и после. Наиболее показательными в данном случае оказались результаты эксперимента на материале этикетно-речевой ситуации «ответ на комплиментарное высказывание».

Прежде чем перейти к анализу результатов опроса, по нашему мнению, необходимо рассмотреть проблему типологии речевых стратегий ответа на комплимент, свойственных различным языкам мира. Зарубежные ученые в последние годы довольно активно вели исследования, направленные на выявление универсальных и национально-специфических особенностей речевого поведения при ответе на комплимент носителями различных языков и культур. В частности, для англосаксонской лингвокультуры в этой этикетной ситуации наиболее частотной называлась стратегия принятия комплимента, для большинства восточных языков – диаметрально ей противоположная – отказ от комплимента. Также исследователи указывали и на другие универсальные виды стратегий. В частности, Р. Герберт[2],

Р. Холмс [3] и Дж. Вулфсон [4] выдвигали в качестве вариативных стратегию ответного комплимента (returning strategy) и смягчения категоричности комплимента (выражение сомнения или объяснения) и др. А. Померанц в своей работе «Ответы на комплимент: взаимодействие систем ограничений» предложила все вышеуказанные вариации речевых стратегий ответа на комплимент выделить в две непропорциональные группы: непосредственное принятие комплимента и речевые стратегии, направленные на недопущение признания факта похвалы в свой адрес в той или иной степени (avoiding self-praise strategies) [5, с.71]. Также автор указывал на возможность комбинирования данных вариантов стратегий в условиях конкретных речевых актов. В этом случае, принимая комплимент, собеседник реализует грайсовский «принцип кооперации», но вместе с тем избегает признания «факта самовосхваления» (self-praise). Подобные комбинаторные стратегии используются как во многих европейских, так и в восточных лингвокультурах. В свою очередь, на материале восточноазиатских лингвокультур (китайской, японской и корейской) была выявлена еще одна разновидность стратегий ответа на комплимент. Китайский исследователь Гу Юэго назвал ее стратегией «отказа при последующем принижении собственных заслуг» (к примеру, в ответ на комплимент «У Вас такой хороший почерк!» носитель китайского языка может ответить «Что Вы, что Вы! У меня отвратительный почерк!») [6, с. 239]. Данная стратегия полностью противоречит грайсовскому «принципу кооперации», здесь реализуется свойственный восточным языкам этикетный принцип намеренного принижения собственных заслуг.

В соответствии с указанными типами речевых стратегий ответа на комплимент, из лексикографических источников и текстов современной художественной литературы на русском языке были отобраны наиболее частотные русские этикетные формулы ответа на комплимент. Отметим, что в рассмотренных источниках нами не были обнаружены этикетные формулы ответа на комплимент, соответствующие четвертой, восточноазиатской группе стратегий («отказа при последующем принижении собственных заслуг»).

Респондентам, участвующим в эксперименте, предлагалось выбрать наиболее подходящую ответную реплику на фразы-комплименты, относящиеся к внешнему виду, профессиональным успехам, действиям и т.п.

Часть результатов эксперимента представлена ниже по тексту в табличном формате с учетом ответов двух ранее указанных возрастных групп:

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

	старшая возрастная группа 27-60 лет (25 чел)		младшая возрастная группа (14-26 лет) 25 чел	
тип стратегии	количество человек	процентное соотношение	количество человек	процентное соотношение
стратегия принятия комплимента	6	24%	18	72%
стратегия отказа от комплимента	14	56%	4	16%
комбинаторная стратегия	5	20%	3	12%

Анализируя результаты данной части эксперимента приходится констатировать следующее:

1) были выявлены существенные изменения в речеповеденческих стереотипах носителей русского языка в условиях указанной этикетно-речевой ситуации;

2) подавляющее большинство (72%) представители «младшей» возрастной группы предпочли речевую стратегию принятия комплимента, более свойственную англосаксонской традиции речевого этикета.

3) большая часть респондентов «старшей» возрастной группы (56%) предпочли стратегию отказа от комплимента, чаще используемую носителями восточных языков.

В качестве одной из главных причин, влияющих на подобные трансформации речеповеденческих стереотипов, можно назвать с каждым годом все более усиливающиеся тенденции влияния западной культуры и стереотипов речевого поведения на молодую часть носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кронгауз М.А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. Vol. 28, No. 2 (2004)
2. Herbert, R. K. 1988. The ethnography of English compliments and compliment responses: A contrastive sketch. Contrastive pragmatics, ed. by W.Oleksy. Philadelphia: John Benjamins.
3. Herbert, R., & Straight, H. 1989. Compliment-rejection versus compliment avoidance: Listener-based versus speaker-based pragmatic strategies. Language and Communication 9.1: 35-47.
4. Holmes, J. 1988. Compliments and compliment responses in New Zealand English. Anthropological Linguistics 28: 485-507.
5. Pomerantz, A. 1978. Compliment responses: notes on the cooperation of multiple constraints. Studies in the Organization of Conversational Interaction, ed. by J. Schenkein. New York.
6. Gu, Yueguo. 1990. Politeness phenomena in modern Chinese. Journal of Pragmatics 14: 237-257.

РАЗДЕЛ III. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аганова Е.А.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ «НА СТЕНАХ» СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

В последнее время объектом пристального внимания лингвистов становится коммуникация в социальных сетях.

Социальная сеть (от англ. social networking service) – «это платформа, онлайн сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений» [1]. В рамках социальной сети существуют различные виды общения: участники могут общаться устно и письменно, сами создавать тексты или заимствовать чужие, они могут делать информацию о себе открытой, доступной для всех, а могут скрывать ее. Всё это дает широкое поле для изучения языковой личности, общающейся в социальной сети.

Одним из возможных аспектов исследования, которому посвящена настоящая статья, является жанроведческий. Цель нашего исследования на начальном этапе – выявить типы речевых жанров (точнее – жанров текстов), которые употребляются пользователями социальных сетей. В первую очередь нас интересуют жанры текстов, размещенных в открытом доступе – на «стенах». При этом под жанром мы будем понимать относительно устойчивое высказывание, выработанное определенной сферой использования языка, его главная черта – диалогичность [2], есть любой текст, любое высказывание в специфической коммуникативной обстановке приобретает узнаваемые черты конкретного жанра.

Мы полагаем, что на современном этапе развития русского языка возникают новые жанры текстов, а так же идет изменение и преобразование традиционных.

В ходе исследования мы рассмотрели 34 записи, размещенные на 10 «стенах» в социальной сети «ВКонтакте». Все они принадлежат трем молодым людям и 7 девушкам в возрасте от 19 до 22 лет.

Каждая запись была отнесена нами к определенному жанру. В большинстве случаев жанр нами определялся интуитивно, за исключением тех случаев, когда участники общения в социальной сети сами обозначали жанр текста. Так, применительно к сети «ВКонтакте» можно выделить множество различных речевых жанров. Нами были отобраны наиболее часто встречающиеся:

Статус – является одним из коммуникативных жанров, это тот же афоризм или какое-либо другое (сложившееся) устойчивое сочетание

слов. Может быть представлен в виде диалога, либо монолога. На страничке «ВКонтакте» **статус** обычно закреплен (расположен) сверху под фамилией и, как правило, отражает эмоциональное, физическое, душевное состояние пользователя (*Красивых много – родная должна быть только одна. Я могу спокойно отключить телефон на неделю, этого никто не заметит.*)

Анекдот – небольшой, забавный, смешной рассказ [3]. Обычно встречается в виде диалога, но в последнее время эта форма изменилась. Анекдот воспроизводится от первого лица, либо вообще его не имеет. (*– Можно мы на вашу следующую пару не придем? – Да! – А вы отмечать не будете? – Нет, я вообще на работе не пью!, Детство заканчивается тогда, когда зовут не кушать, а готовить.*)

Реклама – оповещение различными способами для создания широкой известности кому-чему-нибудь с целью привлечения зрителей, потребителей [3]. Реклама может быть представлена в разных формах и видах (Текст, сопровождающийся картинками курорта - *Горящие путевки. Остров Пхукет, Таиланд. Торопитесь!! Вылет уже 6 сентября из Новосибирска! 13 дне. 50 000 НА ДВОИХ! Новый отель IBUS PHIKET KATA 3* построен в 2009 году. Площадь номера 24 кв.м. в номере: сейф, TV, фен....* Изображение девочки со сведенными в одну точку глазами, подпись: «Я изучила ассемблер за 3 часа»). Так же нами были найдены на стенах «ВКонтакте» списки самых популярных фильмов, реклама продукции Apple и других популярных фирм. Нередко встречается и социальная реклама, например, картинка с изображением завязанной сигареты, надпись: «ЗАВЯЗЫВАЙ!» - ведется пропаганда здорового образа жизни.

Совет – это наставление, указание как поступить [3]. Чаще всего представляют собой обращение к кому-либо и выполняет коммуникативную функцию. Совет выделен нами как речевой жанр, потому что в последнее время активно употребляется в письменной форме интернет-пользователями. Форма совета может быть разной: обычно это небольшой текст, сопровождаемый картинками и смайлами, фото и граффити: «*Никогда не доверяйте Людмиле, которая говорит, что она не красивая*», «*Девушки, цените парней...*»

Гороскоп – в астрологии: таблица расположения звезд, служащая для мистических предсказаний о чьей-нибудь судьбе [3]. Как правило, это небольшой текст из несколько простых предложений: «*16 октября, вторник. Лучшее время для того, что бы начать все заново.*»

Инструкция – указания, свод правил, устанавливающий порядок и способ осуществления, выполнения чего-нибудь [3]. Варианты данного РЖ мы нашли в виде текста с картинками (*Как правильно завязать гал-*

стук), а также схематичного изображения (*человек с обозначением идеальной позы для сна*).

Объявление – извещение о чем-нибудь [3]. Может быть представлено в виде текста с добавлением картинок, граффити, фото (*Делаем дипломы магистра и специалиста, любые группы!!! Н.Т.У. 093-139-93-39*).

Таким образом, мы выделили наиболее частотные жанры, встречающиеся в социальной сети «ВКонтакте». К ним относятся: статусы, объявления, реклама, анекдот и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%E8%E0%EB%FC%ED%E0%FF_%F1%E5%F2%FC (дата обращения: 10.10.2012).
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок.57 000 слов/ Под ред. Чл. – корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. Яз., 1987. – 750 с.

Доронина Н.И.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

ВОЗМОЖНЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С развитием интернета человек получил еще одну сферу для самореализации. Не случайно возникли понятия «виртуальная личность», «*homo virtualis*», «виртуальная языковая личность». С начала 90-х г. данный феномен стал предметом многоаспектного осмысления в философии, психологии, культурологии, лингвистике и других дисциплинах, причем не только гуманитарного цикла.

Сам термин «виртуальный»¹ определил два направления исследования виртуального пространства и виртуальной личности: с одной стороны, как возможных, проявляющихся, в частности, в сети интернет, а с другой – как не имеющих физического воплощения или лишенных его. При этом виртуальный мир, созданный компьютерными технологиями, признается «новым типом культурного пространства, созданным современной цивили-

¹ Виртуальный (ср.-лат. *virtualis*) – «1. спец. Возможный; такой, который может проявиться при определенных условиях. *В. элемент системы*. || Ср. потенциальный, эвентуальный. 2. инф. Не имеющий физического воплощения или отличающийся от реального, существующего. *Виртуальная память* (память, размер которой больше физической памяти ЭВМ)» [4].

лизацией» [1], «необходимым планом бытия информационного общества [5, с. 478]. Однако исследователями отмечается, что «виртуальность стара как мир, а представления о виртуальных объектах изначально свойственны человеческому сознанию» [2]. Помимо технологической виртуальной реальности существовала и существует реальность «мифов и преданий, знаний и заблуждений, идей и образов, реальных фактов и творений фантазии» [7]. И лишь отчасти эта традиционная виртуальность стала частью виртуальности технологической.

Личность, реализующая себя в виртуальном пространстве интернета, маркируется как виртуальная личность. Как отмечают многие исследователи, «для этой виртуальной личности образы виртуального мира не являются недоовоплощенными или аллегоричными, они вполне реальные, ибо существуют с ней в одном пространстве. У Homo Virtualis особые, условные антропные характеристики, нетривиальные идентификация и самоидентификация. В пространстве виртуальной реальности, в процессах виртуального общения любой человек может приобрести желаемые внешность, возраст, пол, национальность и т.д.» [8]. В качестве специфических характеристик Homo Virtualis выделяют несвободу, зависимость от виртуальных пространств, виртуальных феноменов, виртуальных коммуникаций; пренебрежение своим реальным здоровьем и реальной телесностью; неопределенность, неоднозначность, размытость самоидентификации» [2].

Виртуальная личность реализует себя в том числе и в виртуальной коммуникативной среде, где, как отмечается, «идентифицирует себя на основе разделения своего внешнего и внутреннего Я; субъект, идентифицированный в виртуальной реальности, является отчужденной репрезентацией реального Я» [3].

Приведенные характеристики виртуальной личности кажутся вполне убедительными, тем более что они подтверждены многочисленными исследованиями, проведенными в рамках целого ряда научных дисциплин. Однако отметим, что зачастую изучению подвергается виртуальная личность, вступающая в специфическую коммуникацию на форумах, чатах и под. сервисах, где она реализовано фрагментарно – через совокупность реплик. Более полное представление о виртуальной языковой личности можно составить по блогам, хотя бы потому, что там содержится более полный набор текстов. Полагаем, что возможности моделирования расширяются при исследовании личных страниц виртуальной личности в социальных сетях. И конечно, весьма перспективным было бы изучение различных проявлений языковой личности в разных сферах виртуальной реальности. Исследования подобного рода нам, к сожалению, не известны. Можно предположить, что они и не являются частотными, хотя бы в силу сложности решения проблемы идентификации возможных репрезентаций

виртуальной личности. Однако данная задача не является невыполнимой, хотя бы в той части, где виртуальная личность идентифицирует себя подчеркнуто однозначно, стремится быть узнаваемой.

В рамках настоящей статьи мы предлагаем возможный вариант такого исследования виртуальной личности, которая вполне однозначно маркируется своим настоящим именем, а на ряде интернет-сервисов добавляет свою фотографию. Поводом для данного исследования послужила вполне конкретная задача проведения судебной лингвистической экспертизы ряда высказываний реального человека ДС¹, размещенных им на странице социальной сети «Мой мир» в 2011 году. Свободный поиск в сети интернет позволил обнаружить еще несколько случаев, где ДС зафиксировал своё присутствие в других социальных сетях, в блогосфере, в комментариях к публикациям в СМИ и т.д.

При моделировании образа виртуальной личности ДС мы исходили из следующих положений:

- 1) в виртуальном пространстве, как, впрочем, и в реальном, человек сам моделирует свой образ, размещая в публичном доступе ту информацию, которую считает для себя наиболее значимой;
- 2) наличие информации так же значимо, как и ее отсутствие;
- 3) совокупность текстов, которые создает виртуальная личность, так же характеризует ее, как и те тексты, которые она отбирает по, казалось бы, случайным критериям;
- 4) в речи отражается сознание личности, ее представление о мире;
- 5) по совокупности текстов возможно составить представление о личности говорящего (пишущего) с известной долей точности.

Виртуальная личность ДС, представлена в текстах, размещенных в социальных сетях «Мой мир» и др., а также на других интернет-сайтах, среди которых целостные тексты, созданные ДС, изображения, видео- и аудиофайлы, отдельные реплики, разного объема. В количественном отношении доминируют вербальные сообщения. Так, полагая, что нам не удалось охватить весь материал, размещенный ДС в открытом доступе, приведем для сравнения данные, полученные нами, за 2011 год: видеофайлов – 2, изображений – 7, текстов – 3, реплик в диалогах и отдельных высказываний – более 500. Таким образом, можно сделать вывод, что ДС довольно много времени проводит в интернете. Очевидно, что интернет для него – не только основной источник информации, но и место самореализации как личности.

Особенность ДС – регистрация личных страниц в нескольких социальных сетях: «Мой мир», «Одноклассники», «В контакте», «Facebook»,

¹ По этическим соображениям полное имя мы не называем.

«Мир тесен» и др. Такая активность сегодня не является уникальной. Социальные опросы (напр., [6]) показывают, что около 40 % виртуальных личностей зарегистрированы в двух-трех социальных сетях и около 15 % – более чем в четырех.

ДС, как мы уже отмечали выше, ведет блоги, оставляет комментарии на различных интернет-ресурсах, как, впрочем, и многие другие «обитатели» виртуального пространства.

На наш взгляд, такая активность виртуальных личностей свидетельствует о том, что они активно осваивают виртуальное пространство интернета, которое сохраняет следы пребывания виртуальных посетителей не только путем фиксации их имен и высказываний, но и точек доступа. Виртуальное пространство в большей степени, чем реальное обладает информационной памятью. Пользуясь этой особенностью, виртуальная личность (по крайней мере, определенный тип виртуальной личности) стремится не просто охватить как можно больше участков этого пространства, но и «застолбить» некоторые из них, в других случаях – хотя бы «пометить» территорию, оставляя вербальные «метки» своего присутствия в виде высказываний. Похоже, что это не только процесс компенсации «процесса атомизации общества», включения «генетической памяти об исходном социуме», помещение человека «в предельно демократический виртуальный коллектив» [2], напоминающий «большую деревню» (М. Маклюэн), но включение еще более древнего механизма освоения новой территории, охраны ее границ. Заметим, что большинство социальных сетей позволяют в открытом доступе указать адреса (электронные) освоенных территорий виртуального пространства (напр., «В контакте» в личной информации можно указать группы, в которых состоит личность, с указанием названия и электронного адреса, можно также разместить ссылки на интересные интернет-страницы и т.д.).

Необозримость виртуального пространства и потенциальная возможность анонимного или «замаскированного» (под маской придуманных образов) его освоения создают иллюзию множественности саморепрезентаций виртуальной личности, множественности ее личностных миров. Мы полагаем, что подобные выводы, весьма распространенные в исследованиях, посвященных изучению виртуальной (языковой) личности, по сути, являются метафорой, поскольку внешнему наблюдателю (исследователю) виртуальная личность представляется мозаичной, «расколотой» и зачастую анонимной, всякий раз погруженной в новый виртуальный мир и подчиненной ему. Получается, как отмечает Т.Г. Лешкевич, что если убрать факт присутствия компьютера, то путешествие человека в фантомах своего сознания, погруженного в виртуальный мир, может быть уподоблено и уподобляется шизофрении [5].

Наши наблюдения виртуальной языковой личности ДС (и некоторых других) позволяют сделать вывод о том, что личность в виртуальном пространстве моделирует свой мир, являющийся отражением ее самой, ее внутреннего (и отчасти внешнего) мира, ее ценностей, интересов, представлений о дозволенном и недозволенном, добре и зле и т.д. И в этом смысле погруженность человека в мир виртуальной реальности, полное ему подчинение оказывается аналогичным погружению человека в мир реальный, где человек также ведет себя сообразно требованиям каждой конкретной ситуации, реализуя потенциальные возможности собственной личности.

Так, ДС при освоении виртуального пространства, реализуя себя как социально активную личность, воссоздает, как мы полагаем, собственный внутренний мир, отдельные черты которого мы представим в настоящей статье. Так, основной темой его высказываний является тема социально-политическая. ДС позиционирует себя, с одной стороны, как кандидат в депутаты местной Думы, а с другой – как лидер политической партии и потенциальный кандидат в президенты России. Соответственно, при каждом возможном случае он критикует органы власти самого разного уровня, правоохранительные органы и заявляет о своей политической программе. При этом ДС, не имеет последовательной и четко выраженной политической программы, его программа – несколько довольно резких и не всегда обоснованных высказываний относительно ряда аспектов жизни современной России, а также совокупность высказываний о возможном будущем России – обещания того, что он сделает, когда обретет реальную власть в реальном мире, например: *«8. Ни каких гражданских прав гражданина находящегося на светской работе или не работающего нарушаться не будут. Для этого будут ликвидированы и сокращены ряд спецслужб»*. Приведенный фрагмент из его президентской программы (размещена в личном блоге) характеризует ДС как человека амбициозного, но не слишком образованного (что, кстати, подтверждается и данными о его образовании, приведенными им на собственных страницах в социальных сетях), агрессивного, с уязвленным самолюбием, негативно относящегося к «спецслужбам» и органам правоохранения.

Он проявляет свою религиозность – приверженность мусульманской религии, но при этом «подыгрывает» всем религиям сразу: *«А то что в России если молодежь ходит в церковь или в мечеть и соблюдает заповеди Всевышнего их выгоняют с работы по приказу из фсб. а потом к ним дамой приходят...»*. Данное высказывание, кроме прочего, демонстрирует негативное отношение ДС к ФСБ, а также собственную интерпретацию некоторых событий. ДС вообще довольно резко высказывается о ФСБ,

власти (Кремле) и сексуальных меньшинствах – это основные объекты его «критики».

В некоторых форумах, где размещены высказывания и тексты (например, приглашение на митинг), другие участники этих форумов вполне сочувственно относятся к высказываниям ДС, например:

Быдол, москва: *очень правильная затея. я в москве буду на акции 31, тоже требовать отставки путина.*

Зека, Колыма: *Денис, давай держись, народ с тобой, жалко что я далеко живу от Бийска. Твоему примеру должны поступить все города России. Народ хватит бояться, выходи на митинги, или будем сидеть по нормам и кормить эту обнаглевшую власть?*

Мы,, Санкт-Петербург: *Денис, не забудь ссылочку потом скинуть, где про митинг рассказано будет или притащи фотки на форум...ок?*

Однако совокупность высказываний ДС позволяет усомниться в том, что он говорит о реальных событиях и реальных фактах. И, на наш взгляд, это не следствие погруженности в виртуальный мир, а отражение в этом мире личности реального человека, ретранслирующего в виртуальное коммуникативное пространство свое собственное сознание, причем сознание не вполне психически здорового человека.

ДС, судя по высказываниям, погружается не столько в виртуальный мир, сколько в мир собственных фантазий, представляет себя борцом за свободу народа, использует лозунги Великой Отечественной войны, революции 1917 года, начинает видеть во всем заговор против себя (*Работают очень грубо и не стабильная связь*). Происходит наложение воображаемого мира на реальный, а воображаемое выдается за реальность.

Так, в ряде высказываний, следующих друг за другом, ДС видит себя героическим руководителем восстания, осуществляет координацию воображаемых действий воображаемых соратников. Его инструкции бессмысленны и абсурдны. При этом, с одной стороны, он воображает свою обреченность (15 марта 18:40: *Нам смертникам терять нечего. Так что в России появился политический лидер и политическая сила жующая по принципам самурайства по принципам Воинства. Жизнь Богу честь никому*), а с другой – строит долгосрочные победоносные планы (15 марта 18:37: *Как в Сибири разбираемся наведем порядок пойдем на Москву*).

Приведенный ниже текст вполне мог бы быть фрагментом пьесы театра абсурда и интерпретирован как проявление шизофренического дискурса, однако он принадлежит вполне конкретному человеку – ДС:

15 марта 11:06: *альп снарежение хотя бы на 250 единицы*

15 марта 11:09: *купите белой ткани метров 50 и нитки под золото для вышивки.*

15 марта 11:10: *брать только спутниковые телефоны*

15 марта 11:12: *ну и сами знаете чего серик передал*

15 марта 11:12: *СЛАВА РОССИИ!!!*

15 марта 11:13: *2290:1224*

15 марта 11:16: *м-ты скоро начнут падать быстрее*

15 марта 11:17: *Максимальное ускореннее*

15 марта 11:18: *7347:12347*

15 марта 11:22: *987444:57810*

15 марта 11:26: *Великий Дух показал мне - скоро придет день горящих камней с неба*

15 марта 11:36: *скорее всего это связано с безпределом в России*

Анализ высказываний виртуальной языковой личности ДС позволяет нам сделать вывод о том, что виртуальная личность в процессе освоения виртуального пространства репрезентирует собственную реальную личность не только со своими ценностями и предпочтениями, но возможными проблемами. Однако построить более или менее адекватную модель этой личности возможно только при комплексном анализе хотя бы высказываний этой языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аленкова Ю.В. Человек в новом культурном пространстве (наброски современного душевного пейзажа, или философские этюды) // Публикации философского клуба Минерва. – URL: http://netgorod.narod.ru/articles/Alenkova_chel.htm (дата обращения: 08.11.2012)

2. Афанасьева В.В. Homo Virtualis: психологические характеристики // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 59 – 64.

3. Гермашева Т.М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Нальчик, 2011. – 21 с.

4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с. – (Библиотека словарей).

5. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 428 с.

6. Опрос в Журнале «Наука и жизнь»: Во скольких социальных сетях вы зарегистрированы? – URL: http://www.nkj.ru/poll/vote_result.php?VOTE_ID=60 (дата обращения: 10.11.2012).

7. Сляднева Н.А. Современный человек в виртуальном мире: проблема информационно-аналитической культуры личности // Научная Лаборатория «Социально-Информационные Технологии». – URL: <http://misit.ucoz.ru/load/10-1-0-43> (дата обращения: 08.11.2012)

8. Туркина В.Г. Медведева Е.Н. Самоидентификация личности в виртуальном пространстве: проблемы и перспективы // Международная онлайн конференция «Ценности в науке, культуре, образовании». – URL: <http://cennosti.net/frontpage?page=1> (дата обращения: 08.11.2012).

Сысоева Д. С.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия*

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ВИД ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА

Данная статья посвящена интернет-мему как новому виду прецедентного текста.

Интернет-мем (англ. *Internet meme*) – «в средствах массовой информации и бытовой лексике название информации или фразы, часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения в интернете всеми возможными способами (по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др.). Также обозначает явление спонтанного распространения такой информации или фразы» [1].

Мем – фрагмент, часть другого текста (в широком, семиотическом смысле), которая функционирует самостоятельно, например: *котенок-афроамериканец* – машинный перевод фразы «*Our cat gave birth to three kittens – two whites and one black*», как «*Наш кот родил трёх котят – двух белых и одного афроамериканца*», высмеивание излишней политкорректности. Эта и другие фразы изначально были частью некоторых текстов: диалогов в чатах и на форумах, объявлений, анекдотов, высказываний известных или не очень лиц. Это их сближает с прецедентными текстами, под которыми понимается реминисценция от одного слова до текста. К прецедентным текстам «относятся не только цитаты из художественных произведений, но и мифы, предания, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты и т.п. Прецедентным текстом может быть и имя собственное, например, имя известной исторической личности, персонажа какого-либо литературного произведения или киногероя» [2].

Прецедентными, как правило, называют вербальные единицы коммуникации, мемы могут представлять собой также картинки, видеоролики, фотожабы¹, демотиваторы² и др.

Мемы – явление довольно новое, оно возникло и получило свое распространение с развитием интернета; это своеобразная письменная ком-

¹ Фотожаба, также жаба – сленговое название результата творческой переработки участниками форума, блога, имиджборда или другого ресурса некоего изображения с помощью растрового или векторного графического редактора [5].

² Демотиватор (*демотивационный постер*) – изображение, состоящее из картинки в чёрной рамке и комментирующей её надписи-слогана, составленное по определённому формату [6].

муникация, в специфичной среде. Мемы встречаются на разных сайтах, страницах, преимущественно в социальных сетях, чатах, форумах, блогах. Они (мемы) вписаны в диалог, например мем: *Партия жуликов и воров* [3] – мем появился из фразы Алексея Навального, которая 2 февраля 2011 года прозвучала в прямом эфире радио «Финам FM»:

Ведущий: А как Вы относитесь к партии «Единая Россия»?

Навальный: К партии «Единая Россия» я отношусь плохо. «Единая Россия» – это партия жуликов и воров.

Как правило, мем представлен фразой (вербальной или невербальной). Приведем несколько примеров: *Слава роботам! (Убить всех человек!)* – фраза робота Бендера, персонажа из известного американского мультфильма «Футурама»; *Меня интересуют только мыши, их стоимость и где приобрести. Мопед (мотороллер) не мой, я просто разместил объяву* [3].

В качестве мема может выступать не только фраза, но и слово: *Баян* – слово, обозначающее старую, надоевшую шутку, выражение, которое известно большинству пользователей; *Интернеты* (англ. Internets) – множественное число от слова «Интернет». Следствие высказывания Джорджа Буша-младшего, который ответил на вопрос аудитории о возможности введения обязательной воинской повинности в США следующим образом: *«Я слышал, что слухи ходят по... э... интернетам, что у нас будет призыв. Призыва у нас не будет, точка»*; *превед* – искажение русского приветствия «привет» в «олбанском»¹ языке.

В структуре мема хотелось бы выделить их ритмичность, не занятость другим смыслом (оказиональность): *Капитан Очевидность* – используется для того, чтобы показать, что объяснения излишни, факт понятен всем.

Особо хотелось бы отметить ориентацию простых по структуре фраз на письменную коммуникацию – их оказиональность подчас видна только на письме, на наш взгляд, это связано со сферой распространения, о которой говорилось ранее.

Приведенные мемы наглядно показывают значимость письменной формы: донки-хот – неграмотно написанное Дон Кихот (при котором оно раскладывается на английские слова *donkey* – «осёл» – и *hot* – «горячий»), *аффтар* (афтор, автар, афтырь и т. п.) – искажённое от «автор», одно из центральных понятий «олбанского» языка; *Йа крветка!* («крветко»,

¹ «Олбанский» йезыг или йязык падонкафф – распространившийся в Рунете в начале XXI века стиль употребления русского языка с фонетически почти верным, но нарочно неправильным написанием слов (т. н. эрративом), частым употреблением ненормативной лексики и определённых штампов, характерных для сленгов [7].

«креведко», «криведко»; букв. «Я – креветка») – фраза, в общем понимании не имеющая определённого значения, происходит от следующей цитаты с Башорга: «Да... конечно лекция по физике у нашего препода довольно увлекательное и серьёзное мероприятие... Но когда перед тобой на парте красуется надпись: “ЙА КРИВЕТКО!”» [4].

В процессе функционирования мем как бы отрывается от исходного текста и приобретает самостоятельное значение, нередко иное, нежели в тексте-источнике. Это значение, как правило, обобщенно-переносное, что сближает мем с паремиями – пословицами, поговорками, фразеологическими единицами: *британские ученые* – родился в ответ на большое количество публикаций в российских СМИ, для большей авторитетности снабжённых вводной фразой «*Британские учёные обнаружили...*», «*Британские учёные пришли к выводу...*» и т. п.; «*Гуф умер* – интернет-мем, возникший в социальной сети «ВКонтакте». Предположительно, в выпуске газеты «Метро» за 25 января, в Интернет попала информация, что при теракте в аэропорту Домодедово погиб российский рэппер Гуф. Несмотря на быстрое опровержение информации, тема «*Гуф умер*» широко распространилась в Интернете» [3].

Нами было выделено несколько механизмов «мемизации».

Аббревиация (русская и английская): *ИМНО* (англ. In My Humble Opinion или In My Honest Opinion) – по моему скромному мнению, известное выражение, означающее, что высказывание, не является общепризнанным фактом, а личным мнением автора, *ПИДР* – полицейский инспектор дорожного движения – ложная информация о неблагозвучной аббревиатуре, которая была распространена накануне принятия закона о полиции.

Олбанский язык как источник мемов: *Ф Бабруйск, животнайе!*

Отдельные слова из популярных видеороликов: *ЙАААААЗЬ!* Слово из видеоролика, «в котором заядлый рыбак из Верховажья, Виктор Гончаренко, держит в руках только что пойманного язя огромных размеров, и очень громко и эмоционально радуется его поимке» [3].

Орфографические и грамматические ошибки как знак незнания, неграмотности говорящего: *проффесор* – с такой ошибкой Виктор Янукович написал в анкете свое научное звание. Мем стал нарицательным, для обозначения безграмотных политиков, присваивающих себе научные титулы.

Итак, можно ли считать мем новым видом прецедентного текста? Мы считаем, что можно, подтверждением тому служит их широчайшее распространение, охват самых разнообразных сфер и безусловное распознавание носителями языка в интернет-сообществах. Можно сказать, что мемы – это не только форма, но и стиль общения, своеобразный сленг современной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-мем // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 13.11.2012).
2. Прецедентные тексты // Terra Lingvistica. URL: <http://terralinguistica.ru> (дата обращения: 13.11.2012).
3. Луркоморье. URL: <http://lurkmore.to/> (дата обращения: 13.11.2012).
4. Викисловарь. URL: <http://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 13.11.2012).
5. Фотожаба // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 13.11.2012).
6. Демотиватор // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 13.11.2012).
7. Жаргон падонков // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 13.11.2012).

Шаяхметов Р.А.

*Независимый исследователь,
г. Уфа, Россия*

ОПЫТ АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ (на примере сайта «МиФ»)

Сайт «МиФ», как следует из полного названия «МиФ. Шашки и композиция», посвящен шашечной композиции и игре в шашки. Он расположен по адресу minietiud.forum2x2.ru и представляет собой веб-форум, «построенный» на кроссплатформенном программном обеспечении хостера forum2x2.ru.

Сайт открыл в марте 2008 года Miljenko Lepšić (Миленко Лепшич), проживающий в городе Rieka, Croatia (Риека, Хорватия), чемпион мира по шашечной композиции (2010). Рабочий язык интернет-ресурса – русский, помимо него используется в постах голландский, английский, французский. «МиФ» очень быстро, в течение года, приобрел статус лучшего в мире шашечной композиции и официально включен как интернет-издание, ассоциированное с Federation Mondiale du Jeu de Dames, Всемирной федерацией шашек (FMJD, ФМЖД)¹.

К 15 февраля 2011 на МиФе 74 зарегистрированных пользователя (на 16 декабря 2009 – 63). Поскольку человек или бот (робот) способен, используя разные ники, зарегистрироваться многократно, точнее говорить –

1. В частности, печатаются официальные сообщения ФМЖД (тренд «Официальные страницы CPI FMJD»), в документах ФМЖД сайт представлен в регламентах чемпионатов мира, международных турниров по шашечной композиции. Так в Regulation PWCE II читаем: «The coordinator gives these solutions in publication on websites: <http://www.gambler.ru/plus/tavlei>, www.ericdamsite.com, www.minietiud.forum2x2.ru» (URL: fmjd.nl/docs/Regulation_PWCE_II_1_.pdf)

о каждом пользователе как о виртуальной личности¹, о репрезентации «Я» (Ego) в виртуальном сообществе. И имя виртуальной личности (никнейм) является частью реальной личности.

В виртуальном шашечном мире не принято скрывать настоящее имя². Тоже касается «МиФа». Очень часто ник является преобразованием (известного) имени человека.

- Имя + Фамилия (David Nudelman, Давид Нудельман);

- Фамилия или имя (alex, Algimantas, Arjen, Evgraf, Kasprzyk³, Liahovsky, Rustam, sloiko, Studencov, Tsvetov, Valdas, virmantas, Сильвер, шестириков, Элиазар Скляр);

- Аббревиация имени, включая инициалы (Alemo, Arnyr, EddieA, S, SB, shaya, Uveche⁴, Норель М);

- Преобразование имени, включая год рождения и т. п. (alexandrey, vitasik, возможно, сюда же лже-юзер mai1947).

Реже информация о настоящем имени в никнейме закрыта для посторонних глаз. Таковы ники 3703902⁵, BOB, fogο, Hatul Madan⁶, leo-magor, LeoMinor⁷, letas, Symix.

Традиционно происходит иначе: виртуальный персонаж остается безличным. «Придумывая себе ник, виртуальная личность отталкивается от идеи, которая в результате речемыслительной деятельности приобретает определенную форму – пишет исследовательница Нина Асмус. – Соответствие стереотипным чертам характера или направленности личности ... во многом определяет выбор персонажа. Некоторые участники предпочитают роль отрицательного, неприятного или отталкивающего своими действиями или словами героя. Конфликтность создается пользователями, надевающими на себя маску, как правило, известную своими «чуждачества»

1. англ. virtual ... identity/ personality/ person (a)/character. Хотя под классическое понимание попадает только юзер Volk, с фотографией морды волка на аватаре, определения своего географического положения как *лесная местность Латвии*, «волчьими» коннотациями в коммуникации (к нему: «Он волк, волчище, он – волчара, // Его предназначенье – драться и рычать», «С бокалом пива и сигарой // Пред нами Волк морской стоит // Вобщем недолго мы гадали // По «позам» мы его узнали!»).

2. На сайте экс-чемпиона мира по бразильским шашкам Александра Кандаурова «Шашки в России» shashki.com (далее – ШвР) можно найти несколько ярких призывов открыть маску.

3. Польское имя

4. Читается «Ювич», см. <http://minietiud.forum2x2.ru/forum-fl0/tema-p14382.htm>

5. 3703902 также пользователь # 1016 на сайте «Шашки в России», URL: <http://www.shashki.com/UserInfo-3703902.html>. Что не совпадение, показывает список пользователей сайта (с «цифровыми» никами), см. [shashki.com/index.php? module=Members_List&func=&type=&name=Members_List&startnum=21](http://shashki.com/index.php?module=Members_List&func=&type=&name=Members_List&startnum=21)

6. Hatul Madan может относиться к интернет-мему «хатулъ мадан».

7. Leo-magor и LeoMinor соотносятся по значению как ‘большой лев’ : ‘малый лев’.

ми» или злодеяниями. Коммуникант может переломить ход дискуссии тем, что появится в роли персонажа, противоположного всем присутствующим на этом форуме. Тональность дискуссии может быть существенно изменена появлением завуалированной личности, не желающей разоблачать свое истинное лицо. Итак, при выборе имени пользователь задумывает определенный образ, который реализуется речевой маской персонажа. В процессе именования пользователь использует как традиционные модели антропонимического означивания, так и изобретает новые или несвойственные этой группе имен собственных структуры» [1, с. 129].

К процитированному добавим ситуацию, когда виртуальные личности представляют разные ипостаси деятельности человека, при этом ники развиртуализированные (т.е. личность известна читателям). Так, пользователь *Admin* (не ник, а присваиваемый статус пользователя – владельца сайта «МиФ»), публикующий официальную информацию сайта и ФМЖД отделяется от *LeoMinor*, выражающий мнение реальной личности – Миленко Лепшича.

Жизнь в сети виртуальной личности не замыкается на *МиФе*, и зачастую его посетители встречаются на других сайтах. Среди них – *Alemo*, *EddieA*, *LeoMinor*, *Liahovsky*, *SB*, *Symix*, *Volk*, при этом возможна вариация ника (*Algimantas* (МиФ) – *ALGIMANTAS* (ШвР)). Но другой случай – использование хорошо известного в шашечном мире ника (вкпе может и аватарка, профайл и т.п. атрибуты виртуальной жизни персонажа) виртуалами (= фиктивными личностями), с утверждениями, что они и есть *тот самый* шашист (особо распространено среди он-лайн игроков). Среди «пострадавших» личностей «МиФа» – *Alemo*, Александр Моисеев (США), двухкратный вице-чемпион мира по шашечной композиции, многократный чемпион мира по чекерсу.

Но именно такие случаи дают понимание того, что виртуальная личность является реальностью, в ее особой форме. И никнейм – неразрывная часть виртуальной личности. Таких на МиФе 74 (в феврале 2011); подавляющее большинство не скрывает свое настоящее имя, что является особенностью виртуального пространства сайта. Общение шашечных композиторов, составителей и решателей, маститых и начинающих, показывает удивительное явление, малосвойственное реальности: когда при публикации произведения искусства (шашечной композиции) его обсуждение становится коллективным сотворчеством, где каждое новое произведение становится звеном в цепочке идей. Творчество характерно для реальных личностей, общение – для виртуальных личностей (включая ботов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005. 23 с.

РАЗДЕЛ IV. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ТЕКСТ

Акимов В.А.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукишина, г. Бийск, Россия*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИАЛОГОВО-ЛИЧНОСТНОГО ПРИНЦИПА СОЗДАНИЯ
ОБРАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮБОМУДРОВ**

Диалог, как правило, представляет собой вербальное или невербальное взаимодействие участников коммуникации, взаимоправление друг другом. В реальном диалоге соблюдаются такие условия, как готовность выразить свою позицию, воспринять и (или) оценить позицию собеседника, готовность к общению. Такой диалог в программном творчестве любомудров проявляется реже, чем монолог со структурными элементами диалога, когда собеседник оказывается условным и лишь предполагается, что он готов к общению, пониманию.

В литературе романтизма мы чаще всего видим отчужденность героя, противопоставление его бездушной толпе. Лирический герой молчалив, задумчив, одинок. Таким он предстает в стихотворении «Поэт» у Д.В. Веневитинова:

Не блещет в шумном разговоре...
На все спокойно он взирает,
Лишь редко что-то с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня простота.
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, упованья –
Все тайны в нем, все в нем молчит... [1, с. 52]

Поэт способен на экспрессивное проявление чувств, он может выплеснуть свои сокровенные мысли в пламенных речах, но результатом оказываются лишь раскаяние и большая замкнутость («Послание к [Рожалину]»):

Давал я руку простодушно –
Никто не жал руки моей.
Здесь лаской жаркого привета
Душа младая не согрета.
Не нахожу я здесь в очах
Огня, возженного в них чувством,
И слово, сжатое искусством,
Невольно мрет в моих устах... [1, с. 72]

Веневитинов как бы уточняет мысль, высказанную в стихотворении «Поэт». Взгляд на поэта со стороны («Поэт») сменяется изображением самоанализа. В оценке Д.В. Веневитинова как стороннего наблюдателя «печать молчания на устах» создает традиционный ореол загадочности, таинственности образа. В «Послании...» он уже пишет о себе, отмечая, что молчанье – естественное следствие сдержанного, холодного общения.

В.Ф. Одоевский, раскрывая особенности внутреннего мира творца-художника, показывает обнаженность сердца, терзания творческого духа, страдания души, поэта он даже сравнивает с Серафимом в человеческих «одеждах», но в глазах окружающих такой герой нередко оказывается простым чудачком. Так, например, в «Opere del cavaliere Giabattista Piranesi» таким чудачком оказывается Пиранези, в «Последнем квартете Бетховена» композитор страдает от непонимания ремесленников, невозможности воплотить созданное произведение в звуке (невозможность исполнения пассажей, недостаток технических возможностей инструментов). Размышляя о поэте и поэзии, В.Ф. Одоевский в «Русских ночах» высказывает мысль о глубине скрытого смысла о том, насколько сложным и долгим оказывается путь к нему: «... исторические и поэтические символы... живут разною жизнью: одни – жизнью неполною, в тесном мире планеты, другие – жизнью безграничною, в бесконечном царстве поэта; но – увы! и те, и другие хранят внутри себя под несколькими покрывами заветную тайну...» [4, с. 15].

Общение часто оказывается условно-диалогичным. Не встречая понимания и соответствующего отклика на свое искусство в обществе, лирический герой искал и находил отклик, гармонию чувств в отношениях с друзьями, которые понимали эмоциональное состояние, искренне реагировали на проявление чувств. А потому в различных жанровых формах обнаруживается обращение «мой друг», «други», не предполагающие конкретного адресата. Важен был образ собеседника-единомышленника.

Так, у С.П. Шевырева риторически условным оказывается обращение к другу в стихотворении «Гулянье»: «Не так ли в жизни у людей, // Мой друг?...» [2, с. 39]; в стихотворении «Все проходит»: «Так, мой друг, невозвратно // Время грозное течет! // Молишь ты – неумолимо // Пролетает счастье мимо, // Лишь одно добро живет...» [2, с. 123]; в стихотворении «Две чаши»: «Две чаши, други, нам дано // Из них-то жизни Гении...» [2, с. 22].

Важен не адресат, его черты, манера общения, важно стремление высказаться о волнующей проблеме человеку, духовно близкому, человеку, способному на отклик, человеку, который понимает все без лишних слов, ему достаточно лишь намек, мимолетного образа.

Такой диалогово-личностный характер приобретает «Послание к [Рожалину]» Д.В. Веневитинова, где в элегической форме лирический герой делится со своим собеседником ощущением одиночества в многолюдном, но бездушном «свете», где гаснет пламя чувств, где царит бесстрастие. Личностная определенность (Н. Рожалин) в послании придает философским размышлениям естественность, характер дружеского общения.

В то же время Любомудры стремились выразить свои идеалы, сомнения и переживания в прямом диалоге.

Характеризуя охватывающее поэта смятение, столкновение в душе его возвышенных устремлений и темных, неясных порывов, Шевырев не использует традиционного, но в данном случае безопределенного затуманившегося взора, омраченного чела, а вводит в свои стихотворения аллегорические образы: Дух Жизни и Дух Смерти в стихотворении «Два духа»; Мефистофель и Ангел слова в стихотворной драматической сцене «Журналист и злой дух».

Противостоящие образы не подкрепляются особыми портретными характеристиками. Аллегорические образы Дух Жизни, Дух Смерти, Ангел слова имеют определенную самостоятельность в системе образов, но их появление объясняется не чем иным, как стремлением раскрыть потенциал духовных возможностей человека (как положительных, так и отрицательных). Такой подход не требует от поэта конкретизации каких-либо внешних черт того или иного художественного образа.

В стихотворении «Журналист и злой дух» Мефистофель и Ангел слова, с одной стороны, борются за душу Журналиста, а с другой, отражают две крайности состояния души. С темным, неясным блужданием духа связан образ демона, с возвышенными устремлениями – образ ангела.

Мефистофель, являясь перед глазами литератора [Журналиста], почти сразу приобретает черты реальности, зримости восприятия: и Журналист говорит, что лицо демона и его голос уже знакомы ему, и сам Мефистофель подтверждает это, но и его воплощение все так же неопределенно, многолико:

Да, в зале света шумной

Немудрено, что ты меня видал.

Мой голос знаешь ты? Да ты его слышал!.. [1, с. 46]

Отсутствие конкретных черт собеседника неактуально, важен диалог, в котором обозначаются две позиции, два взгляда на смысл жизни и творчества. С одной стороны, стремление самого Журналиста добиться славы: «Быть может (сладкая мечта!), // Плоды воздаст в благое время: // Нет, слава, ты не суета!», и старания дьявола (Мефистофиля), искушающего писателя: «Ведь вы, писатели, народ нетвердый, // И кто из вашей братии гордой // Под власть мою не попадет?» или: «Отравой сладкою зловредно-

го дыхания // Я наполняю воздух ваш. // Чернила растворив насмешкой ядовитой», создающие общность взгляда, с другой стороны, желание Журналиста (писателя) остаться честным, верным истине: «Да взором истины прочтут // Мой труд, для истины подъятый, // Хоть не блестящий, не богатый, // Но чистый и смиренный труд. // На пользу брошенное семя...» составляет основу противостояния и смысл диалога.

В диалогическом стихотворении Д.В. Веневитинова «Поэт и друг» лирический герой, решив для себя, какой выбрать путь, утверждает свой взгляд на проблему жизни / смерти. Друг призывает жить полной жизнью, отдаться во власть наслаждений, даруемых природой, он говорит, что человеку природой предопределено любить, верить и мечтать:

Она <природа> желание святое
Сама зажгла в твоей крови,
И в грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое [1, с. 91]

Все, по его мнению, дается только один раз («дважды жизнь нас не लेकर»), и обещания о посмертном существовании представляются ему маловероятными:

А что за гробом, то не наше:
Пусть величают нашу тень,
Наш голый остов отрывают,
По воле ветреной мечты
Дают ему лицо, черты
И призрак славой называют! [1, с. 92]

Поэт предчувствует свою раннюю смерть и, поднимаясь духом над суетой жизни, отказывается расстаться с мечтой, сладкими надеждами на то, что не все погибнет. Хоть творения души, сохранив в себе ее отпечаток, найдут еще отклик в веках, напомнят о нем, а потому поэт стремится наполнить жизнь не только мимолетными наслаждениями, но и делами, которые оставят добрый и долгий след в сознании и душах других людей:

Потеря жизни не утрата –
Без страха мир покинет он!
Судьба в дарах своих богата,
И не один у ней закон:
Тому – процвести развитой силой
И смертью жизни след стереть,
Другому – рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой! [1, с. 92]

Диалогичность, доверительность дружеского общения не только придают философским размышлениям в творчестве любомудров характер

естественной коммуникации, но и создают атмосферу причастности читателя сомнениям и переживаниям лирического героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веневитинов, Д.В. Избранное [Текст]. – М.: Гослитиздат, 1956.
2. В царстве муз. Московский литературный салон Зинаиды Волконской 1824–1829 гг. [Текст] / Сост., вст. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1987. – 573 с.
3. Одоевский, В.Ф. Повести и рассказы [Текст]. – М.: Художественная литература, 1988.
4. Одоевский, В.Ф. Русские ночи [Текст] // Одоевский В.Ф. Сочинения в 2-х тт. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1981.

Артемова Т. В.

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

**РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ**

Развитие коммуникативно ориентированных дисциплин сделало магистральным и вместе с тем одним из наиболее обсуждаемых понятие стратегии. Стратегический подход отражен в ряде работ, посвященных изучению коммуникативных [Болотнова 2002; Иванчук 2002; Иссерс 2002; Ключев 2001; Кузнецов 2002; Максимова 2005; Седов 2004; Сквородников 2004; Тюпа 2006; Ыйм 1979; Янко 1999], речевых [Иссерс 2002; Сухих 1986; Труфанова 2001], коммуникативно-речевых [Матвеева 1995; Михальская], лингвориторических [Ворожбитова 2005], риторических [БушевДейк 1989; Иссерс 2002; Михальская 1998; Тюпа 2002, 2006] стратегий.

Следует отметить, что в области изучения стратегий речевого общения существует ряд нерешенных проблем: 1) не разработаны четкие параметры описания как коммуникативных и речевых, так и риторических стратегий; 2) не рассматриваются возможности различения выделенных стратегий.

Для того чтобы охарактеризовать категорию «риторическая стратегия», требуется: 1) дать определение понятиям «коммуникативная стратегия» и «риторическая стратегия»; 2) представить риторическую стратегию (далее РС – Т.А.) как индивидуальное воплощение коммуникативной стратегии (далее КС – Т.А.); 3) установить параметры описания РС.

Активное использование понятия «коммуникативная стратегия» сопровождается, с одной стороны, расширением области его приложения, а

с другой – нечеткостью терминологического определения, что и обуславливает необходимость его анализа в рамках данной статьи.

Обращаясь к проблеме КС, следует отметить, что в большинстве работ изучается осуществление КС говорящим (см. Н.С. Болотнова, О.С. Иссерс, И.А. Иванчук, А.К. Михальская, А.П. Сковородников), причем КС отождествляется с понятием авторской интенции: «Коммуникативные ...стратегии, являясь специфическими способами речевого поведения, осуществляемыми под контролем глобального намерения... определяют семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего» [3, с. 104].

Понятие КС получило более точное определение в работах В.И. Тюпы, И.В. Кузнецова, Н.В. Максимовой.

В. И. Тюпа, развивая идеи М. М. Бахтина, Т. А. Ван Дейка М. Фуко, определяет КС как «инвариантную модель взаимодействия участников события сообщения (дискурса)». Инвариантной данная модель является в силу того, что в коммуникативном пространстве дискурс «образуется конфигурацией трех дискурсообразующих компетенций: креативной (метасубъектной), референтной (метаобъектной) и рецептивной (метаадресатной). Эти три составляющие есть функции, которые способны наполняться... один и тот же индивидуум всякий раз может занимать в ряду высказываний различные положения и играть роль различных субъектов» [6]. Коммуникативный метаобъект, сформированный дискурсивной практикой, также следует признать функцией анализирующего его текста. Для того чтобы коммуникация состоялась, слушатель также должен занять определенную позицию, навязываемую ему коммуникативной стратегией» [Там же].

Иными словами, КС регулирует общие принципы отношений внутри коммуникативного акта, выражающегося в определенном жанре. Говорящему не нужно каждый раз «изобретать» линию своего поведения, а необходимо воплотить наиболее подходящую.

Трактовка коммуникативной стратегии в качестве инварианта предполагает описание того, как происходит ее лингвистическое воплощение. Неслучайно в работе «“Чужая речь” как коммуникативная стратегия» Н.В. Максимова предлагает следующее определение рассматриваемого феномена: «Под коммуникативной стратегией понимается значимая для речевого поведения языковой личности соотнесенность 1) типа позиции в коммуникации и 2) языкового способа представления этой позиции, проявляющаяся на уровне языковой / текстовой / речевой модели» [5, с. 15]. Работа ориентирована на описание организующих коммуникативную стратегию элементов, при этом акцент делается на установлении типоло-

гии как возможных позиций в коммуникации, так и языковых средств, их воплощающих.

Мысль о типической природе коммуникативной стратегии развивается Н.В. Максимовой следующим образом: «Насколько тип позиции коммуникации с обязательностью обусловлен самой спецификой коммуникативной ситуации, ее типом, настолько и способ вербализации коммуникативной позиции связан с законами разворачивания речемыслительного произведения, обусловленными его типом; взятые во взаимной соотнесенности тип позиции в коммуникации и способ вербализации... позиции обнаруживают спецификацию типов коммуникативных стратегий по отношению к той или иной сфере речепроизводства» [Там же, с. 99.].

Итак, КС – жанрообразующая, «инвариантная модель» взаимодействия участников коммуникации, формируемая функциями субъекта, адресата и предмета высказывания, имеющая типический и, следовательно, надиндивидуальный характер. Коммуникативная стратегия обладает набором своих типических текстовых форм, выбор которых осуществляется говорящим в зависимости от избранной им коммуникативной позиции.

Понятие РС на сегодня не имеет четкой трактовки и зачастую характеризуется в качестве стратегии второго порядка, «в рамках которой используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата» [3, с. 106-107]. Из этого определения можно сделать вывод, что без использования риторических приемов и техник нельзя осуществить риторизованную коммуникацию. Подобная условность лишает понятие РС самого свойства стратегичности, поскольку понятие стратегии уже предполагает ориентировку в условиях осуществления какой-либо деятельности с целью выбора форм действия и последующего их воплощения. Стратегия формирует цельный образ действия и сопровождает его на протяжении всего процесса развития, что предопределяет такие характеристики, как планомерность, последовательность, цельность высказывания. Нельзя на одном участке текста использовать РС, а на другом – нет, стратегия носит всеобъемлющий характер.

Следует отметить, что в современной лингвистике РС уделяется меньше внимания, чем КС. Среди имеющихся сегодня исследований РС следует отметить труды Л.М. Грановской, Т.А. Ван Дейка, О.С. Иссерс, А.К. Михальской.

Для определения РС прежде всего требуется установить характер соотношения данного понятия с понятием «коммуникативная стратегия». Если КС рассматривается как «инвариантная модель» взаимодействия коммуникантов, то РС можно представить в качестве *реализации КС в конкретном высказывании*. Обоснование такого толкования РС связано с установлением исходных принципов осуществления РС.

Для определения этих принципов целесообразно обратиться к «Риторике» Аристотеля, где называются составные части коммуникативного события: «Речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому он обращается и которое есть, собственно, конечная цель всего (я имею в виду слушателя)» [1, с. 14]. Таким образом, для РС базовым является понятие адресата. Адресат является конституентом и КС, однако отличие КС от РС состоит в особенностях представления адресата. Если в КС адресат – это коммуникативная позиция, обладающая типическими чертами, то в РС – это представление о реальном адресате (аудитории или конкретном человеке) как носителе определенной коммуникативной позиции.

Поскольку РС – это индивидуальное воплощение КС, можно утверждать, что РС присутствует в любом тексте.

В современных исследованиях представление о стратегии как результате учета говорящим фактора адресата сформулировано, однако определяется данная стратегия как коммуникативная или речевая: «на этапе порождения текста именно фактор адресата ввиду коммуникативного характера текста обуславливает выбор автором общей коммуникативной стратегии... включая отбор и организацию языковых средств» [2, с. 138]. Таким образом, определения коммуникативных и речевых стратегий, разрабатываемые исследователями Н.С. Болотновой, О.С. Иссерс, Е.В. Ключевым, И.А. Иванчук, А.П. Сковородниковым, в основных чертах совпадают с предложенным нами определением РС. Поэтому в результате анализа работ указанных исследователей сформулированное определение РС можно уточнить. Так, при определении исследователями КС / речевой стратегии формируется четкое представление о месте, занимаемом ею в речемыслительном процессе продуцента. Предлагаемое Е.В. Ключевым определение КС – «Под КС ... понимается совокупность запланированных говорящим заранее и реализованных в ходе КА теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, с. 18] – показывает, что КС (в нашей терминологии – РС) охватывает этапы формирования и формулирования мысли.

В приведенных работах КС иногда отождествляется с речевым актом. В частности, Х.Я. Ыйм называет «стратегии уговаривания или угрозы, о стратегиях обсуждения (плана, решения) ... стратегии уклонения (например, совета), отказа (от выполнения требования, приказа)» [7, с. 205]. На самом деле стратегии, о которых говорит исследователь, являются типами речевых актов. Поскольку воплощение РС всегда связано с осуществлением ряда речевых действий, РС не отделима от понятия речевого акта, однако рассматриваемые категории не тождественны. Иными словами, отошения между РС и жанром / речевым актом можно охарактеризовать

следующим образом: *РС есть индивидуальное воплощение жанра, а избранный и упорядоченный в соответствии с авторским образом адресата комплекс речевых актов составляет РС.*

Так как построение РС предполагает активизацию образа адресата, можно утверждать существование связи между образом адресата и продуктивностью деятельности адресанта. В процессе формирования и формулирования мысли РС находит свое воплощение. Опираясь на знания об адресате, говорящий акцентирует внимание на наиболее значимых его свойствах и соответствующим образом определяет тему и содержание будущего высказывания. Поэтому можно утверждать, что на этапе формирования мысли продуцент оперирует представлением об адресате. По тому, как организовано высказывание, можно судить о тех свойствах адресата, которые стали значимыми для оратора. Следовательно, степень проработанности РС на всех этапах речепорождения зависит от того, насколько тщательно были проанализированы адресантом свойства адресата и как эти свойства отразились в готовом высказывании.

Подводя итог, сформулируем определение РС: *РС представляет собой индивидуальное воплощение КС. При этом регулирование процесса построения РС происходит под контролем представления об адресате, которое в ходе формирования и реализации РС также претерпевает изменения от мыслительного конструкта к речевому.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель, Риторика. Поэтика / Аристотель. – М.: Лабиринт, 2000. – 224с.
2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста. Ч.III / Н. С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2005. – 272 с.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284с.
4. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320с.
5. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Н. В. Максимова. – М.: Издательство РГГУ, 2005. – 317с.
6. Тюпа В. И. От риторики к поэтике (в печати).
7. Ыйм Х. Я. Прагматика речевого общения // Интеллектуальные процессы и их моделирование. – М.: Наука, 1987. – 400с.

*Арышева А.Ю., Катыхиев П.А.
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

**ПОВТОРНЫЕ МЕСТОИМЕННЫЕ НОМИНАЦИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА
В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ**

Судебная коммуникация как разновидность институционального общения, несмотря на преобладающие в ней тенденции стандартизации, унификации и повышения конвенциональности, продолжает оставаться во многом нерегламентированной. С этой позиции употребление повторных местоименных номинаций может показаться нежелательным. Но это только односторонний взгляд на проблему, которая требует комплексного рассмотрения.

Текст судебного решения имеет жесткую композиционную структуру; каждая часть этой структуры характеризуется определенным содержанием. Поэтому представляется важным рассмотрение взаимосвязи употребления повторных номинаций и композиционной структуры решения, соотношения первичных и вторичных номинаций в аспекте понимания судебной коммуникации как конвенционального процесса. Поиск взаимосвязи между особенностями композиционной структуры и употреблением повторных номинаций предполагает введение понятия фокусной анафоры.

Понятие «фокусная анафора» (дискурсивная анафора) появляется в 1970-х годах на фоне перехода лингвистики от рассмотрения отдельно взятого предложения к проблемам связного текста и к прагматике дискурса. Оно активно разрабатывается А. А. Кибриком, который определяет сущность фокусной анафоры тем, что есть «два вида промежуточных объектов, через которые анафорический элемент связывается со своим референтом, – синтаксический антецедент, кореферентный анафорическому элементу, и фокус внимания» [1] адресанта и адресата. Таким образом, понятие фокусной анафоры заключается в том, что в текст может быть введена информация, значительно отдаленная от антецедента, либо сам сегмент текста, содержащий эту информацию, может быть очень велик и нечетко вербализован. Анафорический элемент удерживает эту информацию об антецеденте в фокусе внимания адресата текста. При анафорическом связывании происходит поиск по нахождению референта в эпизодической памяти. Референт может существовать в тексте в виде точки референции, которую можно определить следующим образом, ссылаясь на Р. Лангакера: «такая концептуализация, которая используется потом для доступа к другим концептуализациям» [3]. В связи с этим, текст можно разделить на два фокуса внимания – глобальный фокус (гипертему) и ло-

кальный фокус (топик). В глобальном фокусе текста будет находиться тот референт, который будет существовать в виде точки референции, а в локальном фокусе – относящиеся к точке референции концептуализации. Если связывать это с представленным выше пониманием фокусной анафоры, то точкой референции будет являться антецедент, а анафорический элемент будет соответствовать так называемым «другим» концептуализациям.

В тексте судебного решения точкой референции будут являться имена собственные (фамилия, имя, отчество для физических лиц, название организации как юридического лица), используемые во вводной части решения (гипертема текста) и определяющие процессуальную позицию субъекта – истец или ответчик. Например, *«Центральный районный суд г. Кемерово в составе судьи _____ при секретаре _____, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Кемерово «__» ____ 20__ года гражданское дело по иску **Федоренко Олеси Леонидовны** к **Обществу с ограниченной ответственностью «Дебют»** о взыскании заработной платы, компенсации морального вреда, УСТАНОВИЛ...»* или *«Центральный районный суд г. Кемерово в составе судьи _____ при секретаре _____, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Кемерово «__» ____ 20__ года дело по иску **Открытого акционерного общества Банк ЗЕНИТ** к **Деревянчуку Александру Александровичу** о взыскании задолженности по кредитному договору, УСТАНОВИЛ...»*

Используемые для повторной номинации анафорические элементы (концептуализации референта) будут разделяться на две группы – это полноценные номинации (по имени собственному, социально-правовому статусу, по роли в судебном процессе, термины родства) и неполноценные номинации, к которым относятся местоименные номинации, а также к этой группе будут примыкать номинации по гендерному признаку, так как в некоторых случаях они тоже будут являться нежелательными из-за нарушения конвенции точности (например, если в судебном разбирательстве и истцом, и ответчиком будут являться женщины, номинирование одной из них в тексте *женщина* может создать трудности в понимании того, о ком конкретно идет речь). Неполноценные номинации, в частности, повторные местоименные номинации могут явиться причиной референциального конфликта. Как отмечает А.А. Кибрик, «когда говорящий проектирует форму своего будущего текста, а в частности, номинацию того или иного референта, он должен проверять, нет ли в текстовой памяти адресата еще одного референта, который может быть именован так же» [2, с.129]. Если ситуация оказывается таковой, что одна и та же номинация может соответствовать разным референтам, то это ситуация референциального конфликта.

Обратимся к следующему примеру:

21 февраля 2009 г. у **Анны Владимировны** родилась дочь, **Шестакова Алина Сергеевна**. Сразу после рождения **ответчица** бросила своего ребенка, и **они с ее мужем** [речь идет о сестре ответчицы, являющейся истцом. – А.А., П.К.] взяли ребенка на воспитание. **Они** полностью содержат ребенка материально, **она** оформила опеку над Алиной, взяла отпуск по уходу за ребенком. **Родная же мать** совершенно не интересуется своей дочерью, **она** употребляет наркотики, у **нее** гепатит С, **она** нигде не работает, живет с гражданским мужем, который также нигде не работает и употребляет наркотики. За все время, что ребенок находится у них, **она** им ни разу не поинтересовалась.

Перед нами ситуация референциального конфликта, так как двум разным референтам – референту **Анна Владимировна** и другому референту, указанному лишь в предшествующей приведенному отрывку вводной части, соответствует одна и та же повторная местоименная номинация **она**. В данном отрывке из описательной части употребление местоименных номинаций в качестве анафорических элементов является нежелательным, так как концептуализации разных референтов совпадают, и эпизодическая память адресата не может быстро и безошибочно соотнести местоименные концептуализации с точками референции.

Обратимся еще к одному примеру:

Администрация г. Кемерово обратилась в суд в интересах **несовершеннолетнего ребенка – Соколовой Виктории Александровны**, 23.04.2004 года рождения, с иском к **ответчикам** о лишении родительских прав, взыскании алиментов на содержание **ребенка**.

Свои требования **мотивирует** тем, что **ответчики** являются **родителями несовершеннолетнего ребенка Соколовой Виктории Александровны**, 23.04.2004 года рождения. **Ответчики** не создают условия для проживания и развития **дочери**, **ребенок** часто находится в обстановке, угрожающей его жизни. В квартире, где проживает **девочка**, антисанитарные условия, в ночь с 10 на 11 марта 2010 года произошел пожар, **ребенок** чудом остался жив. **Ответчица Высоцкая В.В.** злоупотребляет спиртными напитками вместе с **сожителем Соколовым А.Е.**, между ними часто происходят скандалы. **Девочка** часто бывает голодной, постоянно болеет. С 11.04.2010 года **девочка** находится в МУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних г. Кемерово», куда помещена на основании акта милиции. За все время нахождения **девочки** в муниципальном учреждении **родители** не навещали **ее** ни разу, не привозили подарков.

Поскольку **ответчики** уклоняются от выполнения обязанностей родителей, оказывают негативное влияние на своего **несовершеннолетнего**

*ребенка, администрация города обратилась в суд с настоящими исковыми требованиями, просит лишить **Высоцкую В.В. и Соколова А.Е.** родительских прав в отношении **дочери Соколовой В.А.**, 23.04.2004 года рождения, взыскать с **них** алименты на содержание **ребенка** в размере 1/4 части всех видов заработка.*

В этом тексте, как и в предшествующем, действует несколько субъектов, разворачивается схожая ситуация действия, однако текст намного легче для понимания. Происходит это за счет грамотно подобранных повторных номинаций. Каждая точка референции имеет свои концептуализации: точка референции *Администрация г. Кемерово*, выступающая в качестве истца, имеет следующие концептуализации: *несовершеннолетний ребенок – Соколова Виктория Александровна, дочь, ребенок, девочка, ее, несовершеннолетний ребенок, администрация города* плюс глагол в форме третьего лица единственного числа *мотивирует* (имя девочки будет относиться к референту *администрация г. Кемерово*, так как этот референт защищает ее интересы); антецедент *Высоцкая Вероника Владимировна, Соколов Александр Евгеньевич* – концептуализации *ответчики, родители несовершеннолетнего ребенка Соколовой Виктории Александровны, ответчица Высоцкая В.В. с сожителем Соколовым А.Е., родители, Высоцкая В.В. и Соколова А.Е., они (них)*. Наборы концептуализаций для каждого референта разные и не пересекаются, местоименные номинации минимальны. Все это в совокупности делает отраженный в тексте процесс номинирования коммуникативно удачным.

Таким образом, употребление повторных местоименных номинаций нельзя называть однозначно неприемлемым для судебной коммуникации. Их существование в подобных текстах может быть вполне обоснованным и оправданным, но при условии того, что они не станут причиной референциального конфликта. Для этого должно быть соблюдено одно простое условие: концептуализации (анафорические элементы) разных референтов не должны совпадать. Прономинализация двух референтов, о которых речь идет в одном контексте, возможна лишь в том случае, если их повторные номинации не будут совпадать по грамматическим признакам, что обеспечит единственность референции. Например, если ответчиком является лицо мужского пола, а истцом – лицо женского пола, то вполне возможна их прономинализация в описательной части местоимениями *он* и *она*: единственность референции в данном случае обеспечит различие по категории рода. Другая возможная ситуация: ответчиком выступают несколько лиц, истец – одно лицо. Повторные номинации *они* и *он/она* будут легко соотносимы со своими референтами благодаря отличию по категории числа. Возможна прономинализация референтов, местоименные номинации которых не будут отличаться по грамматическим категориям, то

есть истец – *она*, ответчик – *она* или истец – *они*, ответчик – *они*. Но это возможно лишь в тех ситуациях, когда за каждым референтом закреплен отдельный участок текста.

Повторная местоименная номинация может быть как причиной референциального конфликта в тексте судебного решения, так и дополнительным средством номинации, не нарушающим точности, логичности и однозначности, необходимых текстам данной сферы деятельности человека. Всё зависит от адресанта текста и его установки на удачный коммуникативный процесс: «говорящий, который хочет построить “хороший” текст, должен опознавать такие ситуации и устранять, редуцировать или компенсировать референциальный конфликт» [2, 129].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронкова А.Н. Стратегии когнитивной обработки дискурсивной анафоры пропозитивно-именного типа – URL: <http://31f.ru/dissertation/541-dissertaciya-strategii-kognitivnoj-obrabotki-diskursivnoj-anafory-propozitivno-imennogo-tipa.html> ;
2. Проблемы искусственного интеллекта. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах – М., 1987. С. 128 – 145;
3. Федорова Е.М. Омокомплекс «так» и его функции в современном русском языке (автореферат диссертации) – Новосибирск, 2004.

Бочкарева Т.А.

*Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

ЖИЗНЕННОЕ И ТВОРЧЕСКОЕ КРЕДО Ю. НАГИБИНА: К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Представляется, что творчество Ю. Нагибина – один из благодатных примеров кратчайшего пути от языковой личности через образ автора к художественному образу (по В. Виноградову) в силу того, что проза его автобиографична, и автор в тексте часто одновременно и действующее лицо (см. «Московская книга», «Немота», «Встань и иди», «Над пропастью во лжи», «Морелон», «Моя золотая теща», «Тьма в конце туннеля», «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтаризма и застоя» и др.). При этом в произведениях Ю. Нагибина это лицо несколько раз названо подлинным именем писателя. Не придавая излишне преувеличенного значения этому факту, отметим его все же как неслучайный в рассматриваемом нами аспекте: автор не только не боится прямых аналогий с его человеческим «я», но и намеренно их подчеркивает. Мотивационный аспект по-

добного поведения мы постараемся раскрыть ниже, равно как и способы его репрезентации.

Отметим также наличие «Дневника» писателя, дающего развернутое представление о личности его автора в прагматической ситуации равенства субъекта адресату: «Кому адресован дневник? Самому себе» [3, с.5]. В предисловии к нему в концентрированной форме представлена ценностно-ориентировочная шкала писателя и человека, определяющая его жизненные и творческие приоритеты.

«Есть писатели вовсе чуждые самокопания, они изображают объективный мир, начисто самоустраняясь. А есть писатели, неудержимо стремящиеся разобраться в самом себе. И вовсе не от преувеличенного представления о собственной личности, скорее, наоборот – от горестного сознания своего несовершенства, дурости, несоответствия тому образу, который носишь в душе. И такие писатели должны относиться к себе с беспощадностью ученого, препарирующего кролика, или вскрывающего головной мозг собак, или – это, пожалуй, точнее – испытывающего новое, неизвестное лекарство и ради этого прививающего себе смертельно опасную болезнь» [3, с. 4].

Жизнь души «от вздрога до душевной помойки» («До чего же справедливо есенинское – душа – непосильная ноша, под которой падаешь» [3, с. 5]) – лейтмотив дневника и творчества писателя.

В этой полярной «раздвоенности» основной эмоционально-психологический конфликт восприятия себя в окружающей жизни, задающий аксиологическую направленность отбора фактов и их интерпретации в творчестве, – «горестное несоответствие тому образу, который носишь в душе». Автор/герой Нагибина часто демонстрирует эту двойственность натуры «от душевного вздрога» до «душевной помойки», не боясь показаться в невыгодном для себя свете. «Если у тебя хватало мужества быть дурным в жизни, не пасуй перед своим изображением в литературе» [3, с. 8].

Характер оценок задается при этом пониманием творчества как отсутствия двух боязней – «страха» и «стыда». «Творчество, возможно, вообще продукт такового самовыворачивания <...> В литературе нельзя стыдиться, особенно когда речь идет о тебе самом: все, что пишет писатель о себе, должно быть откровенно, как исповедь» [3, с. 178]. «Из всего могут родиться слова – из грязи, пороков, ошибок, поздних раскаяний, но только не из страха [3, с. 51].

Весьма показательна в плане реализации указанных положений повесть «Моя золотая теща», ключ к пониманию которой заложен, на наш взгляд, в экспозиции. Напомним, что основную ее часть занимает рассказ о любви к Даше, первой жене, и разрыве с ней. Герой до начала основного

развития действия в тексте «он» (автор «я»). Так как в тексте «он» присутствует и в ином качестве, обозначим две ипостаси личности героя как «он»-1 и «он»-2, которые кардинально отличаются в тексте. В эпизоде с первой женой, Дашей, фигурирует «он»-1. Это тонко чувствующий человек, для которого любовь – «чудо», сначала «чудо возвращения», потом «чудо освобождения».

Разнообразна, многогранна оценочная палитра образа Даши: от оценок сенсорных, характеризующих приближение к дому любимой (*«вкусный запах сапожной мази оборачивался гарантией успеха»*), ее внешний облик (*«уютная, милая, родная», «доверчивая цельность лица»*); психологических (*«ей нравилась тонкая интеллектуальная игра, чуть отодвигающая, но и обостряющая предстоящее объятие»*) до сублимированных (*«У Даши был прекрасный прямой взор широко распахнутых под густыми ресницами ореховых глаз...»*) и опосредованных.

Вспомним в связи с последними описание «паломничества» к дому любимой после разрыва: *«И вот сейчас, повторяя ритуальный свой, теперь уже бесцельный маршрут (по-прежнему – только на трамвае), он испытывал все те же чувства: волнение, ожидание беды, нежность к Дому ученых, страх перед пожарной каланчой, подавленность от высоких безобразных домов с приближением к Zubовской, подъем духа в виду просвета Хамовников и все усиливающуюся веру в удачу от становища айсора (война не сдвинула его с места) до подъезда, но, не дойдя двух-трех метров, он расхибался о пустоту, как птица о стекло витрины, с ощущением не воображаемого, а физического удара»* [4, с. 165].

Отношения с Дашей характеризуются не просто при помощи книжной лексики, но лексики возвышенной: любовь – «мука той поры», поездка на трамвае к ее дому – «паломничество», «ритуальный маршрут», ожидание «чуда». Общая эмоциональная оценка ситуации – боль и недоумение по поводу произошедшего. Отсюда большое количество вопросных синтаксических конструкций, вводных слов и лексем, выражающих гипотетичность, сомнение и неуверенность (*«Зачем он ходит сюда?...Но почему такое простое и естественное объяснение не приходило на ум? Так чего же добивался он своим паломничеством к ее дому?...Может, воскрешал прошлое, еще не обесцененное настоящим?... Скорее уж он ждал какого-то чуда»* и т.д.).

Реальный жизненный фон выглядит хорошей, но все же декорацией к внутреннему, ирреальному миру героя, его душевной жизни, которая и доминирует в «он»-1.

В совершенно ином свете герой предстает в эпизоде с Галей, второй женой («он»-2). Кардинально меняется характер как отдельных оценок, так и ситуации в целом. *«Вообще же наш роман, довольно скоро окон-*

чившийся браком, был романом без психологии. И без страсти». Характеристика Гале дается соответствующая, лишенная какого бы то ни было психологизма, сугубо рационалистическая, утилитарная: «Она была человеком без свойств. Проще всего ее определить при помощи частицы «не». Не умна и не глупа, не добра и не зла, не деловита и не расхлябанна, не ленива и не усидчива, не привязчива, но и не равнодушна к людям. Одно положительное качество – очень опрятна...Крылатую легкость ей дарил алкоголь» [4, с. 173-174]. Ни встреча с девушкой, ни сопутствующий этому антураж не будят «жизни души» героя. Вместо этого появляется самоирония в оценке приобретенных качеств сомнительного свойства: «Еще до того, как я попал в семью, мне пришлось срочно пересмотреть свои представления о пьянстве. В моей прошлой среде меня считали выпивохой, здесь я долго ходил в непьющих. Понадобилось немало времени и сил, чтобы исправить репутацию. Я научился опохмеляться...Передо мной открылись безбрежные горизонты. В незабываемую пору моего жениховства я стал настоящим пьяницей» [4, с. 174].

Усиливает сугубо реалистический модальный фон обиходно - бытовая, разговорная, сниженная лексика («пьяница», «выпивоха», «жениховство», «васюся – семейное слово, обозначающее: халда, балда», «машина, содранная с «линкольна», шофер Колька и др.). Трамвай, везущий героя к Даше, в общем контексте буруеваемых героя сопутствующих переживаний воспринимается весьма условно как транспортное средство. Машина же, на котором герой едет с Галей на дачу, – престижный транспорт партийной номенклатуры: «... большая правительственная машина, содранная с американского “линкольна”» – предмет специального описания.

Ключевым в понимании двойственности образа героя до момента начала основного действия является, на наш взгляд, первое СФЕ завязки (оно же – сильная текстовая позиция): «Он действительно думал, что едет на дачу. Ни на мгновение у него не мелькнуло, что он едет за судьбой, в рай и ад, в страну, жителем которой он не мог и не должен бы стать, даже приняв все ее законы, обычаи, правила. Тут не его климат, не его атмосферное давление, не его язык, не его смех, не его музыка, не его страсть, не его все. Так и не став близким и понятным, этот чужой мир на годы закрутит его своей сумасшедшей каруселью, скорежит ему душу, исказит зрение, но он не будет сознавать этого, потому что утерять память о себе прежнем» [4, с. 175].

Представляя, что внутреннее, подлинное «я» героя – «он»-1, читатель понимает, почему герой («он»-1) «не мог и не должен бы стать жителем «чужого мира» и почему этот мир в конце концов «закрутит его своей сумасшедшей каруселью, скорежит ему душу, исказит зрение, но он не будет сознавать этого, потому что утерять память о себе прежнем».

Отныне «он»-2 становится его единственным «я». «Жизнь души» сменяется сугубо реалистичной «жизнью тела» номенклатурной элиты, в которой любовный пыл героя направлен в сторону тещи. Возможность иного развития действия заложена в конструкции *«не мог, не должен бы стать»*. Окончательно поставив знак равенства между «он»-2 и «я», рассказчик видит в образе «он»-1 возможность через прошлое вернуться к себе настоящему. *«Говоря о том далеком неправдоподобно молодом человеке в первом лице, я невольно начинаю с ним сливаться. Может, в конце концов это «я» из прошлого приживется ко мне настоящему?»*.

Таким образом, мена лиц и полимодальность формы «он» еще до развития основного действия повести задают общую аксиологическую и прагматическую перспективу повествования и дают ключ к пониманию характера главного героя, потерявшего себя и пытающегося к себе истинному вернуться через переживание событий в художественной форме.

Парадоксальность, «маятниковость» сознания и поведения главного героя, несоответствие *«внутреннему образу, который носишь в душе»* отчетливо прослеживается и в другом нагибинской героине, писателе Петре Марковиче Калитине, мечущемся в поисках себя между евреями и русскими – (*«Тьме в конце туннеля»*); в сыне вечного заключенного, неизбывно ощущающем собственное внутреннее несовершенство (*«непрочность»*, *«гибельность»*), не позволяющее ему нести свой сыновний крест так же достойно, как несет свой крест его отец (*«Встань и иди»*); в писателе-новелисте, подвизающемся во время избирательной компании в роли штатного вряля, выдумывающего все новые и новые подробности безграничной любви народа к своему вождю в преддверии очередных выборов (*«Над пропастью во лжи»*) и т.д.

Истинность жизненного события, его важность для душевной жизни проверяется творчеством. Поэтому для Нагибина-человека «страшно быть писателем». Вспомним дневниковую запись: *«Сегодня я с удивительной силой понял, как страшно быть писателем. Каким непереносимым должно быть страдание нетворческих людей. Ведь их страдание окончательно, страдание «в чистом виде», страдание безысходное и бессмысленное, вроде страдания животного. Вот мне сейчас очень тяжело, но я знаю, что когда-нибудь об этом напишу. Боль становится осмысленной...Страдание, боль – это прекращение жизни, если только оно не становится искусством, то есть самой концентрированной, самой стойкой, самой полной формой жизни»* [3, с. 59]

Восприятие жизни как «естественного искусства», а искусства как *«самой концентрированной, самой стойкой формы жизни»* – писательское и человеческое кредо Ю. Нагибина. Близкой к излагаемой концепции нам представляется мысль М. Борисова о том, что идея десакрализации

собственной жизни Нагибиным энергетична, «направленная в русло литературное», она «как-то приблизила нас к самой реальности, заставила снова почувствовать ее вкус – вкус извечного парадокса» [2].

Подтверждением высказанной гипотезы служит, на наш взгляд, и доминирующий способ создания оценки в текстах писателя – обращение к интертексту. В повести «Дафнис и Хлоя...», а также в дневнике писателя дается, как нам кажется, прямая мотивировка его действий: *«Я насквозь литературный человек. Книжных героев я воспринимаю как живых людей, не помня о том, что они созданы писательским воображением, нахожусь с ними в постоянном обмене, диалоге, споре, случаются ссоры и примирения. Пытаюсь разобраться в собственных обстоятельствах, я редко обращаюсь к жизненным примерам, предпочитая литературу...»* [3, с.514].

В большинстве произведений Нагибина присутствует интертекст. (подробнее см. [1]). См., например, характеристику отца и сына в повести «Встань и иди»: *«Он был Лоэнгрином по духу, чистоте, стойкости, этот маленький, обессиленный человек в спадавших штанах, а под латами, перьями и бархатом его избавителя скрывался Тельрамуд»* [4, с. 605]. Через интертекст передается и «двоение» главного героя повести «Тьма в конце туннеля»: *«С чем можно сравнить страдания, которые причиняла мне моя «недорусскость»? Разве что с тоской и муками бедного Петра Шлемеля, человека, потерявшего свою тень, о чем поведал Шамиссо....А вот трагедия страшнее Шлемелевой: быть русским и отбрасывать еврейскую тень»* [4, с. 61]. В наиболее концентрированной форме интертекст представлен в «Дафнисе и Хлое эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя». На 240 страницах текста нами отмечено около 80 случаев обращения к претекстам (к некоторым текстам автор обращается не единожды). Именно наложение ситуаций претекстов на жизненные ситуации героев выявляет уникальность и неповторимость персонажей «эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя», именно появляющийся претекст, «Робинзон Крузо», знаменует собой окончание истории любви Даши и Юры, и именно претекст, *«история протопопа Аввакума и горестной Марковны»* проспективно намечает будущее развитие событий, новую любовь как *«возможность спасения с сопутницей»*, человеком, которым *«только и можно излечить душу»* [4, с. 522].

Итак, поиск себя оказывается тем языком, который органично входит в систему творчества писателя. *«Всякое истинное жизненное событие, даже самое безобразное – художественно. Неправда, недосказанность, утаивание, незнание всех обстоятельств, разрушает конструкцию, убивает то естественное искусство, каким является жизнь»*. Восприятие жизни как *«естественного искусства»*, а искусства как *«самой концен-*

трированной, самой стойкой формы жизни», двойственность натуры самого автора, познающего и осознающего собственные поступки через призму создаваемых художественных образов *«с беспощадностью ученого, препарирующего кролика»*, – таковы в самом общем виде особенности личности человека, которому *«страшно быть писателем»*, его мотивационная составляющая (по Ю.Караулову).

Основные же направления реализации языковой личности Ю. Нагибина на когнитивном и вербально-семантическом уровне нами обозначены настолько, насколько позволили рамки статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарева Т.А. Функции метатекста в реализации авторской модальности. Предложение и слово. Книга 1. Сборник научных трудов. – Саратов: «Научная книга», 2010. С.44-51.
2. Борисов М. Феномен Нагибина (советский писатель после эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя) // Дамский клуб. – М., 1996, вып. 42.
3. Нагибин Ю. Дневник. М. – 1996.
4. Нагибин Ю. Любовь вождей: Сб. / Ю. Нагибин. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004.

Грекова И.В.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

ОБРАЗ АВТОРА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЖИТИИ И СОВРЕМЕННОМ ЖИЗНЕОПИСАНИИ СЯТОГО

Житие – жанр древнерусской литературы, произведения которого повествуют о жизни людей, причисленных церковью к сонму святых. Канонизация святого возможна при наличии следующих условий: святая жизнь, чудеса, обретение мощей. Задача жития не только в том, чтобы описать земную жизнь подвижника, но и создать идеальный образ святого человека, своеобразное поучение людям. То есть коммуникативной целью жития является поучительное воздействие (реализуется регулятивная функция языка). Это литература необычайной серьезности. Назначение житий – церковно-служебное. Как справедливо отметил В.П. Завальников, жанр жития является религиозным жанром, а потом уже художественным. Такого количества книг, как сейчас, в Древней Руси не было, и это была единственная литература, которая служила универсальным научением. В настоящее время концептуальная сущность жития несколько изменилась: оно перестает богословствовать. К тому же, сфера бытования житийных текстов влияет на темпы происходящих изменений [1].

Целью данной статьи является рассмотрение образа автора в древнерусских житиях и современных жизнеописаниях. Многие авторы привнесли в житийные тексты черты индивидуальной стилистики: новые синтаксические конструкции, лексические и словообразовательные элементы, специфическую метафоризацию текста. С одной стороны, это способствовало эволюции древнерусского житийного жанра и во многом предопределило его расцвет, который пришелся на XV-XVI вв., с другой - послужило одной из главных причин его исчезновения, а точнее перехода в другие, уже не столько религиозные, сколько художественные жанры: жизнеописание, биографическую повесть, автобиографию [2].

О том, что представляет собой «образ автора», единого мнения у исследователей не существует. Например, Д.С. Лихачев предложил концепцию безликости авторской позиции древнерусской литературы. По его мнению, данная литература анонимна не столько внешним отсутствием авторского имени, сколько внутренней характеристикой подобного текста, так как житие основано на смирении, безоговорочном и безликом послушании автора Древней Руси [3]. Полностью согласиться с мнением Лихачева невозможно, так как создается впечатление, что в житийном тексте совсем отсутствует авторская позиция, а это не совсем так, хотя не стоит упускать из вида факт, что в большинстве житийных текстов личностное начало приглушено.

Наиболее последовательно эту проблему разработал В.В. Виноградов, который рассматривал образ автора главным элементом языковой композиции произведения, организационным началом смыслового пространства текста. По В.В. Виноградову, образ автора – это «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему структур повествования в их соотношении с повествователем-рассказчиком и через них являющееся идейно-стилистическим фокусом целого» [4, с.180]. Виноградов формулирует основную роль, которую выполняет автор в произведении: «В образе автора, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных средств, переходы от одного стиля к другому, перемены и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения» [4, с.181].

Итак, образ автора раскрывается во всех внутренних связях элементов произведения, в том числе, как отмечает Меркулова М.В., «в сцеплении эпизодов и картин, в способе организации повествования – в композиции произведения, которая отражает точку зрения автора на причинно-следственные и пространственно-временные связи событий» [5, с. 214].

Образ автора – это категория литературного художественного текста (в том тексте, где есть образы, есть и образ автора, другое дело, в какой степени этот образ проявлен). В таком древнерусском произведении как «Житие Стефана Пермского» (к. XIV века) автор постоянно рассказывает о себе: где учился, о своем авторском замысле, об истории своего произведения (как писал его) и его задачах. Оригинально то, что в тексте есть особая глава «Плач и похвала инока списающа» – это плач автора о смерти епископа Пермского и похвала святому. В данном случае образ автора приникнут ощущением скорби, вины, эмоциональностью и лиричностью: «Увы мне! Кто во мне пламень угасит, кто мне тму просветит? Увы мне! Волнуясь посреде пучины житийского моря, и како постигну в тишину умиления и како дойду в пристанище покаяния? Но яко добрый кормник сый, отче, яко правитель, яко наставник, из глубины меня от страстей возведи, молюся» [6, с. 74].

В литературных памятниках Древней Руси распространены самоуничижительные формулы: азъ недостойный, многогрешный, неразумный и др. Мы склонны считать, что тем самым происходит весьма заметное *противопоставление субъекта и объекта описания*. В ранний период развития древнерусской агиографии в том месте, где автор рассказывал о «недостойности», перед нами, собственно говоря, был не более чем знак смирения пишущего, своего рода ритуальная формула. И сама «недостойность» обозначала не что-либо противоположное достоинствам святого, но указывала на отсутствие их. Но есть тексты, в которых противопоставление выражено с исключительной силой и последовательностью, прежде всего за счет «умаления» своего собственного образа, самоуничтожения и поношения самого себя – только так, за счет снижения своего образа, можно было развести до предела себя и святого, достигши состояния поллярности (например, «Житие Авраамия Смоленского»).

Также в житийных текстах древнерусского периода часты ремарки автора, его замечания, которые связывают различные части повествования и являются своеобразными формулами: яко же прежде рекох, о нем же прежде рех, его же выше помянухом; в жизнеописаниях – «но это осмысление пришло к Макарию позже» [7, с. 6] и т.п. Данные замечания рассыпаются по тексту, дополняясь местоимениями и глагольными формами 1 лица как сигнал образа автора: хочу, глаголю, вижу и др.

Безусловно, образ автора является главной составляющей языковой композиции, определяющей структуру произведения. А в нашем случае, именно антинomia автор – герой является основным принципом построения житийного текста. Таким образом, в одних произведениях автор просто излагает ход событий, в других является участником этих событий, а в

третьих происходит синтез того и другого - автор и герой слиты в одном лице.

Так в «Житии протопопы Аввакума» автор и герой – одно целое, что усиливает личностное начало произведения. Все в тексте проходит через систему его восприятия, мировоззрения, настроения. То есть речь идет об авторизации - отношении автора к содержанию сообщения, его оценка, которая проявляется на разных уровнях строения текста [8]. Житие Аввакума похоже на монолог, в котором автор беседует с читателем. Он рассказывает о своих трудностях, победах, видениях, душевных переживаниях (он «тужит», «рыдает», «вздыхает», «горюет») и т.д. Аввакум вызывает уважение своей убежденностью, откровенностью, мужеством. Он не терпит компромиссов и самым страшным судом судит себя за редкие проявления человеческих слабостей. А вот как автор описывает, выпавшие на его долю испытания в заключении: «Никто ко мне не приходил, - вспоминает Аввакум, - только мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно». Подробно он описывает перенесенные им побои и надругательства. Так, тобольский воевода Афанасий Пашков «рыкнул, яко дивий (дикий) зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паке в голову, и збил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболакши (раздев) по той же спине 72 удара кнутом» [9].

Автор и герой предстает как борец, подвижник, искренне верящий в праведность своих идей и веры. Личность и деятельность Аввакума – явление исключительное. Аввакум является автором и героем Жития, что для современных жизнеописаний совсем не свойственно. В современных жизнеописаниях автор просто рассказывает о своем герое от рождения до смерти, опираясь на собственные воспоминания, документальные записи, различные свидетельства других церковных деятелей и др. Нами не было встречено ни одного жизнеописания, в котором автор и герой являлись бы одним человеком.

Например, в таком произведении как «Жизнеописание Макария Глухарева», автор показан как своеобразный наблюдатель за происходящим, время от времени, описывающий увиденное им лично: «Однажды в осенний день, когда сентябрь подходил уже к концу, я (автор), ворочась из пихтача, увидел о.Макария, идущего к дому Бориса. Было тихо. Люди, пользуясь ясными днями, ушли по делам...и меня потянуло послушать речь о.Макария. Прячась за деревьями, я подошел совсем близко к крыльцу, на котором, насупившись, сидел Борис, угрюмый и злой» [7, с.24]. Автор скромно, он понимает духовное превосходство миссионера над собой. Автор жизнеописания иногда рассказывает и о своей жизни: «Этой осенью я крестился, и меня назвали Михаилом; крестились и отец, и сестры и жена» [7, с.24]. Такие небольшие вкрапления о жизни автора иногда

встречаются на страницах жизнеописаний, однако о своей внешности, характере составитель информации не дает. Из «Жизнеописания Макария Глухарева» мы узнаем, что автор и святой знакомы. Автор изредка сообщает: «Я спешно обошел его с желанием предупредить о. Макария, но он уже отворил двери и сошел с крыльца, торопясь и не глядя на меня, подбежавшего к нему» [7, с.25].

Изучая образ автора, В.В. Виноградов указывал на своеобразные его «лики». Отметим, что к образу автора можно отнести не только его характеристику как действующего лица, но и элементы стиля автора, которые также являются отражением его образа. То, какие изобразительно-выразительные средства использованы для реализации художественного замысла и их композиционное оформление – все это объединяется образом автора. Таким образом, здесь идет речь о творческом подходе автора к произведению, его индивидуальной манере изложения. Ведь помимо сюжета в произведении имеется грамматический контекст: структура предложения, порядок слов, использование определенных лексем, суффиксов и т.д., что, по определению В.В. Виноградова, является своеобразными «словесными рядами» [10].

Например, автор «Жития Ефросина Псковского» посредством ярких жизненных примеров образно формирует структуру текста, раскрывая тем самым свою мысль. М.В. Первушин отмечает, что «на протяжении всего жития автор, делая ударения на определенных словах или выражениях, усиливает их либо синтаксическим повтором, либо синонимом» [11, с.75]. Заметим, что в данном произведении часто встречается звуковая игра, проявляющаяся тавтологическими сцеплениями: «некою меру мерят немеримое», «рвѣнуа рвѣноваше огненным ревнованиємъ» и т.п. Созвучия отдельных частей слова создают необычное их смысловое истолкование.

Несколько иные языковые особенности древнерусских памятников можно проследить на примере «Жития Стефана Пермского», написанного агиографом Епифанием Премудрым. Епифаний использует «украшенный» экспрессивно – эмоциональный стиль изложения, стиль «плетение словес», который в житийных произведениях достигает наибольшей завершенности и яркой выразительности. Как отмечает М.В. Иванова: «По распространенному мнению, этот стиль определяется как наиболее риторичный, многословный и усложненный, в основе которого особое отношение к слову, к его символическому смыслу и звуковому выражению» [6, с. 70].

Также целесообразно упомянуть об авторском подходе к цитатам, который у каждого автора, конечно же, различен. На наш взгляд, набор цитат является фоновым знанием писателя, а поэтому мы можем выделить из них наиболее предпочтительные составителю жития. Оформление цитат в текстах также разное: одни даются кратко, но точно к месту; другие

только дают ссылку на него; третьи представлены очень обширно; а есть такие, которые настолько хорошо вплетены в ткань произведения, что из авторского текста их вычлениить достаточно трудно.

Так в «Житии Дмитрия Донского мы видим, что стиль автора могут охарактеризовать использование своеобразных «уподоблений» в заключительной части похвалы («кому приподоблю»), которые отсылают нас к героям ветхозаветных исторических книг: Сиф, Енох, Ной, Авраам, Исаак, Моисей. Они противопоставлены превзошедшему их своей деятельностью Дмитрию Донскому. В современных жизнеописаниях в основном цитируются слова из библии, часты цитаты слов самих миссионеров, а также людей, которые были знакомы с подвижником: «По свидетельству о.Макария «в епископском служении Иова господствовала сила яростная, разрушающая всякое бесчиние и истребляющая всякое зло» [7, с.6]; «Это школа Христова, это одна из светлых точек на земном шаре, в которую, чтобы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества» - писал преп. Макарий о Глинской пустыни» [7, с.11]; «Давно это было... мы с отцом Макарием с проповедью ездили...» (из свидетельств протоиерея Стефана Ландышева) [7, с.20].

Мы, вслед за И.Ю. Абрамовой, склонны считать, что «церковная культура являлась основным источником для вдохновения древнерусских книжников и оказала огромное влияние на формирование их манеры письма...» [12]. Таким образом, образ автора – это форма словесной художественной реализации автора в произведении. Автор активно вплетен в литературный процесс, он создает новые жанры и изменяет традиционные, в тексте он является субъектом речи, действующим лицом, а также с помощью индивидуального стиля воплощает собственный образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завальников, В.П. Некоторые особенности языкового воплощения образов святых князей и священнослужителей в древнерусской агиографии [Текст] / В.П. Завальников // Филологический ежегодник под ред. Н.Н. Мисюрова. – Омск.гос.ун-т, 2005. - Вып. 5-6. – С. 41-44
2. Еремин, И.П. Литература Древней Руси [Текст] / И.П. Еремин. - Л., 1966. - С.236.
3. Лихачев, Д.С., Человек в литературе Древней Руси [Текст] / Д.С. Лихачев. - М.: Наука, 1970. – 178 с.
4. Виноградов, В.В. О теории художественной речи [Текст] / В.В. Виноградов. - М., 1971. - С.181
5. Меркулова, М.В. Речевая структура образа автора в житии протопopa Аввакума [Текст] / М.В. Меркулова. - Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. - Т. 32: Текстология и поэтика русской литературы XI-XVII вв. - 408 с.

6. Иванова, М.В. Лексическая доминанта «Жития Стефана Пермского» [Текст] / М.В. Иванова // Филологические науки. - 2007. - № 3. - С. 70-77
7. Жизнеописание преподобного Макария, первоапостола Алтая с акафистом [Текст] / По благословиению Преосвященнейшего Максима епископа Барнаульского и Алтайского. – Бийск, 2009. – 75 с.
8. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. - М., 1973. - С. 263.
9. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://old-russian.chat.ru/12avvak.htm>
10. Виноградов, В.В. Избранные труды. История русского литературного языка [Текст] / В.В. Виноградов. - Том 4 - М.: Наука, 1978. – 319 с.
11. Первушин, М.В. О стиле «Жития Ефросина Псковского» [Текст] / М.В. Первушин // Русская речь. – 2007. - №5. - С. 74-78
12. Абрамова, И.Ю. Поэтика древнерусской агиографии и ее отношение к эстетике церковного искусства [Текст] / И.Ю. Абрамова // Церковь и проблемы современной коммуникации: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижегородская Духовная семинария, 5-7 февраля. – Нижний Новгород, 2007.- с. 5-15

Егорова Т.И., Илакова Е.В.

Горно-Алтайский государственный университет,

г. Горно-Алтайск, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ
КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА
(на материале печатных изданий)**

В жизни людям часто приходится сталкиваться с различного рода объявлениями. Объявления, напечатанные в рубрике «Знакомства», представляют собой совершенно особое явление. Здесь речь идет об отношениях, затрагивающих сферу личной жизни людей. В массе таких объявлений можно выделить две группы: во-первых, объявления, нацеленные на серьезные, длительные отношения, результатом которых должно стать создание семьи; во-вторых, объявления, имеющие целью кратковременные отношения, не имеющие в перспективе задач брачные узы. В центре нашего внимания находятся объявления первой группы. Таким образом, под брачными объявлениями мы понимаем объявления, которые мужчины и женщины дают в газеты и в журналы, имея в виду либо брак, либо серьезные и длительные отношения с целью создания семьи.

Первое брачное объявление было опубликовано в Англии в конце XVII в., а спустя 100 лет стало явлением на страницах западноевропейской прессы.

В нашей стране практика брачных объявлений имеет сравнительно недавнюю историю. Объявления такого рода, как правило, составленные произвольно, публикуются многими периодическими изданиями под специальной рубрикой. Брачные объявления стали неотъемлемой частью социокультурной жизни общества.

Мы рассмотрим брачное объявление как речевой жанр, в связи с этим обратимся к известной классификации М.М. Бахтина, разделяющего речевые жанры (РЖ) на первичные и вторичные. Первичные жанры связаны с «непосредственным речевым общением», они относятся к «бытовой жизни». Вторичные жанры «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)» [1, с. 261].

М.Ю. Федосюк, уточнивший мысль М.М. Бахтина, определяет комплексные жанры «как типы текстов, состоящие из компонентов, каждый из которых обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра» [2, с. 104].

Именно таким типом текста и являются тексты брачных объявлений.

Н.В. Царикевич исследует брачное объявление как особую разновидность жанра «рекламное объявление», которая характеризуется четкой композицией текста и ограниченным набором используемых языковых средств» [3, с. 4].

В тексте брачного объявления совмещены две основные функции: информирования (характерна для объявления) и воздействия (характерна для рекламы). Функция информирования проявляется в тексте брачного объявления как сообщение о Субъекте и Объекте, функция воздействия состоит в стремлении адресанта убедить адресата в правдивости и исключительности качеств адресанта. Специфической является третья функция брачного объявления: функция побуждения адресата к вербальному ответу на объявление.

Всего нами было проанализировано 200 текстов брачных объявлений, опубликованных в федеральной и местной прессе – это журналы «1000 советов», «Веста», «Зимняя вишня» и газеты «Листок», «Постскриптум».

В основу исследования было положено определение модели РЖ, данное Т.В. Шмелевой [4].

По коммуникативной цели жанр БО можно определить как информативно-императивный. С одной стороны, семантика самого слова «объявление» говорит о том, что это жанр, сообщающий адресату какую-то информацию, то есть информативный по своей сути. С другой стороны, жанр имеет скрытый императивный подтекст, так как его можно рассмотреть, как выражение желания познакомиться, вступить в брак, как призыв к действию, к тому, чтобы люди откликнулись на объявление.

Коммуникативная цель противопоставляет следующие типы РЖ:

- **образ автора**, где сообщается информация об авторе объявления.

Например,

Галина, 52 года. Высокая, нехудая, приятная блондинка, добрая, верная и одинокая, не зануда, немеркантильная [С3].

Валера, 1972 г.р. По гороскопу Водолей, год Крысы. Рост 172 см, вес 73 кг, глаза карие, волосы русые, русский. Простой, добрый, порядочный. Курю, не употребляю спиртных напитков, не наркоман, не судим. Есть несколько профессий – водитель, тракторист, штукатур, маляр. Увлечение – рыбалка, люблю работать в саду и в огороде, читать книги, газеты, журналы. Люблю природу. Разведен 7 лет назад, живу один в доме, работаю [34].

Бийчанка, 47/164, свободная, материально и жилищно обеспечена [П1].

Мужчина в расцвете сил, умеющий радоваться жизни, оптимист, нахожу выход в любой ситуации, без в/п, надежен, честен [Л3].

- **образ адресата:**

Хочу познакомиться с женщиной из сельской местности, 1973 или 1976 г.р., Львицей по гороскопу, русской, доброй, порядочной, хозяйственной, не употребляющей спиртных напитков, не наркоманкой, некурящей, несудимой, неполной, не выше меня ростом, согласной на переезд ко мне [34].

Ищу спокойного, порядочного, открытого, трудолюбивого молодого человека, способного ценить женщину. Желательно рыжеволосого или brunета, с синими глазами, до 30 лет [33].

- **образ будущего:**

с перспективой брака [В3].

для создания семьи [С3].

совместная жизнь в сельской местности [Л1].

для серьезных отношений [П1].

- **образ прошлого**

Мой рост 155 см, вес 62 кг, стройная, симпатичная, добрая, интересная, бывшая гимнастка [31].

Хочу попытаться найти счастье для мамы. Зовут ее Татьяна Васильевна, ей 55 лет, рост 150 см, вес 55 кг. Мама – врач-педиатр с 25-летним стажем, она никогда не боялась трудностей, оптимистка по жизни. И даже когда осталась одна с двумя маленькими детьми на руках, не сломалась, а сумела выстоять и воспитать нас с братом достойными людьми...[35].

Определенная структура предложений, лексический состав текста и сходство с публицистическими текстовыми материалами, безусловно, ха-

ракетны для жанра брачного объявления, являясь составными частями такого параметра, как стиль.

Каждое БО содержит как общие стандартные параметры, так и нечто индивидуальное. К общим параметрам относятся указания на внешние данные того, кто дает объявление (возраст, вес, рост). Например, *муж. 38/172/72 познакомится с девушкой до 35 лет* [36].

Симпатичный блондин без шевелюры, 61/182/82 [36].

Мария, 40 лет, рост 164 см. [36].

Часто в брачных объявлениях сообщаются желаемые параметры партнера.

Ищу спутницу жизни от 35 до 38 лет, не склонную к полноте, добрую, трудолюбивую, преданную [С4].

Познакомлюсь с одинокой женщиной от 40 до 55 лет, без детей, из Ставропольского края [С5].

Кроме того, в БО содержится социально значимая информация (уровень материального положения, наличие квартиры, автомобиля, стабильного дохода, образования и т.д.). Например,

Живу в благоустроенной 3-комнатной квартире в пригороде г. Ижевска. Материально обеспечена [37].

Интересна и информация психологически-личностного значения (особенности характера, вредные привычки, чувство юмора, знак зодиака, национальность). Например,

Вячеслав, 61 год. Пенсионер, русский, христианин, глаза светло-карие, добрый, трудолюбивый, простой, порядочный, спокойный, характер покладистый. Люблю природу, читать газеты, смотреть телевизор [С7].

Галина, 54 года. Светлая, симпатичная, полная, нежная, с чувством юмора. Люблю природу, деревню, рыбалку, грибы. Ценю жизнь [С7].

К языковым особенностям текстов БО местных газет следует отнести их лаконичность, в федеральных журналах «1000 советов», «Веста», «Зимняя вишня» это не наблюдается.

Ср: *Познакомлюсь с мужчиной до 50 лет («Листок»)* и в журнале «Зимняя вишня» *Алексей, 44/164/60, по гороскопу Дева, год Лошади. Добрый, покладистый, спокойный, хозяйственный, работаю, не пью, честный, искренний. Для создания дружной, крепкой семьи, без лжи и предательства, познакомлюсь с женщиной 40-50 лет, дети не помеха. Из Архангельской области или соседних областей. Переезд возможен. Если вы хотите найти родственную душу и создать родовое гнездо, уют и понимание, пишите.*

Что касается брачных объявлений с фотографиями, то они встречаются очень редко, к примеру, из рассмотренных нами газет и журналов фотографии встретились только в газете «1000 советов».

Наиболее интересными и оригинальными являются объявления, издаваемые в стихотворной форме.

*Пишу письмо, рука дрожит,
В конверт вложила я судьбу свою,
И вместе с нею крик моей души.
Не знаю, милый друг,
Услышишь ты меня?
С судьбой бороться я устала,
А, может, стану я твоей судьбою,
Любовь и нежность
Тебе свою отдам.
Пускай пройдут года,
Я буду верить, буду ждать,
Ты только напиши.
С тобой хочу судьбу связать
С тобой хочу я жизнь начать,
И быть твоей единственной,
Любимой и родной.
Зажечь огонь в твоей душе,
Чтоб лед растаял,
Чтобы ты снова мог любить и верить,
Что есть любовь на свете.
Ты только напиши мне,
Дай ответ, верить или нет
Пускай пройдут года
И сединой покрыта голова
Но все равно я буду ждать тебя [38].*

Или

*Где ты, половинка моя? Может, засыпаешь уже...
Пусть судьба приснится твоя, повернет все на крутом вираже.
Ничего, что я не вижу тебя, но к тебе я руки тяну.
Жил я среди тусклого дня, без тебя я в темноте утону.
И в надежде, что где-то ты ждешь, в одиночестве стирая слезу.
Мой вопрос к тебе: «Ну что, ты идешь?»
И надеюсь я услышать: «Иду!»*

*Наши души, наши сердца – все сольется в мысли одной,
Половинки – Бога творца, вновь нашли себя в жизни земной [39].*

Тексты брачных объявлений федеральной прессы, исследуемой нами, являются более интересными для лингвистических исследований.

Таким образом, языковыми особенностями брачных объявлений как речевого жанра являются:

1. По коммуникативной цели брачные объявления можно определить как информативно-императивный жанр. Коммуникативная цель, в свою очередь, противопоставляет следующие признаки: образ автора, образ адресата, образ будущего, параметр языкового воплощения.

2. Каждое БО содержит как общие стандартные параметры, так и нечто индивидуальное. К общим параметрам относятся указания на внешние данные того, кто дает объявление (возраст, вес, рост). Кроме того, предлагается социально значимая информация (уровень материального положения, наличие квартиры, автомобиля, стабильного дохода, образования и т.д.) и содержится информация психологически-личностного значения (особенности характера, вредные привычки, чувство юмора, знак зодиака, национальность). К языковым особенностям текстов БО местных газет следует отнести их лаконичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М., 1986.
2. Федосюк, М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М.Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. - 1997. - № 5. - С. 104 - 119.
3. Феофанов, О.А. Реклама: новые технологии в России: Психология рекламы. Формирование имиджа. Политическая реклама: Учебник / О.А. Феофанов. - СПб.: Питер, 2000.
4. Царикевич, Н.В. Социопрагматика текста брачного рекламного объявления / Н.В. Царикевич // Автореферат ... канд. диссертации. - Пятигорск, 2007

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- СЗ – 1000 советов. – 2010. – № 19.
ЗЗ – Зимняя вишня. – 2011. – № 10.
П1 – Постскриптум. – 2012. – № 49.
ЛЗ – Листок. – 2012. – № 24.
ЗЗ – Зимняя вишня. – 2011. – № 11.
ВЗ – Веста. – 2010. – № 10.
Л1 – Листок. – 2008. – № 43.
З1 – Зимняя вишня. – 2011. – № 7.
З5 – Зимняя вишня. – 2012. – № 8.
З6 – Зимняя вишня. – 2012. – № 7.
С4 – 1000 советов. – 2009. – № 16.
С5 – 1000 советов. – 2009. – № 13.
З7 – Зимняя вишня. – 2012. – № 1.
С7 – 1000 советов. – 2012. – № 16.
З8 – Зимняя вишня. – 2012. – № 1.
З9 – Зимняя вишня. – 2012. – № 8.

Жавхлант Ванчаа

Ховдский государственный университет,

г. Ховд, Монголия

АНАЛИЗ ЯЗЫКА И СТИЛЯ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «АНЧАР»

Изучение произведений великого писателя, разумеется, предлагает анализ этих произведений и с языковой стороны. Глубокое изучение языка Пушкинских произведений во всей его многогранности и сложности / лексика, синтаксис, стиль / необходимо не только исследователям, но и студентам. Изучение Пушкинской лексики, освоение словаря пушкинских произведений поможет обогатить язык исследователей и в значительной мере будет содействовать формированию их языка, поможет уяснить роль Пушкина в истории развития русского литературного языка и понять грамматические факты современного языка.

Некоторые считают, что поэтические произведения невозможно переводить. Перевод поэзии занимает особое место в художественном переводе. Знаменитый русский писатель и переводчик К. Чуковский писал, что «По моей личной практике, самый трудный из переводов художественных произведений, которым я занимался, это перевод стихотворений».

С 1936 года начали переводить произведения и поэзию А.С.Пушкина. Первыми переводчиками были наши писатели и поэты, как Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурен, Б. Ринчен и др. Переводили и переводят писатели и поэты новой эпохи: Ц. Цэдэнжав, Ч. Чимид, Б. Гонгоржав, Ц. Хасбаатар, С. Дондог и многие другие. В общем, их силами уже переведены на монгольский язык 135 стихотворений А.С. Пушкина в более чем 220 вариантах этих стихотворений. Тем самым в Монголии успешно развивается и пушкинистика.

Стихотворение А.С. Пушкина «Анчар» впервые в Монголии было переведено Ц. Цэдэнжавом в 1949 году, а также вышли варианты перевода Ч. Чимида (1954), Н. Жамбалсурена (1969), Ц. Хасбатара (1969), С.Дондога (1996). Последний раз рассматриваемое нами стихотворение было переведено молодым учёным и переводчиком Д. Гун-Уйлс в 2007 году. Таким образом, появились уже 6 вариантов.

Переводчики обращают внимание на построение стихотворения: следят за последовательностью строф, объединяют их тематически (первые пять строф – тема анчара, следующие четыре – тема раба и царя). Прежде всего находят сравнение, относящееся к анчару:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве зноем раскаленной,

Анчар, как грозный часовой,
Стоит один во всей вселенной.

В этих эпитетах полнее раскрывается самое понятие пустыни, безжизненность и мертвенность ее пейзажа; причина безжизненности – почва, раскаленная зноем. Поэт не сразу нашел нужные ему слова, сначала он написал: «в пустыне *мрачной и скупой*», потом заменил определение *мрачной* более наглядным – *чахлой*. К слову *часовой* был дан сначала эпитет *бодрый*, но Пушкин сразу же заменил его эпитетом *грозный*, как более подходящим к характеру обстановки и образу анчара.

О чём говорят эти варианты? О том, как внимательно автор относился к слову, как тщательно работал над ним.

Во второй и третьей строфе выделяют три логических центра: *день гнева, зелень мертвую, ядом напоила (гнев-смерть-яд)*. Обращает на себя внимание контраст: *степи, жаждущие жизни, влаги, и зелень мертвая ветвей* как результат гнева природы.

Несколько слов можно сказать и об архаизме пушкинского произношения, что отражается на рифмах его стихотворений (славянское е вместо русского ё): *раскаленной, вселенной*. Встречаются также диалектизмы, например, *ввечеру*:

И застывает *ввечеру*
Густой *прозрачною смолою*.

Переводчик обращает внимание и на подзаголовок – древо яда, где славянизм *древо* соответствует торжественности, необычности темы. Отражают усиление повторяющимся союзом *и*:

И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

При чтении шестой строфы невольно думаешь об ужасе рабства, о силе эксплуатации человека человеком; ведь царь (князь) так привык приказывать, что ему не надо было при этом даже и слов произносить, достаточно было посмотреть *властным взглядом*, а раб так привык к этому. Здесь Пушкин оценивал поступок раба: привык повиноваться, был послушным. Пушкин, оценивая поступок раба, колебался между двумя вариантами эпитетов-наречий. Сначала написал: «*И тот безумно в путь потек*», потом заменил слово *безумно* словом *послушно*. Отношение Пушкина здесь чувствуется и в выборе эпитета «*бедный раб*», и в самом тоне рассказа, где повторяющийся союз «и» усиливает основное настроение:

Принес и ослабел,
И лег под сводом шалаша на лыки,
И умер *бедный* раб у ног непобедимого владыки.

Тема последней строфы – действия царя /князя/. В «Анчаре» очень яркие образы «бедный раб – самовластный царь». Рассказ об этих действиях вызывает у всех гнев, возмущение, ненависть по отношению к царю.

У Пушкина в «Анчаре» очень выразительные эпитеты и сравнения. Поражает умение Пушкина находить подходящее слово, особенно эпитет. В торжественном рассказе умло пользуется славянизмами. Нет ни одного восклицательного знака, а стихотворение волнует, вызывает сильное чувство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гүн-Үйлс Д. А. С. Пушкин -Стихотворения. – Улаанбаатар, Монголия, 2007. – 132 с.
2. Родин И. О., Пименова. Т. М. Все произведения школьной программы в кратком изложении. – М., 2001. – 616 с.
3. Алавердов К.А. Стиль и языка А.С.Пушкина. – М., 1937. – 152 с.

Жукова Т.В.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ПАУЗИРОВАНИЯ В ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Объектом данного исследования явился конкретный языковой материал, отражающий спонтанную, непринужденную речь жителей города Бийска, собранную студентами филологического факультета в рамках диалектологической практики.

Представленные контексты характеризуются специфическими особенностями разговорной речи, прежде всего, невозможно выделить предложение: речевой поток делится на сегменты посредством интонации, характеризуется прерывистостью. «Прерывистость выражается в наличии произвольных пауз, более длительных (сравнительно с остальными) остановок, возникающих спонтанно, и, как следствие, появляется потребность в их заполнении единицами языка» [1], которые повторяются, не несут информационной нагрузки и свидетельствуют о сложных мыслительных процессах, например: //вы эта к / ээээээ / ммн / эцам/ ну / пой-дете / когда к мене / эта / эцам / ну / эта / эээ / возми диски / знаешь / эта / ну / как эта / принеси короче // эслиф не будешь есть как же / эээ / эслиф / будешь есть / вырастишь / эслиф хочешь стать умным и красивым // повествование / ну / такое / ну / ааа мм / эпическое / ну / не эээ / торопливое // или // прочитала / знаешь / стало быть / надо купить / пока

скидки / а / мннн / вот / тут / читай / стало быть / пойдём / а то / как всегда / значит / не при делах //

Анализ собранных контекстов позволил выделить группу единиц, выступающих в речи в качестве заполнителей пауз. Непроизвольные заполнители пауз – функциональные компоненты речи, возникающие в спонтанном, неподготовленном дискурсе и имеющие системный характер; в нормативной речи чаще всего нежелательные /деструктивные единицы.

На каждом уровне языка существуют определённые закономерности их функционирования, вследствие чего заполнители пауз поддаются определенной классификации: выделяются фонетические единицы, которые выражаются в растягивании звуков, типа -ээ, и в вариациях -нн, -мм, -ммн при построении высказывания. Артикуляция этих звуков максимально приближена к естественному положению органов речи в момент покоя. За счет этих элементов звуковой поток целен, говорящий обдумывает и подбирает слово для выражения своей мысли.

Следует говорить и о лексических заполнителях пауз («слова-паразиты», «лишние слова», «пустые частицы», «слова-заменители»): *блин; ну; ваще; словом; и все; так сказать; это самое; ну как ее, господи; то бишь; понимаешь; значит; которая; просто; короче; представь; собственно; стало быть и др..* Данный статус лексические заполнители пауз получают по ряду параметров: «неуместное повторение одних и тех же языковых элементов; десемантизация этих единиц», «загромождение смысловой целостности высказывания», «спонтанность возникновения» [2].

Цель данного исследования – уточнить коммуникативную функцию таких единиц в разговорном дискурсе горожан.

Прежде всего, следует говорить об установочной (ориентационной) функции: заполнители пауз отражают коммуникативные и психологические установки говорящего – установка на продолжение беседы с целью убеждения ненужного беспокойства о предмете дискурса и др., например: *// а теперь / попусту / теперь / можем неделю / попусту / эээ.../ когда песочек кладём / то можем и неделю не чистить клеточку // привет / солнышко / да / блин / ваще замотался / блин / не знаю / домой ездил / блин //*

Функция формирования замысла и сценария высказывания: *// ну / так я говорю / эээ / газелька приедет / и чё мы бегать будем / и чё надо / эээ / выносы / и чё / забегаемся вот / ну и чё / забудешь нафиг чё-нибудь /и чё...// вы / эта / когда к эээмм / ну / пойдёте / когда ко мне / диски / знаешь / белый / эта / там у тебя / эта / ну / как ммм / принеси короче //*

Заполнители пауз нередко являются средством концептуализации определенного понятия. Это происходит в том случае, когда говорящий передаёт собеседнику важную для него информацию или просьбу, пытаюсь

вовлечь его в проблему, несколько раз раскрывает одно и то же понятие, при этом акцентируется то, что информация должна быть усвоена собеседником, например, // *понимаешь / сейчас мне необходимо сделать заказ этой книги / понимаешь / эээ / так сказать / дело очень срочное / понимаешь / помоги / посиди с Машей / понимаешь / я очень быстро / так сказать / туда и обратно / ну / ммнн / ну / я поехала //*

В некоторых контекстах использование произвольных заполнителей пауз в речи обусловлено актом припоминания или поиском нужного слова говорящим (функция припоминания/поиска); это свидетельствует о том, что мысль не оформлена и варьируется в зависимости от реакции слушающего:

// *у неё глаза / мммнннн / ээээ / наверно / как вот этот / цвета непонятного / ммнн / чуть-чуть светлее / наверно / ну тут / наверно / порода такая / наверно так надо //*

Такие заполнители пауз, как *ну, это, то есть* могут выполнять функцию коррекции сценария высказывания, например, // *ээээ / Тамара / Леночка поехала / ээээмм туда / то есть / в / в поликлинику / то есть скоро ээнн / наверно / будет //*

В отдельных речевых контекстах выявлены слова, не связанные непосредственно с процессами программирования и реализации дискурса, но предоставляющие слушающему дополнительную информацию об отношении говорящего к произносимому им тексту. Эту группу единиц (по терминологии Ю.Д. Дараган [2]) формируют: а) «оценочные маркеры», выражающие оценку говорящим собственных высказываний с точки зрения удачности реализации, важности сообщаемой информации (*как бы, так сказать, скажем*), а также степени ее актуализованности (*вот, там*), например, // *нет / Вера / ты не говори / а вот Коля-то твой / ээ / увидит меня / вот / всегда / здрасте / вот / молодец / парнишка / вот / а / вот / эти-то / вот ну / наговорот / вот //*;

б) «маркеры-апеллятивы», передающие те или иные требования /просьбы говорящего к адресату, в частности, отказ от детализованного представления ситуации (*короче, в общем*) и имплицитная просьба к адресату самостоятельно домыслить ситуацию и сделать выводы, исходя из представленных данных (*вот, такой*): // *поднимаемся / короче / поднимаемся по склонам / притом да эти / короче / в шл / шлемовидные они / короче / значит / сказали / мы вам / короче / ммм / короче будем засечки / короче на деревьях //*

Следует заметить, что при отнесении «маркеров» к определенной функциональной группе важно учитывать не только коммуникативные факторы текстопорождающей деятельности горожан, обусловленные особенностями спонтанной непринужденной речи (планирование и порожде-

ние высказывания происходит одновременно), но и психологическое состояние говорящего, внешние раздражители.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бланк Т.В., Пчёлкина А.В. «Слова-паразиты» в речи. – Новосибирск, 2003.
2. Дараган Ю.В. Функции «слов-паразитов» в русской спонтанной речи. – М., 2000.
3. Русская разговорная речь. – М., 1998.
4. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969.
5. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М., 2003.

Корюкина Е. А.

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

ЖАНРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Данная статья посвящена жанроведческому описанию письменно-речевой деятельности языковой личности (ЯЛ), которая проявлена в этой деятельности. Отметим, что исследуемая ЯЛ – это человек, не получивший специального образования в этой области и не занимающийся речевой деятельностью профессионально.

Исследование выполнено в русле ряда **актуальных** направлений: теории естественной письменной речи (ЕПР), являющейся основным объектом изучения Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы Н.Б. Лебедевой; лингвоперсонологии (Н.Д. Голев, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.П. Нерознак, Е.В. Иванцова), речевого жанроведения (М.М. Бахтин, В.В. Деметьев, К.Ф. Седов).

Целью статьи является описание языковой личности в аспекте её письменно-речевой деятельности. Задачи: 1) создание эмпирической базы; 2) создание теоретической базы исследования; 3) анализ ЯЛ со стороны её психолого-социологических характеристик; 4) анализ материала со стороны его жанрово-тематического наполнения.

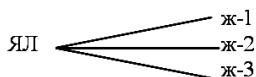
Объектом исследования является конкретная языковая личность, в реальности – Галина Петровна Касаткина. **Предметом** – жанрово-тематический аспект её письменно-речевой деятельности. Языковая личность Галины Петровны интересна тем, что она отзывывается на многие события, происходящие в регионе, стране и мире. Причем эти «отзывы» не только отражаются в устном общении, но и воплощаются в её творчестве в письменной форме в виде рифмованных и прозаических текстов, которые она, соответственно, называет «стихами» и «статьями». Мы не подходим к её «стихам» и «статьям» со стороны их художественности, эстети-

ческой ценности. Мы рассматриваем их как проявление особого вида письменно-речевой деятельности.

Материалом для нашего исследования послужило свыше 100 текстовых единиц, имеющих различную жанровую квалификацию и разнообразную в тематическом отношении. Собранные тексты являются разновидностью естественной письменной речи (ЕПР), поскольку они характеризуются присущими ей признаками: письменная форма бытования; спонтанность (неподготовленность текстов); любительское исполнение (непрофессиональность); неофициальный характер текстов; короткая временная дистанция между замыслом и его воплощением; отсутствие посторонних участников и лиц (цензуры, редакции и прочих фильтров) между замыслом и читателем.

Н. Б. Лебедева предлагает взять за основу описания ЯЛ жанры, в частности, письменные, в которые отливается её письменно-речевая деятельность и вводит понятие «жанровая личность». Она пишет: «Возможно рассмотрение языковой личности как набор жанров, через которые она реализуется. Разные ЯЛ проявляют свою речевую деятельность по преимуществу в некотором определенном наборе жанров, избегая другие жанры или редко и случайно воплощая себя в них. Есть люди бесписьменной культуры, есть – участвующие в ней пассивно (в качестве читателей), остальные имеют склонность к определенным жанрам. Исследование предпочтений, умения мыслить в определенных жанрах и избегание других может многое дать для диагностики ЯЛ» [1].

Использование разных жанров речевого общения и письменных жанров характеризует языковую личность тем или иным образом. Так, создается *жанро-речевая личность* (ЖРЛ) – термин, образуемый от словосочетаний «жанр речи» и «языковая личность» [1]. Мы исследуем **конкретную ЯЛ как набор жанров** (типов текста).

Поскольку тема новая, чёткая методика (модель) для её описания находится в стадии формирования.

Изначально основной и главной задачей нашей работы была классификация жанров ЕПР, в которых создает свои тексты Галина Петровна. Наличие среднего образования и чтение художественной и публицистической литературы говорит о том, что автор ориентируется на творчество профессиональных писателей и имеет некоторое представление о жанрах. Но анализ непосредственно текстового материала ГП показал одну особенность: они не несут достаточно выраженного жанрового оформления, а

характеризуются размытостью, некоторой аморфностью, синкретичностью и неопределенностью. Более того, иногда ГП переходит со стихотворной формы на прозаическую и возвращается опять к стихотворной, видимо, не отслеживая за собой такие «перескоки», поскольку она, как человек азартный и темпераментный, идет на поводу своих наплывающих мыслей и ассоциаций. Содержательная сторона преобладает над формальной, что и неудивительно, поскольку она – любитель, а не профессионал.

Автор интуитивно определяет свои тексты как «стихи», «статьи», «рассказы», «воспоминания», «автобиография», «тетрадь-дорожная», «заметки», «путевые заметки», «сказка» др. Однако собранный материал может быть классифицирован таким образом лишь условно, поскольку перечисленные жанры в исполнении Галины Петровны практически не отличаются друг от друга: во многом совпадают по тематике и форме. Таким образом, можно сделать вывод, что автор имеет «плавающее» жанровое сознание. Поскольку не представляется возможным каждый текст квалифицировать как сложившийся в литературоведении жанр, мы будем использовать термин-синоним **жанроид**. К.Ф. Седов в своей монографии «Дискурс как суггестия» вводит понятие «жанроид» и определяет его как жанровый гибрид, располагающийся в пространстве между жанрами и имеющий признаки сразу двух жанров [2]. В нашем исследовании жанроид понимается как жанровое образование, некоторыми признаками совпадающее с каким-нибудь литературным каноном, другими же – с другим каноном или же вообще не имеющими признаков литературного жанра.

Понятие жанра в сознании литературоведа и в сознании наивного автора «художественного» произведения не совпадают. Анализ материала показал, что «чистые» литературные жанры ГП не использует: они смешаны и не имеют четкой канонической формы.

Поскольку в текстах исследуемой ЯЛ переплетаются тема и жанр, мы будем использовать термин **жанрово-тематический диапазон**. Поэтому материал будет проанализирован в жанрово-тематическом аспекте. Творчество ГП было разграничено на несколько основных пластов – тем, а именно: 1) мистика, 2) реальность, 3) социальная сфера, 4) политика, 5) природа, 6) персоналии (в т.ч. исторические личности), 7) личная жизнь, 8) путешествие, путь-дорога. В каждой теме можно выделить ряд жанроидов, однако их функционирование не ограничивается одной темой: в текстах встречается множество различных их пересечений и комбинаций. Например, в социальной теме автор реализуется с помощью следующих жанроидов: поэтическая публицистика (стихотворный пересказ увиденного с элементами художественного с выходом на мораль), гражданские стихи, басни; в мистической теме: воспоминание, сон, гражданские стихи; в теме путешествий: воспоминание, лирическая зарисовка.

Пример 1. В тексте *«Олигарху Прохорову Михаилу от Прохоровой Галины Петровны. 650070, г. Кемерово, ул. Свободы, д.11 ФПК, дежурной»* затрагивается сразу три темы: социальная, политическая, персоналии, – а воплощаются они в виде жанроида поэтического послания-письма.

ГП обращается к известному в стране человеку, который, как она считает, может являться ей родственником. Автор, с одной стороны, предстаёт в образе хранительницы русской деревни, которая жаждет навести в ней порядок и предлагает свою помощь в поэтическом послании. С другой стороны, ГП – это добрая родственница (предположительно, тётя) Михаила Прохорова, решившая сообщить власть имущему племяннику о проблемах своей страны, которые он, видимо, упустил.

По форме данный текст ближе к жанру письма: отсутствие элементарного членения на строфы и столбцы, т.е. текст располагается по всей ширине листа, полей нет. Своеобразное «примечание» в конце текста дано не как сообщение «Post scriptum» в письме, а как пояснение к вышеизложенному: *«Еще Ломоносов говорил. Россия будет множиться Сибирью. Европейцы удивляются. Её большому изобилю».*

Пример 2. Рассмотрим «заметку» о Медном всаднике. Перед названием автор даёт комментарий-«примечание» из двух частей с социально-мистическим подтекстом: *«Примечание: 1. Бомж, учённый. Никому не нужен в наше время. Петр I дал ему надежду скорого будущего в области науки. Такие мозги валялись на дороге. Секс-попсы вытеснили науку. 2. Мистика в городе живет. Кто с недобрым приезжает. Она чувством сразу узнает. От-чего Петр ходит по Неве? От-того, что капсула в коне. Тайна в нём сокрыта. От-чего он вверх поднял копыта? Загадка. Скульптор своё дело знал, чтоб никто не распознал».*

Таким образом, в своём произведении автор затронул следующие темы: мистика, история, персоналии, воплощенные в жанре гражданского стихотворения и примечания в стихах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева, Н. Б., Юркевич, А. С. Языковая личность и речевой жанр: проблема типологии // Вопросы лингвоперсонологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул, 2006.
2. Седов, К. Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. – М.: ЛАБИРИНТ, 2011. – 336 с. – С. 321-332.

Майдаржав Алтансүвд

Ховдский государственный университет,

г. Ховд, Монголия

ТИПОЛОГИЯ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтаксис является одной из важных систем в любом языке. Порядок слов также занимает актуальное место в синтаксическом изучении монгольского и русского языков.

Долгое время проблема синтаксической типологии языка, в частности типологии порядка слов, оставалась без внимания. Первые работы, посвященные изучению типологии порядка слов, стали появляться сравнительно недавно в первой половине XX века. К родоначальникам исследований в этой области языкознания следует отнести В.Шмидта, Л.Теньера, Дж. Гринберга и многих других.

Под порядком слов в предложении понимается взаимное расположение членов предложения, имеющее синтаксическое, смысловое и стилистическое значение. Синтаксическое значение выражается в том, что с местом занимаемым членом предложения может быть связана его синтаксическая функция.

Стилистическая функция порядка слов выражается в том, что член предложения, оказавшийся на необычном для него месте, получает добавочную смысловую и экспрессивную окраску.

Основной трудностью выявления закономерностей словоупотребления в языке является степень взаимоотношения грамматической организации и коммуникативной задачи данного языка.

В зависимости от коммуникативной задачи, которую ставит перед собой говорящий, одно и то же предложение может приобретать разный смысл. Коммуникативная задача – это стремление говорящего подчеркнуть тот аспект содержания предложения, который является важным, существенным в данном контексте или в данной речевой ситуации. Например, в предложении **Дочка купила велосипед** коммуникативной задачей может быть сообщение о том, что сделала дочка. Смысл этого предложения может измениться, если говорящий поставит перед собой другую коммуникативную задачу – сообщить о том, что купила дочка: **Дочка купила велосипед**. Такая коммуникативная задача предполагает, что слушателям известно, что дочка купила какой-то предмет, но неизвестно, какой именно. Возможно и иная коммуникативная задача – сообщить о том, кто купил велосипед. **Велосипед купила дочка, а не сын купил**. Коммуникативной задачей может быть сообщение о том, каким способом дочка приобрела велосипед: **Дочка велосипед купила**.

В монгольском языке можно наблюдать то же самое явление: Охин дугуй худалдаж авав.

Можно поставить разные вопросы, для того, чтобы выявить то, что подчёркивается в данном предложении.

- **Хэн** дугуй худалдаж авав? – **Охин**

Охин **юу** худалдаж авав? – **Дугуй**

Охин **яаж дугуйтай болов?** – **Худалдаж авлаа.**

Таким образом, в зависимости от конкретной коммуникативной задачи, предложение членится на две части. Одна часть представляет собой исходный пункт сообщения, то, о чём сообщается, исходный пункт сообщения часто бывает известен слушателям и может предопределяться ситуацией или контекстом.

Другая часть сообщает нечто о первой части и заключает в себе основное коммуникативное содержание предложения, то, что сообщается, чаще всего вторая часть содержит новое, неизвестное читателю или слушателю.

Членение предложения на две части, определяемое коммуникативной задачей, существенной для данного контекста или данной речевой ситуации, называется актуальным членением. Исходная коммуникативная часть предложения, содержащая предмет сообщения, то, о чём сообщается, называется темой. Главная коммуникативная часть сообщения, содержащая то, что сообщается о теме, называется ремой.

Когда мы поставим разные вопросы, для того, чтобы выявить то, что подчёркивается в данном предложении, некоторые части часто повторяются и в вопросе, и в ответе. И эти повторяющиеся части являются темой в данном предложении, то есть это то, что нам уже известно. А та часть, которая отвечает на вопрос, является ремой в данном предложении - в двух сопоставляемых нами языках.

- **Хэн** дугуй худалдаж авав? – **Охин** – Кто купил велосипед? – **Дочка.**

- Охин **юу** худалдаж авав? – **Дугуй** – Что дочка купила? **Велосипед**

- Охин **яаж дугуйтай болов?** – **Худалдаж авла** – Как дочка приобрела велосипед? – **Купила.**

Порядок членов предложения обычно начинается с темы и заканчивается ремой. Этот порядок называется прямым порядком слов и это совпадает с грамматическим или с синтаксическим членением предложения. Наряду с прямым порядком слов существует инверсивный, или обратный порядок слов. Обратным называется порядок, обусловленный теми или иными стилистическими требованиями и коммуникативной задачи. При обратном порядке слов предложение начинается с ремы и заканчивается темой.

При прямом порядке слов члены предложения занимают нейтральные и обычные места, то есть подлежащее стоит в начале предложения, перед

сказуемым, определение стоит перед определяемым словом в двух языках, а дополнение в русском языке стоит после управляемого слова, когда в монгольском языке дополнение стоит перед управляемым словом. Например: **Папа читает сегодняшнюю газету.** Аав өнөөдрийн сонин уншиж байна.

папа – Аав – подлежащее

читает – уншиж байна – сказуемые

сегодняшнюю газету – өнөөдрийн сонин – определения

читает газету – сонин уншиж байна – дополнения

При обратном порядке слов члены предложения в русском языке занимают относительно свободное место по сравнению с членами предложения в монгольском языке.

Папа **сегодняшнюю газету** читает.

Папа газету **сегодняшнюю** читает.

Читает сегодняшнюю газету **папа**.

Өнөөдрийн сонинг аав уншиж байна.

Өнөөдрийн сонинг уншиж байна **аав**.

В современном русском языке члены предложения могут занимать разные позиции, тогда как в монгольском языке это является невозможным, то есть это показывает, что в русском языке существует и свободный порядок слов, а в монгольском языке существует строгий порядок слов. Но в зависимости от стилистики и жанров произведения в двух языках порядок может быть разным и свободным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика русского языка. Том 2. М., 1982.
2. Бабайцева В.В, Инфантова. Г.Г. Современный русский язык, Ростов-на-Дону, 1997.
3. Батчулуун Д. К вопросу о порядке слов в русском и монгольском языках. Научный сборник № 10, Ховд, 2001.
4. Барайшир. Б. Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрзүй. Улаанбаатар, 1989.

Махнёва А.И.

*Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА И АРХИЕПИСКОПА ДР. РОБЕРТА ЦОЛЛИЧА

Все больший интерес современной лингвистики вызывают проблемы лингвокогнитивного моделирования профессиональной языковой личности, исследования индивидуальных особенностей её когнитивного стиля и

коммуникативного поведения. За основу таких исследований можно взять не только работы языковедов в области персонологии (Е.Н. Азначеева, Е.И. Голованова, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.В. Красных, Л.П. Крысин и др.), но и психологов, занимающихся проблемами исследования стилей мышления (А.А. Алексеев, Л.А. Громова, М.А. Холодная).

Лингвистические исследования речевого портрета ведутся относительно давно. При этом в первую очередь ученых интересует социально-речевой портрет отдельной группы людей, объединенной по какому-либо социальному, территориальному или культурному признаку. Современная персонология занимается не только характеристикой коллективной (модельной, по определению В.И. Карасика) профессиональной языковой личности, владеющей профессиональным языком, профессиональным тезаурусом и следующей стереотипам профессионального поведения, исследования направлены и на дальнейшую дифференциацию в процессе лингвокогнитивного моделирования профессионального деятеля, связанную с описанием этно- и социоспецифических характеристик языкового поведения данной профессиональной языковой личности [1].

В своей книге «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов представляет теоретико-гносеологическую модель языковой личности, которая включает три уровня: 1) вербально-семантический, 2) лингвокогнитивный и 3) мотивационный (прагматический) [2]. Именно она является основой дальнейших исследований в области персонологии и исследования языковой личности религиозного лидера как профессионального деятеля в частности.

Нам бы хотелось подробнее остановиться на вербально-семантической и прагматической характеристике речевого произведения по Ю.Н. Караулову.

Вербально-семантический уровень складывается из лексикона индивидуума – всего запаса слов и словосочетаний, которыми он пользуется в естественной вербальной коммуникации. При этом учитывается не только количество лексических единиц, но и умение правильно использовать вербальные средства в соответствии с нормами социальной дифференциации и вариативности, функционально-стилистической ценности. Индивидуальность этой характеристики определяется не только степенью владения этим умением, но и нарушением нормативных правил словообразования, грамматики и произношения [2].

Прагматическая характеристика определяется целями и задачами коммуникации – намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Именно мотивированность говорящего, которая, по определению Ю.Н. Караулова, является «коммуникативно-деятельностной потребностью», и представляет собой единицу

прагматического уровня языковой личности [2, с. 215], служит наиболее существенным фактором, обуславливающим ее индивидуальные особенности. Эти особенности определяются не только уровнем знания логических рассуждений индивида, но в значительной степени и его эмоциями и ситуативными факторами общения [2].

Языковая личность реализуется в речевых произведениях / текстах. Материалом нашего исследования послужили тексты проповедей Патриарха Кирилла Московского и Всея Руси и архиепископа др. Роберта Цоллича. За основу анализа свойств языковой личности мы взяли тексты проповедей, посвященных празднику Рождества Христова. По мнению Епископа Аверкия, под проповедью понимается текст-возвещение евангельского учения о нашем спасении в живой речи перед народом [3].

Таким образом, основываясь на представлении Епископа Аверкия о двухсторонней сущности проповеди и теоретико-гносеологической модели языковой модели, предложенной Ю.Н. Карауловым, в данной статье мы проанализируем особенности языковой личности архиепископа Фрайбургского доктора Роберта Цоллича и Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на вербально-семантическом уровне, установим широту ассоциативного поля, коррелирующего с концептом «Бог», а также проследим способы реализации упомянутой выше интенции с помощью лингвистического анализа текста.

Для анализа языковой личности др. Р. Цоллича мы взяли проповеди, произнесенные им в 2010 и 2011 гг. на рождественские праздники. В ходе анализа мы выявили особенности дискурса на морфологическом, лексикологическом, а также стилистическом уровнях, которые в свою очередь характеризуют вербально-семантический и прагматический уровень языковой личности.

Хотя морфологические особенности представляют и не самую многочисленную группу особенностей, но имеют всё же большое прагматическое значение – объединение людей в общность веры (нем. *Gemeinschaft des Glaubens*). Именно этой цели служит использование префиксов, имеющих значение «вместе, друг с другом»: *Miteinander*, *Mitmenschen*, *Mit-Leben und Mit-Leiden*, *zusammenwachen*.

Следующую по объёму особенность текста проповеди образуют лексикологические особенности. Речь архиепископа представляет богатство синтагматического поля, коррелирующего с концептом «Бог», представленным ниже. Рассматривая представленную схему, можно увидеть, что образ Бога представляется как образ человека (*Mensch*) и брата (*Bruder*), для которого также характерна противоречивость, которая достигается благодаря применению антонимических пар, как, например, *жизнь и смерть* (*das Leben und Sterben*). Контекстуальные синонимы *сожитель-*

ство-сострадание (das Mitleben und Mitleiden) усиливают экспрессивный эффект текста на слушателя. В совокупности все представленные понятия рисуют образ светлого (das wahre Licht) равного (Miteinander auf Augenhöhe) партнера и спутника (Wegbegleiter).

Помимо довольно широкого лексического поля, актуализирующего концепт «Бог», нам представляется необходимым заметить, что весомым для речи архиепископа является тема дружбы и примирения, которая проходит красной нитью по всему тексту и воплощает мысль о всеобщем примирении: «*Gott und der Sünder, die sollen zu Freunden nun werden*» - «Бог и грешник, да станут они друзьями».

К стилистическим особенностям текста относятся многочисленные восклицательные предложения (*Wie gut und wohltuend, dass es dich gibt! Das feiern wir an Weihnachten! Gott sei Dank!*) и длинные цепочки вопросительных предложений (*Haben wir Zeit für den Nächsten, der mein Wort, meine Zuwendung braucht? Für den Leidenden, der Hilfe benötigt Haben wir Zeit und Raum für Gott? Kann er hereintreten in unser Leben? Findet er Raum bei uns, oder haben wir alle Räume des Denkens, Handelns, Lebens für uns selbst besetzt?*), которые являются риторическими приемами, служат для создания четкой структуры текста, поддержания внимания слушателей, живости устной речи, поддержания диалога со слушателями и эффективного прагматического воздействия на них. Кроме того, речь обнаруживает большое количество таких стилистических тропов, как градация (...*eine Freudenbotschaft oder gar eine Glücksbotschaft, gar eine allgemeine Glücksverheißung...*), метафора («*Leben ist Geschenk von Gott*», «*Glanz dieses Geheimnisses Gottes*»), антитеза («*Leben und in seinem Sterben*», «*Geben und Nehmen, ein Empfangen und Beschenken*»), а также аллюзии и многочисленные цитаты библейских пассажей («*das wahre Licht*», «*Stall in Bethlehem*»). Стоит, кроме того, заметить, что в речи архиепископа имеет место личная оценка говорящего («*Klärer scheint mir zu sein*»). Все эти стилистические особенности служат цели приблизиться к слушателю и вести с ним рав-

ный доверительный диалог, а также цели показать двоякую сущность вещей.

За основу анализа языковой личности патриарха Московского и Всея Руси Кирилла мы взяли его речи, посвященные празднику Рождества 2011 и 2012 г.г.

На морфологическом уровне в речи патриарха Кирилла можно также проследить повторяющееся использование префиксов со значением «вместе»: *содействие, соучастники*.

Лексическое поле понятия «Бог» в проповеди патриарха представляет сравнительно небольшим по объему, и мы можем наблюдать традиционный круг лексических единиц, коррелирующих с данным понятием. Отталкиваясь от компонентов лексического поля, можно сделать вывод, что «Бог» представляется как нечто, стоящее на голову выше человека и главенствующее над ним. Наравне с понятием «друг» речь патриарха также пронизывает и антонимичное понятие «враг»: *«враги Церкви», «противоборство служению Церкви»*. Таким образом, в речи происходит явное разграничение на «своих» и «чужих», на «хорошее» и «плохое», «божественное» и «дьявольское». Кроме того, весомым в православной культуре является понятие «Церковь», которое многократно упоминается патриархом в речи.

Стилистические особенности проповеди обнаруживаются в пассажах с назидательной, предписывающей формулировкой (*«У христианина должен быть спокойный и оптимистический взгляд на мир», «И эта несоместимость должна быть явлена современному человеку»*), а также в вопросно-ответной форме повествования (*«А что же явилось причиной отклонений? Случайное стечение обстоятельств? Случайное совпадение на генетическом уровне? Совсем нет»*). Кроме того, часто применяются многочисленные метафорические выражения (*«завернут в очень привлекательную упаковку»*), а также персонификации (*«грех, который возво-*

дит стену между Богом и человеком») и аллюзии и цитаты из Библии («свет Вифлеемской звезды»).

Таким образом, сравнивая проповеди архиепископа др. Роберта Цоллича и проповеди патриарха Кирилла Московского, мы можем проследить некоторые общие черты, характерные для языковой личности религиозного деятеля в целом, как например использование риторических приемов и тропов или применение сходных морфологических средств для достижения прагматической цели. Однако можно сделать вывод, что лексическое поле, а также набор понятий и их применение / сочетание в речи находит некоторые культурно обоснованные различия в представлении образа Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азначеева, Е.Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал – УРСС, 2003. – С. 42-43.
3. http://azbyka.ru/dictionary/04/averkiy_rukovodstvo_po_gomiletike_04-all.shtml
4. Проповеди: <http://www.patriarchia.ru/db/text/986159.html>;
<http://www.patriarchia.ru/db/text/1932186.html>;
http://www.erzbistum-freiburg.de/html/aeltere_predigten_reden.html?t=

Мельник Н. В.

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Традиционно текст изучается в разных аспектах, каждый из которых выделяет его сущностные свойства. Так, структурно-семантическое направление исследования текста акцентирует прежде всего такие черты, как связность и цельность текста, обладающего определенной структурой. Функциональное направление во многом сближается со стилистическим, в основе которого лежит выбор средств выражения из множества вариантов. Коммуникативное направление рассматривает текст как один из компонентов коммуникации, в которую ко всему прочему вводится и субъект – отправитель и получатель речевого сообщения [1], что в большей мере соответствует антропоцентрическому подходу к исследованию языка и текста.

В целом обозначилась исследовательская тенденция от изучения текста как системно-структурного образования к его рассмотрению как фор-

мы коммуникации, от изучения лингвистической организации текста к изучению языковой личности, создающей или воспринимающей текст. Все это делает возможным рассмотрение текста как персонотекста, то есть текста в аспекте проявления в нем языковой личности автора и/или адресата. Именно персонотекст является особым предметом изучения лингвоперсонологии, одно из направлений которой исследует персонную сущность языковых единиц [3].

Лингвоперсонологический анализ является универсальным типом анализа и применим к любому тексту, независимо от его стиля, жанра и т. д. Первичный текст тоже может быть представлен с позиции отражения в нем личности, например, при актуализации авторской манеры повествования. Мы же исследуем прежде всего вторичный текст, так как это дает возможность сопоставления разных текстов с константами – исходными, первичными текстами, а потому именно вторичный текст обладает наибольшим гносеологическим потенциалом, выступая как своеобразное зеркало видения языковой личности.

В ходе проведения эксперимента студентам IV курса факультета филологии и журналистики было предложено задание продолжить стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Сфинкс», начав его с фразы «Да и сам я – не сфинкс ли себе?», таким образом, чтобы на выходе получился цельный текст. Сама формулировка задания лишь косвенным образом указывает на необходимость стилизации, подражания и предоставляет пишущему возможность самому решать, будет ли созданный им вторичный текст составлять единство с исходным только по содержанию или же при этом будет учитываться и форма (вернее, внутренняя форма как способ воплощения содержания), то есть стиль, манера повествования автора первичного текста, будет ли вторичный текст писаться от лица И. С. Тургенева или от лица участника эксперимента (в последнем случае также возможны варианты: от конкретной языковой личности или от языковой личности обобщенно-абстрактного типа).

Таким образом, вторичный текст выступает для нас, с одной стороны, как метатекст, то есть текст о тексте, в котором эксплицитно и имплицитно, осмысленно, сознательно и интуитивно, качественно и количественно представлена о нем самая разнообразная информация, с другой стороны, как персонотекст, так как сама эта информация детерминирована не только и не столько первичным, исходным текстом (ведь он один), но и во многом обусловлена языковой личностью автора вторичного текста.

В результате анализа полученных экспериментальных данных намечены критерии типологизации персонотекстов: содержательный – формальный; внутритекстовый – затекстовый; интуитивный (художественный) – рационально-логический; механический – осмысленный; «окультурен-

ный» – природный; профессиональный (филологический) – наивный; субъективный – объективный [2]. Спроецируем их на анализ вторичных текстов.

Текст 1. *Да и сам я – не сфинкс ли себе? Я смотрю на свое отражение в зеркале, смотрю, и что же я вижу? Лишь искаженное изображение собственных черт. Губы могут сложиться в веселую улыбку, но глаза будут источать вселенскую печаль. И эта натянутая, искусно созданная улыбка введет в заблуждение многих. Может удастся обмануть и себя: в круговороте будних дел нет времени заглянуть в собственную душу, лишь зеркало дает мимолетный отчет о настроении.*

И не каждому выпадает шанс встретить вторую половинку, человека, улавливающего мельчайшее движение души. Кому же дано разгадать тайну чуждой души? Это может быть лучший друг, возлюбленный или родная мать. Да мало ли кто может стать вашим Эдипом! И кровное родство здесь не играет главной роли. Главное – родство душ.

Комментарий. Ономазиологическая стратегия метатекстовой деятельности носителей языка основана на рефлексии языковой личности по поводу **содержания** текста, его темы, но при ее раскрытии автор уходит за **пределы первичного текста**, обращаясь к внеязыковой действительности – к событиям своей внутренней жизни, **осмысленных и представленных в образной форме**.

Высокая степень эгоцентричности свидетельствует о **субъективном** типе (реализация я-повествования, экспрессивный синтаксис, вопросительные и восклицательные конструкции) вторичного текста, который представляет собой **непосредственную реакцию** на исходный, **не зависимую от профессиональной принадлежности**. В данном вторичном тексте проявляет себя категория копиальности – **креативности** с доминированием последнего компонента.

Тип текста: **содержательный, затекстовый, художественный, осмысленный, природный, наивный, субъективный, креативный.**

Текст 2. *Да и сам я – не сфинкс ли себе? Задуматься только, ведь каждый... каждый...*

И где этот Эдип для России? Человек... по его мнению уже столько умеющий, столько могущий за время пребывания на Земле, но все еще загадочный для самого себя. Пропasti, пропasti... нет, не времени, а мирозерцаний, эпох, мыслей отделяют нас от людей, сотворивших Сфинкса...

И люди ли были теми творцами чуда, которое по сей день задает нам загадки... Движения песка, движение времени... Мы все, как и в те далекие времена, живем в этом движении времени, утекающем как песок сквозь пальцы человеческие... а сфинкс все стоит и будет стоять. Он

существует незыблемо, от начала истории человеческой; он донесет свой секрет до будущих поколений; загадку начала, загадку мира... Но существуют люди, которые носят на себе печать сфинкса, тайны, тайнопознания. Лишь на короткий миг можно увидеть в их глазах отблеск иного, тайного, недоступного... Но стоит только ухватить эту часть знания, часть тайны, как она выскользает, обманывая неверных надеждами. Может быть, это и к лучшему. Скучно будет жить, господа, со знанием всего и вся!!!

Комментарий. В данном тексте также представлено развитие заявленной в исходном тексте **темы**, но, в отличие от предыдущего, данный персонотекст **ориентируется на исходный текст**, составляя с ним смысловое единство, развивая заложенные в нем идеи как бы от лица автора первичного текста – **объективно**, но через систему представленных уже в самом стихотворении в прозе образов – то есть **художественным способом осмысляя** проблему, в этом его **креативность**, а сам вторичный текст представляет собой тем не менее **непосредственную реакцию** на исходный, **свободную от профессиональных канонов**.

Тип текста: **содержательный, внутритекстовый, художественный, осмысленный, природный, наивный, объективный, креативный.**

Текст 3. *Да и сам я – не сфинкс ли себе?*

Разве не глядяваюсь я с напряжением в собственное зеркальное отражение, как в некую труднейшую загадку? Тонкие, обкусанные губы, чуть вздернутый вверх короткий нос, широкий лоб, глаза... Эти глаза пристально и лукаво глядят в меня, словно хотят спросить: «Ты кто?» Из зеркала выступает чужое лицо, черт которого я не узнаю, перед которым теряюсь, как перед лицом тысячелетнего египетского сфинкса. И я ищу в этих внимательных и строгих глазах намеки на меня, живого и такого разного, раскрытого, как на ладони, и в то же время сокрытого очень глубоко за прахом этого безмолвного лика.

Да! Все мы сфинксы, и наши глаза упорно пытаются выразить нечто непередаваемое, полууловимое нами самими.

Познать, что творится в глубине этих глаз, подвластно бесконечно малому числу людей. Существует ли в мире мой Эдип? Увы, до сих пор я не встретил его!

Комментарий. Данный тип текста, с одной стороны, так же, как и предыдущие, ориентирован на раскрытие **содержания** первичного текста, но в данном случае при способе его воплощения во многом заимствуется **внутренняя форма** исходного (лексика, синтаксические конструкции, композиция текста), поэтому, несмотря на личностную проекцию, данный текст можно отнести к **внутритекстовому типу** персонотекста в его

субъективной реализации, о которой свидетельствует я- и мы-повествование, вопросительные и восклицательные предложения.

В данном тексте нет таких признаков «профессионализма», как лингвистическая терминология, элементы лингвистического, стилистического, литературоведческого, филологического анализа, что позволило нам отнести его к типу **наивного** персонотекста. Он представляет собой непосредственную реакцию на исходный, свободную от укоренившихся в учебном дискурсе установок на стандарт, штампов, клише, что свидетельствует о тяготении к полюсу «**природный**» и **креативности** созданного текста.

Тип текста: **формально-содержательный, внутритекстовый, художественный, осмысленный, природный, наивный, субъективный, креативный.**

Текст 4. *Да и сам я – не сфинкс ли себе? И не важно, что теперь вместо изжелта-серого, сверху рыхлого, исподнизу твердого, скрыпучего песка, везде, куда не взглянешь, видишь белый, искристый, словно сахарный, снег, море снега. И не важно, что не громадная голова египетского сфинкса возвышается над этим «морем», а лишь несколько одиноких крестов, заброшенных, всеми забытых, чернеют, рассекают белоснежные просторы этого моря мертвых.*

А ведь неспроста они здесь. И на некоторых из них еще сохранился неясный, еле различимый образ обитателей сих мест, в виде маленькой, черно-белой фотокарточки, навечно пригвожденной к внешней стороне крестов.

Да-а! Как скоро время стерло из нашей памяти всех тех, кто некогда даже не задумывался о том, что окажется в царстве снега, вот так, внезапно. И ведь все они хотели что-то сказать, добраться до истины, хотели, но не смогли.

И я, блуждающий сейчас среди этих безмолвных могил, задаюсь тем же самым вопросом, пытаюсь разгадать их тайну. Значит, и я, я тоже – сфинкс, как и они. Как и все, кто живет ныне, и кто уже давно стал прахом.

И, быть может, через много, много лет, найдется тот Эдип, который разгадает загадку всероссийского сфинкса, заглядывая в лица простых русских мужиков, или блуждая, как и я, среди могил уже умерших.

И их глаза скажут ему о многом... Он внемлет этим безмолвным, загадочным речам.

Он непременно появится, – наш Эдип.

Что ж – всему свое время!

Загадка русской души рано или поздно будет разгадана!

Комментарий. В этих текстах рефлексии подвергается, помимо **темы**, еще и стиль повествования (**внутренняя форма**), но делается это на чувственном, интуитивном уровне. Рефлексия не эксплицирована, но результат ее в тексте все же представлен: авторы вторичного текста как бы переживают стилистику И. С. Тургенева, подражают ему, рефлектируя по поводу заданной первичным текстом темы, при этом рефлексии подвергаются разные уровни текста: лексический, синтаксический, о чем свидетельствуют результаты – представленные в тексте единицы. Таким образом, во вторичном тексте доминирует **установка на текст** как таковой.

В нем на художественном уровне **осмыслена** заявленная в исходном тексте проблема, реализован объективный тип повествования, при этом никак **не представлена профессиональная принадлежность** автора вторичного текста, который высказывает свою точку зрения просто как рядовой носитель языка, что соответствует **наивному**, обычному восприятию проблемы.

Креативность реализуется на уровне внутренней формы текста.

Тип текста: *формально-содержательный, внутритекстовый, художественный, осмысленный, природный, наивный, объективный, креативный.*

Таким образом, мы видим, что рефлексия автора вторичного текста может иметь эксплицитный и имплицитный характер (о факте наличия последней мы судим по косвенному проявлению – по качественным и количественным характеристикам созданного вторичного текста, который является ее опредмеченным вариантом). Данные персонотексты противопоставлены друг другу по ряду параметров. За типом персонотекста стоит языковая личность его автора, обладающая языковой способностью определенного качества.

Общие положения могут быть иллюстрированы конкретными примерами, в частности **местоимение** и **тип повествования** в свете развиваемой концепции предстают **как лингвоперсонологические категории**. Так, в текстах реализованы разные типы повествования: я-, мы-, он-повествование идет по линии от персонализации к деперсонализации (реализуется принцип градуальности). В некоторых текстах реализуется я-повествование, эти тексты по данному признаку в большей степени персонализированы, в других намечается движение к деперсонализации от я-повествования к мы-повествованию или от я-повествования к он-повествованию.

При этом автор вторичного текста осмысляет проблему как бы изнутри, крайняя степень подобного эгоцентризма приводит в некоторых работах к тому, что меняется исходная фраза задания: «Да и **сама** я не сфинкс ли себе», в которой находит отражение гендерная принадлежность автора:

Да и сама я – не сфинкс ли себе? Ведь и мои черные дуги бровей, бездонные, словно морская пучина, глаза, мягкие алые губы говорят о той загадке, что скрыта в моем сердце, в моей душе. Каждый человек – индивидуальность, неповторимое создание щедрой природы. Невозможно, как бы нам не хотелось, до конца познать окружающих нас людей, вывести их тайны, пробраться в самые темные, скрытые от посторонних глаз уголки души...

Категория рода (гендерный аспект) также наполняется **лингвоперсонологическим содержанием**. Например, реализация мужского рода во вторичных текстах (*И ведь истинно Сфинксом был я!*) может соотноситься с полом реального автора или (*Да и сам я – не сфинкс ли себе?*) не соотноситься с полом автора, что свидетельствует о нерелевантности для таких текстов признака персонализации/деперсонализации по указанной линии. В других же, напротив, действует тенденция к персонализации, что доказывает тот факт, что мужской род заменяется женским родом (*Да и сама я – не сфинкс ли себе?*), что совпадает с полом автора вторичного текста.

Лингвоперсонологическая интерпретация полученных экспериментальных данных позволила выявить параметры лингвоперсонологических различий, в основе которых лежат разные качества языковой способности создающих текст личностей, и на их основе создать лингвоперсонологическую методику описания вторичных текстов разных типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука, 2007.
2. Голев Н. Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования в техническом вузе (опыт построения концепции) // Прикладная филология в сфере инженерного образования. Т. 1. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. Нортхэмптон; Томск, 2004.
3. Голев Н. Д., Сайкова (Мельник) Н. В. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ч. 1 / Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007.

Шестакова О.В.

МБОУ «Гимназия №11», г. Бийск, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ КАТЕГОРИИ «СЕМЬЯ» В РАДИОРЕКЛАМЕ

К понятию «ценностная категория» мы относим наиболее значимые для человека аспекты жизни: семья, здоровье, дружба и т.д. В этих категориях выражаются интересы и предпочтения разных людей, а также соци-

альных групп. Заметим, что ценностные предпочтения формируются и изменяются в процессе развития общества. Реклама, продвигая конкретные товары и услуги, опирается на ценности современного общества, следовательно, отражает стереотипы сознания современной языковой личности. Помимо того, что реклама отображает уже существующие предпочтения в обществе, она формирует новые интересы, то есть новые ценности.

Стоит отметить, что ценностные категории проявляются на разных уровнях в радиорекламе: на лексическом, стилистическом, аудиальном. С помощью средств разных уровней рекламный текст воздействует на мысли, эмоции и чувства аудитории, опираясь на стереотипы и интересы людей, связанных с разными сферами общественной жизни и представляющих повышенную ценность для современного человека. В рекламе могут раскрываться такие аспекты жизни общества, как этика, мораль, бытовой комфорт, материальный достаток и другие. С помощью вербальных элементов подчёркиваются такие качества рекламируемых товаров и услуг, отражающие их актуальность и значимость для потребителя, как авторитет, престижность, известность, надёжность, практичность. Рисуемые в рекламе ситуации акцентируют внимание на теплоту семейных отношений, успех в карьере, искренность дружбы, ценность здоровья – различные аспекты ценностных категорий современного человека.

В данном исследовании мы обращаем наше внимание на одну из ценностных категорий – на семью, выявляя языковые средства выражения, особенности её реализации в тексте радиорекламы и отражение в сознании современной языковой личности.

Семья – один из основных факторов жизни человека, отражающий идейные, нравственные представления человека и формирующий ценностные ориентиры. Как мы отмечали выше, ценностные категории подвержены изменениям в процессе развития общества, а так как семья связана с отображением современных представлений и воспитанием нового поколения, то она, как ценностная категория, подвержена трансформации.

При этом семья выступает как элемент картины мира, которая обуславливает характерный для данной эпохи, для данного общества способ восприятия мира, объясняющий в сознании носителя той или иной картины мира роль этого элемента в целостной системе мира.

Представляя совокупность признаков, семья выступает в качестве концепта, то есть представления носителей языковой культуры о данном явлении действительности.

В выявлении новых представлений о семье и её ценностных ориентиров, отражающихся в рекламе, заключается **актуальность исследования**.

Материалом для нашего наблюдения стали 200 рекламных роликов, взятые из эфира различных радиостанций за период с 2009 по 2012 годы.

Перейдём к рассмотрению отражения семьи в текстах радиорекламы:

- *(Мужской голос). Хорошо, когда семья большая, дружная. Мама, тесть, дети – все в сборе. И любимая рядом. Всё-таки я купил правильную машину. И даже бабушка с нами, она ведь тоже любит ездить на рыбалку.*

- *(Другой мужской голос). Фольксваген «КейтХолидей» – экономичный, надёжный и безопасный семейный автомобиль на базе модели «Golf 5». Обширный набор оборудования и до семи посадочных мест. Проведите очередные выходные вместе со своими близкими. Информация у официальных дилеров и на сайте фольксваген.ги.*

В данном рекламном ролике показана ценность большой дружной семьи, на что сразу указывает первое предложение, а в следующих фразах эта идея конкретизируется. Ценность семьи, которая отражена словами «*семья большая, дружная*», при этом использованные определения являются самыми частотными реакциями на слово «семья» по данным русского ассоциативного словаря, где первое место занимает слово «большая», второе – «дружная». Это подтверждает нашу мысль, что реклама отражает современные стереотипы сознания языковой личности. Помимо слова «дружная», единство всех членов семьи подчёркивается такими фразами, как «*все в сборе*», «*вместе со своими близкими*». Заметим, что ситуация даётся с точки зрения мужчины – главы семейства, принимающего решения самостоятельно («я купил»). Данная точка представления ценностей показывает смену стереотипов в патриархальной семье, где изначально главой был старший мужчина, в современном же обществе главой считается тот, кто заботится о других членах семьи, несёт материальную ответственность. В подаче материала можно отметить антропоцентризм – персонаж рекламы называет членов семьи относительно себя: мама, тесть, дети, любимая, бабушка. Обращаем внимание на слово «любимая», которое относится к жене, но если слово «жена» отражает официальный статус женщины по отношению к мужчине, отражённый в документах, то «любимая» – нежность, душевную теплоту мужчины. Это указывает, с одной стороны, на значимость выражения чувств в современном мире, с другой, на второстепенность закрепления их в государственных структурах. Отмечается в рекламе такой признак семьи, как совместное времяпрепровождение, в данном случае рыбалка. Семья как ценностная категория обладает вещественными атрибутами, в рассматриваемом примере – это автомобиль, который является рекламируемым товаром. В тексте акцентируется внимание аудитории на безопасность и практичность этой модели для семьи, а также ещё раз подчёркивается значимость большой семьи через

указание количества посадочных мест («до семи посадочных мест» – в итоге 8 мест, включая водительское).

Обратим внимание на аудиальный уровень радиорекламы – на голос, озвучивающий текст рекламного сообщения и позволяющий схематично (т.к. звучащая речь не подкрепляется изображением) представить себе адресанта. Мужской голос «изображает» перед аудиторией мужчину, женский – женщину, детский – ребёнка, то есть схематичный образ адресанта наделяется не только гендерными свойствами, но и возрастными.

Проанализировав рекламные ролики, мы можем составить следующую таблицу:

Качество голосов	Мужской	Женский	Мужской +женский	Мужской +женский + детский	Мужской + детский
Количество радиороликов	99	28	67	4	2
Процентное соотношение	49,5%	14%	33,5%	2%	1%

Как видно из результатов таблицы, почти половину рассматриваемых радиороликов составляют тексты, озвученные только мужскими голосами. Это можно связать с высокой социальной значимостью представителей мужского пола в обществе в целом и в семье в частности, на что мы уже обращали внимание при анализе представленного выше радиоролика.

В качестве примера, где используется голос ребёнка, можно привести рекламу тарифного плана «Билайн» – «Первый детский»:

– *(Голос женщины) Как у нас волчок говорит?*

– *(Голос ребёнка) Р-р-р-р!!!*

– *А рысь?*

– *Р-р-р-р-р!!!*

– *Ну а зайчик?*

– *Р-р-р-р-р!!!*

– *(Смех женщины).*

(Музыка. Мужской голос). Пора познакомиться с дикой природой поближе. Подключи ребёнка к тарифу «Первый детский» и получи в подарок фильм о дикой природе и забавные наклейки. Акция проходит с 15 августа по 15 октября 2008 года. Узнай больше о местах и условиях проведения акции по номеру 0667. «Билайн» - живи на яркой стороне!

Присутствие в рекламе образа ребёнка соответствует товару – тариф «Первый детский», название которого уже подразумевает этот образ. Помимо ребёнка мы слышим голос женщины, беседующей с ним, и голос мужчины, комментирующего условия акции. Таким образом, перед нами рисуется картина семьи: мама, папа и ребёнок, а этот тариф воспринимается как связующее звено между детьми и родителями. В данной рекламе

находит своё отражение современная позиция ребёнка как объекта забот взрослых, включающих вопросы образования, воспитания, развлечения, здоровьесбережения и др. В данной рекламе иллюстрируются функции образования и развлечения (*«получи в подарок фильм о дикой природе и забавные наклейки»*). При этом ребёнок не выступает в качестве помощника или равного взрослому. Его действия продумывают старшие (*«Подключи ребёнка к тарифу»*). Этот подход к роли ребёнка соответствует современному представлению, которое отличается от столетнего взгляда на роль ребёнка, где он выступал полноценным помощником семье и её защитником. Эта реклама также отражает представление о роли женщины в современном обществе, где её главной задачей осталось воспитание детей, создание для них комфортной психологической атмосферы – в игровой форме ребёнок знакомится с жизнью животных, которые называются с помощью уменьшительно-ласкательных слов (*«волчок»*, *«зайчик»*).

Таким образом, мы рассмотрели отражение ценностной категории «семья» в тексте радиорекламы, проявляющееся на разных уровнях (лексическом, стилистическом, аудиальном). Семья представляется в рекламе большой и дружной при подчёркивании связей поколений, главой семейства считается мужчина-добытчик, а не старший мужчина в семье, ребёнок становится объектом заботы вместо ранее равного члена, женщина остаётся хранительницей домашнего очага, но уже нового, современного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. // Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4425/КОНЦЕПТ (дата обращения: 25.10.2012);
2. Семья // Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 28.10.2012);
3. Философская Энциклопедия. В 5-х т. — М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960—1970. // Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1350/ЦЕННОСТЬ (дата обращения: 25.10.2012);
4. Философский словарь. Картина мира // Толковые словари [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.edudic.ru/fil/560/> (дата обращения: 27.10.2012).

РАЗДЕЛ V. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА В XXI ВЕКЕ

Бушев А.Б.

*Филиал Санкт-Петербургского государственного
инженерно-экономического университета, г. Тверь, Россия*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИКА: В ЧЕМ ЕЕ СПЕЦИФИКА?

Появление настоящей статьи вызвано обсуждением работы Е. В. Кобец «Коммуникативно-прагматическая специфика политического дискурса (на материале речей А. И. Лебеда)» [3]. В работе привлекает внимание прежде всего исчисление стратегий современного политика – на что нацеливается таковой при публичных выступлениях. Это анализируется на репрезентативном корпусе материала. Каким риторическим задачам подчинена деятельность политика?! И указанная работа дает четкие ответы на эти вопросы. Более того, ряд стратегий связывается с макростратегиями – конфликтовать, кооперировать либо самопрезентироваться. Это чрезвычайно интересно. В зависимости от этих макроустановок (очевидно, совпадающих, по мнению автора и К. Ф. Седова, с классическими темпераментами, хотя последние не встречаются в чистом виде) политик строит все вербальное поведение. На наш взгляд, это главное достижение работы Е. В. Кобец. Интересен сопоставительный анализ коммуникативной и языковой структуры речей политика.

Глава четвертая указанного труда «Языковая специфика воздействия политика» исчисляет элокутивы тропеического и фигурального характера. И тут мы можем предъявить мысли автора тот же упрек, что и всей риторике – нет доказательств связи определенных тропов и фигур и их контаминаций и эффективности коммуникации, нет специфических связей риторических приемов со стратегиями, тактиками речи. Более того, **цветистые, орнаментальные речи могут быть старомодными или пустыми.** И напротив, эффективные речи могут быть лишены фигур, просты. А уж тем более между речью и личностью политика нет никаких корреляций (История показывает, что можно выступить с речью «Братья и сестры!...», затем загубить миллионы людей и опровергнуть Достоевского – не стать после этого Раскольниковым).

Привлекательно исследование Е. В. Кобец фигуры пресуппозиции – в широком смысле учитывающей весь опыт и канон вербального поведения. Это тоже сильная сторона работы, ее безусловное достижение.

Культура языковой личности и культура речи, логика, интеллект и вербальная поведение, критерии развитости речи, исследуемые диссертантом – эти проблемы отсылают нас и к работам Г. И. Богина, и к работам Б. Н. Головина. Оратору можно сказать пусть и с ошибкой («Мой

язык, как хочу, так и говорю», – утверждала З. Шаховская), но главное – что и как!

Полемизируя по поводу языковой личности политика и политической риторики, отметим следующие моменты:

1. Привлечение понятий «языковая личность», «дискурсивная личность», «коммуникативная личность» в работах данного круга исследований. Авторы их, как мы понимаем, не разделяют мнения лингвистов-когнитологов, что «языковая личность – абстракция от всех результатов речемыслительной деятельности коммуникантов в тех или иных дискурсивных условиях; когнитивно-дискурсивный инвариант, реализуемый в дискурсе некоторым множеством вариантов, различающихся между собой номинативными и дискурсивными стратегиями» (Л. И. Гришаева), комплексный прототип идентичности и т.д. Не разделяем этой точки зрения и мы. Для авторов языковая личность – это носитель (как, например, Лебедь А. И., так и социальный тип современного регионального политика). Однако, вербальное поведение этого политика не объясняется Е. В. Кобец и не связывается в работе с тем, каков его уровень образования, каковы случайность и закономерность вознесения во власть такой фигуры, ее избранность и поддержка, склонность к политическим гешефтам – и самое главное для риторики! – результаты деятельности. Об этом судить рано. Это вне пределов филологического исследования. Но риторика не может не использовать эти экстралингвистические сведения для суждения о речах исследуемого. Констатация того, что Лебедь А. И. – яркая языковая личность [3, с. 13], нам представляется сомнительной.

2. В работе Е. В. Кобец представлено, **как** говорит А. И. Лебедь, но **о чем** он говорит – задачи, цели, деятельность и результаты речевых поступков, результаты деятельности – оказываются вне рассмотрения. **Какими концептами он оперирует?**

3. Почему речь идет о **становлении** коммуникативной личности действующего на тот момент, а ныне бывшего политика?

4. Автор не учитывает парадокс наивного носителя языка и риторического (художественного) использования языка – едва ли А. И. Лебедь мог сам судить о своих текстах «с точки зрения их роли в процессе формирования и выражения мысли, концепции, композиции речи», использования фигур градации, полисиндетона и т.д.

5. О каких личностных свойствах позволяют судить тексты А. И. Лебеда? Как личностные свойства сказываются на речах А. И. Лебеда?! На наш взгляд, речь в лингвоперсонологии идет о не о языковой личности, а о личности, как и в лингвопсихологии. Впрочем, Ю. Н. Караулов полагает, что в языковой личности представлены все ее личностные характеристики. Кстати, в труде Е. В. Кобец четко и хорошо представлен методологи-

ческий пафос лингвоперсонологии: двунаправленный вектор исследований: лингводиагностика плюс лингвопраксеология (лингвобихевиорология) и восхождение к языку от личности.

6. В работе Е. В. Кобец хорошо, со ссылками на работы О. Н. Паршиной, написано о политическом дискурсе, но он совершенно неверно отождествляется с неопублицистикой. Неопублицистика – это М. Соколов, Д. Быков, А. Проханов, А. Минкин и т.д. Каковы особенности устного политического дискурса, устного ораторского выступления, – или этот дискурс замер в неизменности с шестидесятых годов XX века?! Ведь не только вторжение просторечия и канцеляризмы характеризуют этот стиль!

Важны техники понимания стандартного, давно занимающие нас [2]. Приведем пример стандартной риторики. Газета «Завтра» № 43 помещает «Реквием по Муаммару»:

20 октября 2011 года Хилари Клинтон получила видео, на котором были засняты пытки, коим подвергся Муаммар Каддафи. Толстеющая госсекретарь с дьявольской ухмылкой выдала ликующее «Вау!», а затем произнесла: «Пришли... увидели... убили...» Именно такая жуткая варварская картинка предстала на мировых телеэкранах, открывая истинное лицо тех, кто на протяжении полугода ракетами и бомбами «вбивал в Ливию демократию».... Кажется, «западники» сошли с ума. «Поздравления ливийскому народу» по случаю избавления от кровавого диктатора прислали все те деятели, усилиями или молчаливым согласием которых недавно процветающая страна превращена в руины, сотни тысяч ее граждан – в беженцев.

Запад танцует джигу на окровавленном теле Каддафи. Мы затеваем звездный хоровод под небом между трех океанов.

*Каковы же последствия убийства Муаммара Каддафи? Очевидно, что мир после него не стал ни лучше, ни справедливее, ни безопаснее. **Гражданская война в Ливии будет продолжаться, а хаотизация всего Ближнего Востока – нарастать**.....в результате все человечество еще на несколько шагов подошло к черте, за которой начинается даже не «четвертая мировая», а нечто еще более **масштабное и ужасное**, некая первая «глобальная война». Полковник Каддафи уже стал первым настоящим героем этой войны, и теперь его, как метко сказал президент Венесуэлы Уго Чавес, **«будут вспоминать как борца и мученика»**. Зеленое знамя Ливийской Джамахирии уже стало знаменем сопротивления американскому глобализму. Трагическая гибель Муаммара Каддафи не может оставить безучастными лидеров других суверенных национальных государств, которых разными способами шантажируют американские **«борцы за демократию»**.*

Каддафи убили по согласованной позиции западного финансового – промышленного истеблишмента – Каддафи вкладывал огромные суммы в западную экономику. По приказанию Саркози и других людей, которым он давал деньги на избирательную кампанию, эти грабители выиграли. В момент кризиса его выгодно было убить. Главная ошибка этого человека – желание договориться с западом, стать частью мирового истеблишмента, наивная вера в то, что декламируемые ценности гуманизма и демократии реально существуют, и он имеет дело не с бандой озлобленных корыстолюбивых мерзавцев, для которых важнее всего власть и деньги. Эта наивная вера и привела его к трагическому концу на улицах Сирта. Он умер как мужчина.

Средства стереотипов, построения смыслов «свой – чужой», аксиологическая семантика создаются при помощи выделенных элементов. Клише, метафоры, позволяют создать стереотипную картину. Это выводит исследователя дискурса, например, к вопросу о том, чем полезны и чем вредны стереотипы.

Сошлемся на нашу серию работ, посвященных языковым и риторическим особенностям политического дискурса в масс-медиа. На примере глобального дискурса событий 2011 года в Ливии показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса. Непонятно, кстати, сама ли действительность оперативнее представляет материал, или активнее идет накопление знаний и разработка самого метода дискурсивного анализа. Отметим, что в наших исследованиях на первоначальном этапе наше внимание привлекли освещение бомбардировок Косово 1999 года и их освещение в сети Интернет. Определенной оптикой снабдили исследователей информационные войны на Северном Кавказе. Экспланаторной силой обладают и работы школы Г. Г. Почепцова, связанные дискурсом Оранжевой революции на Украине [5]. После событий 11 сентября 2001 года нами проведено исследование военно-политической риторики операции «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», активно освещаемой мировыми масс-медиа. Определенный материал дали этно- и социально-окрашенные выступления в Париже 2005 года – нами проводилось исследование беспорядков во Франции в 2005 году. 2011 год представил материал по беспорядкам в Великобритании. И публичная политика тоже способствует формированию представлений о критическом анализе дискурса. В последние годы мы могли наблюдать в Интернете и масс-медиа избирательную кампанию по выборам президентов США и

Франции, которая уже выплеснулась и на пространство блогосферы, что, безусловно, представляет собой новый феномен. Последние самые актуальные материалы опять вновь спешит «поставить» исследователю жизнь – движение индигнадос в Испании, акция Occupy the Wall Street и демонстрации в Греции, наконец операция коалиционных сил в Ливии и уничтожение М. Каддафи, С. Хуссейна, О. Бен Ладена. Дискурс об экономическом кризисе и дискурс мультикультурализма также способствуют разработке категориального аппарата дискурсивных исследований [2].

7. Как мы уже указали, есть разные подходы к тому, что такое языковая личность. Е. В. Кобец придерживается той позиции, что это носитель или социальная группа носителей. Ну, так тогда, как образование, опыт предшествующей работы, конформизм класса выдвиженцев формирует вербальные и коммуникативные особенности этой группы? Вот в отношении дискурсивных макростратегий это ясно. Здесь нужно указать на докторскую работу М. Н. Пановой «Языковая личность **государственного служащего**: опыт лингвометодического исследования» [4], очевидно оставшуюся за горизонтом исследователя. Каковы речевые характеристики чиновничества как класса? Что позволяет отделить (региональных) политиков от профессоров, от журналистов, от телеведущих, от старших школьников, от переводчиков? Тем более что из уст всех этих категорий мы слышим образцы политического дискурса. В исследовании отечественного политического дискурса есть коллективный труд «Не говори шершавым языком», проливающий свет на отдельные аспекты устной публичной политической речи, к сожалению, в основном в аспекте нормативности.

8. Как меняются положения работы Е. В. Кобеца, если понимать языковую личность как сумму вербального опыта, как механизм хранения языка в памяти индивида? Лингвисты-когнитивисты понимают языковую личность совсем иначе. Она не связана ни с отдельными носителями, ни с социальными группами. Мы также не можем согласиться с тем, что дискурсивная личность будет менять свои характеристики – это не про личность! В зависимости от условий коммуникации, целей меняются стратегии, стиль коммуникации, но не личность! У лингвистов-когнитивистов личность меняется в диахронии, а в риторико-герменевтической парадигме личность меняется по мере накопления речевого опыта и способности к пониманию и производству текстов.

Труд Е. В. Кобеца характеризует преемственность – в работе учитываются достижения отечественного языковедения – идеи Г.И. Богина, впервые в СССР начавшего изучать языковую личность, Ю. Н. Караулова, В. Н. Базылева, Н. Д. Голева, К. Ф. Седова. Теория дискурсивной личности К. Ф. Седова кладется в основание типологизации дискурсивных макро-

стратегий А. И. Лебеда. Нам теория К. Ф. Седова стала окончательно понятной только после знакомства с работой Е. В. Кобеца.

9. Спорным вопросом остается структура языковой личности. Многочисленные, переходящие из работы в работу декларации, что де «структуру языковой личности формируют... речевой этикет, вербальный компонент...» заставляют нас полагать, что здесь могут быть и иные точки зрения.

Итак, в нашей статье, в основе своей имеющей актуальную полемику по труду, связанному с языковой личностью политика, мы представили некоторые вопросы теории языковой личности, не нашедшие однозначного разрешения. Эта полемика – залог развития теории языковой личности, имеющей большой потенциал прежде всего для лингводидактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать. Тверь, 2000. Интернет-источник: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/6> (дата обращения 29.02.2012).
2. Бушев А. Б. Языковая личность профессионального переводчика. Монография. Тверь, 2010. 265 с.
3. Кобец Е. В. Коммуникативно-прагматическая специфика политического дискурса (на материале речей А. И. Лебеда). Автореф.дисс....канд. филол.наук. Абакан, 2012. 30с.
4. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. Москва: РАГС, 2005. 315 с.
5. Почепцов Г. Г. Революция Com. Москва, 2006. 660 с.

Искандарова Г.Р.

*Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Россия*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЮРИСТА В XXI ВЕКЕ

Рассматривая профессиональные функции юристов, известный правовед С.С. Алексеев выделил главную из них, прежде всего, ведение юридических дел. Нередко эта работа обозначается словом «производство». К профессиональной деятельности юристов относится составление юридических документов, которые используют строгие стандарты способов выражения мысли. Таким образом, юрист в процессе осуществления своих профессиональных функций и «говорит», и «пишет», и «советует» [1, с. 95].

Речь является своеобразным паспортом человека, который точно указывает, в какой среде общается говорящий, как он относится к людям и родному языку, каков его культурный уровень. Основные критерии куль-

туры речи юриста – это точность, ясность, правильность, чистота, нормативность. Культура речи юриста предполагает знание норм устных публичных выступлений. Устная речь требует богатства словаря, художественной выразительности, поскольку она обращена непосредственно к живым людям. Допущенные речевые ошибки дискредитируют юриста. Если ошибка осталась незамеченной, то юрист, человек с высшим образованием, оказывается проводником речевого бескультурья. Таким образом, речевая культура не личное дело каждого юриста. Уважительное отношение к языку, чистая, правильная речь юриста является в определенной мере показателем его уважения к нашим законам.

Современный юрист как носитель административно-правовой культуры должен не только в совершенстве владеть нормами современного литературного языка, но и различными типами служебного общения, профессионально значимыми речевыми жанрами, соблюдать этические нормы и этикетные правила, стремиться к толерантному восприятию особенностей других коммуникативных культур, уметь адаптироваться к различным условиям и ситуациям общения.

Языковая личность юриста формируется в определенном социокультурном пространстве – соответствующей ментальной среде, обусловленной профессией, образом жизни и мировоззрением коммуникантов. В порождаемых языковой личностью юриста текстах, в его речевом поведении отражаются мировоззрение, профессиональная языковая картина мира, а также профессиональные цели, ценностные установки. Речевое поведение – не только особенности лексикона, тезауруса и грамматикона (ср. языковую личность по Ю.Н. Караулову), но и типы коммуникативной стратегии в условиях служебного общения – является важнейшей характеристикой социального статуса современного юриста [2, с. 99-100].

Профессиональная речь юриста с позиции теории языковой личности представляет собой совокупность единиц разных уровней языковой системы и функциональных разновидностей языка: это специальная юридическая терминология, средства официально-делового стиля со стандартными клишированными выражениями, элементы разговорной речи, административно-правовой жаргон.

При анализе ошибок, возникающих как в устной, так и в письменной речи юриста, особое внимание стоит уделить нормам, вызывающим некоторое затруднение. К ним можно отнести следующие:

1) выбор формы при согласовании сказуемого с некоторыми видами подлежащего: *Пять следователей отправилось(лись) на место происшествия. Или: Большинство обвиняемых было/были отпущено/ны под подписку о невыезде;*

2) многословие: *Мы будем применять методику, направленную на обеспечение интерактивного обучения и вовлечения всех участников в процесс путем использования примеров, вопросов, связанных с практической деятельностью, и сравнительных тестов для пользователей в целях их самостоятельной оценки достигнутого уровня знаний;*

3) неуместное употребление слов с точки зрения стиля или семантики: *Психозы не надо вешать людям* (Е. Строев);

4) нарушение норм лексической сочетаемости: *Давайте повесим такой риторический вопрос к правительству* (А. Разбаш). Вместо повесить вопрос следовало бы поставить вопрос, и тогда уже не к правительству, а перед правительством;

5) смешение паронимов: *Мы надеялись получить ответ на эти опасности (вместо опасения), проблема имеет решение (но не разрешение);*

6) определение рода и склонения сложных существительных типа счет-фактура и штаб-квартира, а также рода и склонения аббревиатур: *Теоретические занятия юридической направленности будут проводить специалисты Центра профессиональной подготовки башикирс(ой,ого) МВД;*

7) склонение некоторых имен и фамилий в юридических текстах: *Были заслушаны показания свидетелей по эпизоду с поджогом дома бывшего начальника Волковысского РОВД Виталия Коцубы;*

8) согласование с существительными, обозначающими профессии или лица женского пола по роду деятельности (или другое лицо, обозначенное в юридическом тексте номинативом мужского рода): *В Псковском городском суде идет рассмотрение уголовного дела в отношении директора фирмы ООО «Окна» Натальи Владимировны Коротковой;*

9) употребление имени числительного: *Представители сто двадцать одной страны;*

10) неправильное построение предложения, что часто ведет к неопределенности, двусмысленности фразы: *Переселение жильцов выгодно инвестору (будут ли жильцы сами переселяться, их переселит инвестор или кто-то другой?)* [3, с.180-182].

Именно слово становится главным инструментом юриста. В силу этого невинности словесной формы ведут к неточным формулировкам, невыполнению закона, неправильному толкованию его норм и т.д. [4, с.89]. Поскольку многие документы юридического характера появляются на свет недостаточно грамотными в лингвистическом отношении, то в той или иной мере ослабляется их правовая дееспособность. Об этом говорят сами юристы и рубрика «Культура речи» во всех периодических изданиях по правоведческой тематике. Это касается и лингвистической трактовки документов разного рода. В не меньшей мере необходимость лингвистических знаний и умений для юристов проявляется и в сфере толкования

текстов, как общенародных, так и юридических. Способность юристов к грамотной лингвистической рефлексии по поводу такого рода текстов весьма существенна для юридической деятельности самых разных профилей [5].

Подводя итог вышеизложенным аспектам языковой личности современного юриста, раскрывающейся в процессе осуществления им своих профессиональных обязанностей, мы высказываем следующую мысль: Слабое языковое развитие российского юридического корпуса выходит за рамки чисто юридической деятельности и становится социально значимой проблемой нашего времени в государственном масштабе, с соответствующей установкой на ее разрешение на уровне российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. – М.: Юридическая литература, 1976. – 256 с.
2. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего в сфере межкультурной коммуникации // Библиотечное дело – XXI век. – 2008. – №1 (15). – С. 98-103.
3. Сергеева Е.Н. Проблемы совершенствования речевой грамотности // Использование инновационных технологий в обучении иностранным и русскому языкам: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 07 апреля 2011 года) / под общей редакцией Ф.Р. Имамутдиновой. – Уфа: УЮИ МВД России, 2011. – С. 178-183.
4. Носкова Л.Г. К вопросу о формировании языковой личности сотрудника органов внутренних дел // Юридический мир. – 2005. – №4 (100). – С. 87-92.
5. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники: сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижполиграф, 2000. – С. 101-108.

Солодянкина Н.В., Хвостова А.В.

*Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА

Для современной лингвистической науки характерно развитие антропоцентрического направления, изучения языка в тесной связи с человеком. Различные научные направления (психо-, социо-, онтолингвистика и др.) объединены общностью объекта исследования – языковой личностью человека. По мнению Ю.Н. Караулова, изучение языковой личности как целостного феномена позволяет интегрировать разрозненные результаты

исследовательской практики, вводить их в русло единой лингвистической парадигмы [1, с. 25].

В настоящее время в отечественном языкознании сформировалось особое направление, в рамках которого языковая личность изучается с точки зрения описания ее речевого портрета. По определению С.В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [2].

В речевых портретах отражаются различные характеристики личности (возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и др.). В научных работах, посвященных речевому портретированию (М.В. Панов, Л.П. Крысин, Т.П. Тарасенко, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Л.Н. Чурилина, Т.М. Николаева и др.), описываются один или несколько уровней реализации языковой личности, при этом предпочтение отдается рассмотрению вербально-семантического уровня.

Одним из аспектов научной деятельности лингвистов является описание коллективного речевого портрета (например, научные исследования С.В. Мамаевой, Б.Я. Шарифуллина и др., посвященные анализу речи школьников и студентов). Однако в большинстве случаев в научных работах рассматриваются лексические и грамматические особенности речи.

Целью нашего исследования является описание целостного речевого портрета студента-филолога на основе трехуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова; определение аспектов, на которые необходимо обратить внимание при формировании коммуникативной компетенции будущих учителей.

Уровневая структура языковой личности в концепции Ю.Н. Караулова предполагает рассмотрение 1) **вербально-семантического уровня**, где в качестве единиц рассматриваются отдельные слова и отношения между ними (лексикон); 2) **тезаурусного (лингвокогнитивного)** уровня, единицами которого являются теоретические или обыденно-жизненные обобщенные понятия, идеи, концепты; 3) **мотивационно-прагматического уровня**, отражающего особенности коммуникативных ролей общающихся [1].

Исследование проведено на основе анализа 70 письменных текстов, относящихся к жанру приветственного слова, а также 50 текстов на тему «Сценарии жизни человека». Тексты были написаны студентами 3, 4 и 5 курсов филологического факультета АГАО им. В.М. Шукшина. Материалом исследования также послужили записи устной речи студентов-филологов: 1) ответы без опоры на письменный текст на практических занятиях (метод включенного наблюдения); 2) фрагменты речи студентов во время прохождения педагогической практики (7 уроков).

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ уровень рассматривался нами, в основном, на материале письменных текстов (приветственного слова и

текста на тему «Сценарий человеческой жизни»). В ходе анализа было установлено, что в письменной речи студентов-филологов преобладают штампы, стандартные построения. Это свидетельствует о **некоторой консервативности, слабо выраженном творческом начале**. Так, в текстах приветственного слова частотность использования штампов составляет 57% от общего количества работ (*«подняться по карьерной лестнице», «реализовать себя как личность», «мудрые наставники», «мастер своего дела», «вступить в новую жизнь и др.»*).

В текстах на тему «Сценарий человеческой жизни» консервативность проявляется на уровне композиции: 37% оформили каждую микротему в несколько предложений (например, микротема «Рождение»: *«Человек родился и издал первый крик. Родители ухаживают за ребенком, оберегают его. Ребенка могут крестить по желанию родителей»*); 63% ограничились одним словом или словосочетанием («Школа», «Свадьба», «Рождение», «Работа» и т.д.).

В свою очередь, частотность использования **выразительных средств** в текстах приветственного слова не превышает 27% (формы превосходной степени имен прилагательных: *«самая что ни есть серьезная ответственность», «наилучший», «самый лучший»*; метафоры: *«начать эту дистанцию с хорошего старта, чтобы на финише выпуститься высокими профессионалами», «желаю терпения и сил в нелегком бою»*); присоединительные конструкции: *«Многие из вас наверняка уже проявляли свои таланты на публике. И мы это очень ценим»* и др.)

В текстах на тему «Сценарий человеческой жизни» **выразительные средства** более разнообразны и частотны (максимальное значение – 33%). К ним относятся: уточняющие конструкции (*«нашел свой путь, совершенно особый»*); разговорная лексика (*«попозитивнее», «слонялся»*); контекстуальные синонимы (*«добрая тихая старушка»*); вопросительные предложения *«Семья. Вообще непонятно как? Зачем? И к чему это приведет?»*) и др.

Помимо консервативности следует отметить такую особенность, как **подчеркнутость своего доминирующего положения**. Об этом свидетельствует преобладание местоимения «Я» (*«Добро пожаловать к нам на факультет, я очень рада вас всех видеть. Надеюсь, что ваши ожидания оправдаются и вы не пожалеете, что поступили на филологический факультет»* и др.). Использование глаголов в форме повелительного наклонения для выражения пожелания придает высказываниям **несколько категоричный характер**: *«любите», «ставьте цели», «проведите», «создайте», «стройте»* (34%).

Исследуя **ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ** (на материале письменных и устных текстов), мы выявили слова, наиболее характерные

для речи студентов-филологов. Данные слова стали центрами ассоциативно-семантических узлов.

В письменных текстах приветственного слова это ассоциативно-семантические узлы «студент», «учитель», «учеба», которые объединены семами «серьезность» и «ответственность»; а также «**филологический факультет**», связанный с предыдущими узлами семой «правила». Таким образом, мы установили, что в сознании испытуемых указанные понятия соотносятся с началом серьезного пути, ответственностью, сложностью, возможностью реализовать себя.

В текстах-сценариях жизни человека центром семантического узла стало понятие «**рождение**». При этом в большинстве работ человеческая жизнь описана в основном с бытовой, обыденной стороны, что «размывает» индивидуальное видение ситуации, маркерами которого в текстах являются, например, конкретизация места рождения и различные уточнения.

В устных текстах ассоциативно-семантическими узлами стали слова: «**работать**» (студенты делают акцент на значимости, необходимости работы, оценивают ее как хорошую); «**общество**» и «**мнение**» (в данном случае для студентов-филологов большую ценность представляет индивидуальное, самобытное, а то, что является общественным мнением, воспринимается негативно и зачастую обесценивается). Указанная особенность соотносится с выводами по вербально-семантическому уровню (подчеркивание студентом своего доминирующего положения).

Анализируя **МОТИВАЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ** уровень, мы определяли, насколько речь испытуемых соответствует коммуникативным условиям. Для этого исследовательский материал был соотнесен с основными требованиями к жанрам, в которых он реализовывался (письменные тексты - приветственное слово; устные тексты - доклад, рассказ о событии, убеждающее выступление) [3]. В результате нами было установлено следующее.

1. Студенты-филологи хорошо умеют выстраивать свою речь в соответствии с коммуникативной ситуацией.

2. Речевая коммуникация студентов-филологов имеет четкую **направленность на понимание** (приводится большое количество примеров, аудитории задаются вопросы, частотны пояснения, уточнения); характеризуется достаточно **высоким уровнем дидактичности** (об этом, например, свидетельствуют поучительные выводы вместо простого описания развязки в рассказе о событии).

3. В речевом общении подчеркивается **индивидуальность говорящего** (высокая частотность употребления местоимения «я»; расстановка выступающим смысловых акцентов в преподносимой информации **Дидактичность, подчеркивание собственного доминирующего положения** в

речи студентов-филологов может объясняться тем, что получаемое ими образование имеет педагогическую направленность. Поскольку большая часть реципиентов прошли педагогическую практику, закономерно то, что студенты примеряют на себя роль педагога, речи которого свойственны указанные выше качества.

Вместе с тем, при анализе фрагментов устной речи студентов, записанной во время прохождения педагогической практики, отмечено частотное употребление местоимения «МЫ» и соответствующих глагольных форм при обращении к классу (*«запишем»*, *«мы изучили»*, *«давайте прочитаем»*, *«попробуем»*, *«приступим»*), что свидетельствует о **демократичном стиле общения, реализации кооперативной речевой стратегии** в данной коммуникативной ситуации.

Описание речевого портрета студента-филолога может быть продолжено на основе анализа письменных и устных текстов других жанров с целью вынесения рекомендаций для оптимизации образовательного процесса при совершенствовании продуктивных видов речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст]. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
2. Леорда, С.В. Речевой портрет современного студента [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.dissforever.ru/order.php?id=714>.
3. Стернин, И.А. Практическая риторика [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

Научное издание

**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

*Материалы
Международной научной конференции
(Бийск, 22 – 23 ноября 2012 г.)*

Ответственный редактор:
кандидат филологических наук, доцент
Елена Валентиновна Белогородцева

Редактор:
кандидат филологических наук, доцент
Наталья Ивановна Доронина

ISBN 978-5-85127-712-2

Сдано в набор 15.10.2012. Подписано в печать 19.11.2012
Формат 60х90/16. Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 10. Тираж 100 экз.
Заказ ___, с. (сп.) 2880.

Редакционно-издательский отдел Алтайской государственной академии образования
им. В.М. Шукшина – 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 53.

Типография «Выбор плюс: цифровая типография» -
659300, г. Бийск, ул. Озерная, 6..